

М. емцев
Е. парнов

УРАВНЕНИЕ
С
БЛЕДНОГО
НЕПТУНА

М. ЕМЦЕВ, Е. ПАРНОВ

**УРАВНЕНИЕ
С
БЛЕДНОГО
НЕПТУНА**

фантастические повести

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 1964

Оформление художника И. Огурцова

Михаил Емцев родился в 1930 году во Львове, Еремей Парнов — в 1935 году в Харькове. Сейчас они научные сотрудники, работают в области химии и физики.

Их совместная литературная деятельность началась в 1959 году. За сравнительно небольшой срок они опубликовали несколько научно-популярных книг, около пятидесяти статей и научно-художественных очерков.

Первый их научно-фантастический рассказ, «На зеленом перевале», появился в 1961 году в журнале «Искатель». Вслед за этим в журналах «Техника — молодежи», «Молодежь мира» публикуются их рассказы «Секрет бессмертия», «Запонки с кохлеоидой». Затем рассказы и повести Е. Парнова и М. Емцева включаются в сборники «Фантастика, 1963», «Новая сигнальная», «Лучший из миров», в альманахи.

«Уравнение с Бледного Нептуна» и «Душа мира» — новые фантастические повести молодых авторов. Они посвящены философским проблемам современной науки, диалектическим противоречиям ее бурного развития, ее глубокому влиянию на судьбы и сознание людей.

уравнение
с
бледного
нептуна

Родители Марка погибли в одном из звездных рейсов, когда мальчику было четыре года. Ворчливый и педантичный ученый, высокий и тощий, как Дон-Кихот, профессор Крабовский стал для Марка отцом, учителем и няней одновременно.

Когда Марк подрос и обзавелся первыми в своей жизни друзьями, профессор испытал щемящее чувство ревности. Вопреки логике непоседливые мальчишки с изодранными коленками и визгливые девчонки, чьи косички напоминали крысиные хвостики, почему-то значили для Марка неизмеримо больше, чем тихие вечерние часы, проведенные в неторопливой беседе с ним, дядей.

Чтобы дисциплинировать жадный и впечатлительный ум ребенка, профессор (кстати, вопреки советам учителей школы первой ступени, куда осенью должен был пойти Марк) начал обучать его латыни.

И как смущен и растерян был ученый, когда Марк, вместо того чтобы прочесть знаменитую речь

Цицерона, начинавшуюся словами «О темпора, о морес», захлебываясь от счастья, пропел:

Эне, бене, рабе,
Квинтер, минтер, жабе.
Эне, бене, рес,
Квинтер, минтер, жес.

— Это меня Нинка научила! — сказал мальчик, переводя дух.

Профессор обиделся, но не подал виду. Он пытался вспомнить свое детство, но на него повеяло чем-то смутным и неуловимым. Как забытый запах.

Профессор всегда старался быть сдержанным в своих чувствах. Он не расточал мальчику ласковых слов, не закармливал его сладостями. Но когда Марк засыпал, Крабовский на цыпочках подходил к его постели и осторожно касался сухими губами горячего детского лба.

Про себя профессор уже четко определил весь жизненный путь племянника. Мысленно он видел Марка в лекционном зале среди студентов или представлял его своим ассистентом, о котором не переставал мечтать с того дня, как впервые почувствовал усталость. Крабовский даже вообразил себя горбылым, седым стариком, торжественно передающим кафедру молодому, полному сил преемнику. Но все вышло совсем иначе.

Марк никогда не будет профессором университета. Он избрал другой путь... Может быть, лучший. Даже наверное лучший, но другой.

Старик сидит у себя в кабинете. Уже вечер, но он не зажигает света. Вот уже почти две недели, как Марк вернулся на Землю. Но все еще не удосужился зайти домой. Лишь два раза его лицо на минуту появилось на экране видеофона. Появилось и исчезло. Крабовскому показалось, что Марк выглядит немного странно. На лице его ясно читались смущение и тревога.

«Отчего бы это? — думает старик и тут же решает: — Наверное, чувствует себя виноватым...»

Крабовский не видел Марка семь лет. Когда он провожал племянника на Фомальгаут, то мысленно

прощался с ним навсегда. «Сорок шесть световых лет, — с горечью думал профессор, — он слегка постареет, а я умру».

Конечно, Крабовский знал о новой теории Бруно Райша. Но он был человеком старой закалки, воспитанным на классике Эйнштейна и Гейзенберга. Временной парадокс Райша, основанный на торможении тела в собственном гравитационном поле, профессор считал блестящей математической формалистикой, не более.

Но Райш оказался прав: Марк вернулся и застал старика в живых.

«Люди перехитрили время, а я должен уйти на покой, — казнит себя Крабовский. — Я постарел, незаметно превратился в консерватора и... наверное, скоро потеряю контакт со студентами... Такова жизнь...»

Крабовский смотрит в темное окно, где проносятся наполненные светом машины, мелькают фиолетовые вспышки энергораздатчиков.

Ему кажется, что где-то в глубине памяти так же вот внезапно вспыхивают воспоминания о давно прошедших днях. Вспыхивают и гаснут в черной неподвижной воде невеселых старческих мыслей.

Звякнула открывшаяся дверь. Крабовский не шевельнулся, не сделал попытки зажечь свет и пригласить редкие седые пряди. Пусть все будет как есть. Но в сердце Крабовского произошла великая перемена. В резонанс с открываемой дверью в нем зазвучала неслышимая для посторонних симфония радости, наполненная пением медных труб, громом литавр и расцветенная пурпурными клубами.

И старик понял, что Марк наконец-то дома.

— Ну что же ты молчишь, мой мальчик? — бодро и весело говорит Крабовский.

— Я не знаю, с чего начать, дядя, — как-то неуверенно отвечает Марк. Он смущенно улыбается и умолкает.

Старик помнит Марка прямым, даже немного грубоватым, и ему непонятны эти неожиданные колебания и неуверенность.

— Ты что, боишься сообщить мне неприятную новость?

— Неприятную новость? Но о чем? — как будто искренне удивляется Марк.

— Тогда рассказывай!

— Мы так давно не виделись, дядя...

— Ну, вырази свою радость по поводу нашей встречи в одной короткой фразе и рассказывай.

Марк улыбнулся. Шумно вздохнул, будто проглатывая какую-то тяжесть, и начал рассказывать:

— Фомальгаут была выбрана нами не совсем случайно. Это звезда...

— Альфа Южной Рыбы, светимость шестнадцать солнц, спектральный класс АЗ, семь планет, — перебил Крабовский племянника. — Все это я знаю! Избавь меня от ненужной информации. В моем возрасте это вредно. Расскажи только самое главное.

— Хорошо, дядя, — покорно согласился Марк. — Ты только не прерывай меня. Ты не сердись. Я знаю, о чем должен рассказать тебе... Так вот! Наша задача состояла в экспериментальной проверке гравиконцентраторов и в установлении параметров Райша. Фомальгаут была выбрана не случайно. Она не так уж далеко от нашей системы, и вместе с тем дважды по двадцать три световых года — вполне достаточный путь, чтобы проверить справедливость нестационарного следствия причинной релятивистской теории...

Шли мы с постоянным ускорением, приблизительно соответствующим силе тяжести. Сразу же за границами Системы мы утроили ускорение и включили концентраторы. Создаваемое звездолетом круговое гравитационное поле вытянулось и сосредоточилось у него на пути. Мы, таким образом, все время должны были преодолевать собственное тяготение. Приборы звездолета сейчас же зарегистрировали эффект! Но мы не могли знать, как идут часы на Земле, и поэтому, лишь вернувшись на Землю и увидев знакомые лица, мы поняли, что опыт удался. Но главное не в этом. Тем более что все уже известно из информационных передач пси-связи.

Марк замолчал. Невидящим взглядом уставился он в окно. Кто знает, какие видения проплывали перед ним! Крабовский выждал немного, потом спросил:

— А что же главное, мой мальчик? Вы привезли людям великую победу... Что может быть важнее?

Марк встрепнулся. Его бледные щеки заалели. От недавней растерянности и скованности не осталось и следа. Он резко встал, прошелся по кабинету и остановился у Крабовского за спиной.

— Только не считай меня сумасшедшим, дядя. Я расскажу тебе такое... Об этом еще никто не знает...

Марк замолчал, точно собираясь с мыслями.

Крабовский иронически улыбнулся. Он хотел поблагодарить племянника за доверие, но сдержался.

— Так вот, — опять начал Марк, — почти три года собственного времени шли мы на Фомальгаут. Когда мы уже стали явственно ощущать тяготение звезды в три солнечных массы, наш командир Алик Вревский приказал мне сбросить напряжение с гравиконцентраторов. Потом мы включили двигатели и в состоянии невесомости уравнивали свое поле с изогравами ближайшей планеты. Мы обследовали все семь планет. Пять из них оказались похожими на Юпитер. Плотные газовые шары, раздираемые электромагнитными бурями. Внешняя планета — я невольно ищу аналогий — несколько походила на Луну: холодное небесное тело, почти лишенное атмосферы. И только одна бледно-зеленая планета, четвертая от звезды, показалась нам более или менее интересной.

Когда мы легли на круговую орбиту, то нам почудилось, что вся поверхность планеты представляет собой единый зеленоватый океан.

Приборы показывали, что температура на Бледном Нептуне, так мы называли планету, сто девяносто — двести градусов ниже нуля. Вода в жидком состоянии при такой температуре существовать не может. Поэтому мы сделали вполне естественное предположение, что океан состоит из какого-то сжи-

женного газа... Спектральные исследования подтвердили, что под нами бушуют и пенятся волны жидкого азота.

На семнадцатом или восемнадцатом витке вокруг Бледного Нептуна мы разглядели огромный остров. Совершенно ровное серо-свинцовое плато площадью, наверное, в две или даже в три Гренландии. Я предложил спуститься и обследовать остров, но капитан нашел, что никакого интереса он для нас не представляет и единственное, что можно сделать, это еще немного снизиться. Капитан был, по сути, прав, и я не стал возражать. Мы приблизились к азотному океану. До его поверхности оставалось каких-нибудь сорок километров. И тут я заметил, что береговая линия острова светится мертвенным желто-зеленым светом.

Капитан решил послать разведывательную ракету. Я вылетел в ракете один.

В воздухе носились белые игольчатые хлопья. Была ли то замерзшая вода или метан, углекислота, аммиак, углеводороды — не знаю. Меня интересовало только свечение. Когда до суши оставалось всего четыре километра, раздался легкий звон. Машина сообщила мне, что $P-V-T^*$ соотношения изучены и проанализирован спектр свечения. Я нажал кнопку, и из окошка выскочила еще теплая фреоновая лента с цифрами. Все оказалось довольно тривиальным. На границах раздела твердого тела и жидкого азота физические условия были как раз такими, когда плотность жидкого азота становится равной плотности азота-газа. Различия между фазами исчезли, поверхностное натяжение стало равным нулю, и наступило критическое состояние, сопровождаемое опалесценцией.

Я был разочарован. Запечатлев азотное море и остров на кристаллах синемапамяти, я вернулся на звездолет.

Марк замолчал, Крабовский слушал его рассказ, не поворачивая головы, хотя ему было неприятно,

* Основные термодинамические параметры состояния.

что рассказчик стоит у него за спиной, а не сидит напротив. Воспользовавшись паузой, он повернулся и спросил:

— Ну, а что было дальше?

Как будто угадав его чувства, Марк опустился в кресло.

— Потом мы отправились в обратный путь, — сказал он и вновь замолк.

— Ну и что?

— И все. Больше ничего не было... Только уже здесь, на Земле, готовя доклад отделению физико-математических наук Академии, я изготовил несколько отпечатков с запечатленных в блоках синемапамяти картин.

Крабовскому опять показалось, что Марк испытывает какую-то мучительную борьбу с самим собой.

— Послушай, Марк, послушай старика, мальчик, если тебе трудно сказать мне правду, не говори. Я не обижусь. Но если ты решил поделиться со мной своей тайной, то... В общем я всегда пойму тебя.

Крабовский умолк, чтобы не высказать слишком много из того, что накопилось у него в сердце за долгие годы одиночества и ожидания.

— Я знаю это, дядя, — тихо сказал Марк, — но... Это случилось в тот момент, когда моя развед-ракета возвращалась на звездолет. У меня было чудесное настроение. Я тихо насвистывал что-то очень веселое... Это был узкий пучок какой-то лучистой энергии. Он возник откуда-то из пространства; не с поверхности Бледного Нептуна. В этом я уверен. Тихо зажужжал моторчик синемапамяти. Киберы включили ее сами, без меня. Они запрограммированы на всякие неожиданности... Потом началась цепь глупейших ошибок и нелепых случайностей. То ли по легкомыслию, то ли еще почему, сейчас я сам не понимаю, но я не заинтересовался этим явлением. Может быть, я решил, что за ним кроется такая же простая физическая сущность, как и за свечением критического азота? Не знаю. Но это была моя основная ошибка. Решив, что энергетический луч — какое-нибудь метеорное явление в атмосфере Блед-

ного Нептуна, я не проанализировал его спектр и, главное, до самой Земли не прокрутил запись на экране синемалапамяти! А она хранила удивительные вещи. Одна формула чего стоит. Она написана нашими, земными математическими символами! Она и знакома и не знакома нам. Первый член такой же, как в уравнении Дирака — Гейзенберга. Впрочем, смотри сам...

Резким движением Марк достал из кармана несколько снимков и передал их Крабовскому. Профессор же не мог даже рта закрыть, настолько ошеломительным был смысл залпом обрушившихся на него слов. Марк, видимо, понял состояние дяди, так как сам, вероятно, пережил нечто подобное.

— Знаешь что, дядя, — сказал он ласково, — ты посмотри снимки один, успокойся, подумай, я приду к тебе завтра утром.

Марк настолько быстро выскочил из кабинета, что Крабовский не успел бы удержать его, даже если бы захотел.

Вот уже четыре часа профессор разглядывает снимки. На них изображены смятые, небрежно исписанные листки бумаги с математическими выкладками. Последняя формула заключена в рамку. Вероятно, это конечный вид уравнения.

$$\sum_{v=1}^4 \gamma_v \frac{\partial \Psi}{\partial x_v} + K \left(\frac{\partial R_1}{\partial R_2} \right)_T \Psi + \lambda \Psi^3 = 0.$$

Есть только три уравнения, которые похожи на эту формулу. Чтобы вспомнить их, Крабовскому не нужно листать справочники или запрашивать электронную память. Он мог бы написать их с закрытыми глазами. Профессор записывает уравнения на отдельных листках и укладывает эти листки рядом со снимками Марка.

Порыв ветра распахивает форточку. В кабинет врывается прохладное и свежее дыхание марта.

Но Крабовский не замечает ничего вокруг. Им овладело прошлое; ураганным вихрем оно ворвалось в мозг и понеслось по невидимым полочкам памяти.

Профессор смотрит на уравнения, грызет пластмассовый наконечник ручки и рассуждает вслух — привычка, появившаяся у него за годы одиночества:

— Прежде всего линейное уравнение Дирака, описывающее поведение дебройлевских спинорных

Ψ — волн электронов. Вот оно:

$$\sum_{v=1}^4 \gamma_v \frac{\partial \Psi}{\partial x_v} + \frac{2\pi mc}{h} \Psi = 0.$$

Первый член этого уравнения и таинственной формулы совпадает. В 1938 году Иваненко применил дираковское уравнение для описания первичной материи. Новый вариант отличался от предыдущего наличием нелинейного члена:

$$\lambda \Psi^3$$

Оно записано на втором листочке:

$$\sum_{v=1}^4 \gamma_v \frac{\partial \Psi}{\partial x_v} + \frac{2\pi mc}{h} \Psi + \lambda \Psi^3 = 0.$$

Этот вариант еще более напоминает формулу с Бледного Нептуна. Оба уравнения совершенно однозначны относительно волновой функции Ψ . Разница лишь во втором члене.

Наконец, есть еще одно нелинейное уравнение. В прошедшие времена его называли «Уравнением Мира» или просто уравнением Гейзенберга:

$$\sum_{v=1}^4 \gamma_v \frac{\partial \Psi}{\partial x_v} + \lambda \Psi^3 = 0.$$

Здесь второй член вообще выброшен. А первый и третий одинаковы с уравнением, изображенным на снимке. Вот и все, что я знаю об уравнении с Бледного Нептуна. Если это не мистификация, не грубая и нелепая ошибка, то... я не знаю, что это! Как могло попасть земное и вместе с тем никому не известное на Земле уравнение в чужую звездную систему? Нет, это совершенно невозможно! Но все же... От этого буквально раскалывается голова.

Крабовский неторопливо поднялся из-за стола и прошелся по кабинету. Так ничего и не придумав, он вновь возвратился к столу: Промучившись еще часа два, он придвинул к себе аппарат видеофонной связи и набрал номер кафедры. На экране возникло полное красивое лицо аспиранта Володи Волкова.

— Здравствуйте, Володя...

Юноша улыбнулся и поздоровался.

— Володя, я сегодня себя плохо чувствую и не смогу быть на семинаре. Попросите Александра Максимовича, чтобы он меня заменил... И вот еще что... Я сейчас дам вам одну формулку. Поезжайте с ней в вычислительный центр, пусть ее срочно закодируют. Потом зайдите в Центральное хранение и отдайте им код с алгоритмами.

Володя кивнул и заверил Крабовского, что все сделает самым тщательным образом.

— Евгений Владимирович, — спросил он смущенно, — вы еще не прочли мой автореферат?

— Вы знаете, Володя, — сказал Крабовский, — еще нет, не прочел. Но он лежит у меня на столе сверху. На этой неделе я обязательно прочитаю.

Володя закивал головой и стал уверять шефа, что ему совсем не к спеху, что он просто так спросил и Евгений Владимирович может не беспокоиться. Но Крабовский прекрасно понимал, что аспирант-

ский срок истекает и Володе нужно спешить с защитой диссертации. Понимал, но... времени на все не хватало, и все сильнее напоминали о себе годы.

— Я обязательно прочту, Володя, обязательно. А вы... как только получите в Центральном хранении ответ, немедленно вызовите меня. Хорошо?

Крабовский быстро написал формулу на белом фрелоновом листке и положил его на экран. Через минуту он выключил аппарат, принял капли и прилег на кушетку.

Звонок резко и бесцеремонно ворвался в тяжелый и путаный сон. Какую-то долю секунды Крабовский не мог понять, где он находится и что с ним происходит. Вновь зазвенел звонок и помог ему преодолеть мучительную границу между кошмаром и явью.

Крабовский открыл глаза. В комнате было сумрачно и скучно. Окна были залиты водянистой синью осеннего вечера. Он подошел к аппарату и включил его. Вызывал Володя. Он только что получил в Центральном хранении уже обработанную карту с ответом на запрос по поводу формулы с Бледного Нептуна. Володя что-то говорил Крабовскому, но профессор не понимал и не слышал его слов. Его глаза, не отрываясь, следили за широкой белой лентой с перфорированными краями, которую Володя держал в руке. Наконец Володя положил ленту на экран. Крабовский увеличил частоту строк и освещенность. Сразу же бросились в глаза знакомые с юности фамилии.

Крабовский опять поймал себя на том, что читает ленту вслух.

— Так, так, — шептал он, — 1925 год. Луи де Бройль постулировал, что первичная материя должна быть, во-первых, спинорной, а во-вторых, обладать спином, равным половине.

Все было хорошо знакомо: Дирак, Иваненко, Бродский, Мирианавили, Курделаидзе, Вернер Гейзенберг. После 1958 года ничего нового не было сделано. На экране прыгали чистые строчки. Профессор

разочарованно вздохнул. Но вот пошли примечания к запросу. Опять знакомые имена творцов геометрического единства мира: Вейль, Эддингтон, Картан, Калюца... Наконец Эйнштейн, Фок, Марков.

Мелькали строчки, наполненные фамилиями, датами и наименованиями источников. Напряжение ожидания, с которым Крабовский следил за первыми строками, исчезло. Он уже спокойно проглядывал длинный список, надеясь, что тот скоро кончится.

— Ага, вот и конец! — пробурчал Крабовский.

И тут его взгляд вцепился и выхватил из мелькания букв незнакомую фамилию.

Виктор Мандельблат, 1938 год, нигде не опубликовано (об этом говорило отверстие, пробитое на третьей линии), источник: личный архив профессора истории Оксфордского университета Чарлза Кронфорда. Лондон, Блумсбери, 6/12.

Вот и все.

На экране вновь появилось улыбающееся красивое лицо Володи.

— Володя! Закажите-ка мне билет в Лондон... Я бы мог вылететь... ну, хотя бы завтра утром... Да, именно утром... Большое спасибо, Володя!

Крабовский выключил аппарат, опустил в кресло и в раздумье забарабанил пальцами по столу. Света он не зажигал. В потемках как-то свободнее думается. А обдумать нужно было многое. Крабовский так и не определил своего отношения к формуле с Бледного Нептуна. Он хотел на некоторое время избавить себя от мучительной оценки и необходимости сделать правильный и скорый выбор. Он любил работать не торопясь, со вкусом и добираться до всего постепенно.

Но больше откладывать разговор с самим собой он не мог. От него требовалось так немного: ясно и четко ответить на вопрос, верит ли он в ту совершенно невероятную историю, которую поведал Марк. Да или нет? Профессор всегда был немножко нерешителен. Альтернативы его пугали. Но если он видел, что иного выхода нет, то заставлял себя принять твердое решение. После этого отступления назад

для него уже не существовало. За этой чертой уже не было места колебаниям.

«Итак, верю или не верю? — мысленно спрашивал себя Крабовский. — Попробуем разложить все по полочкам».

Крабовский взял лист фрелона и провел вертикальную черту. Слева он написал «за», справа — «против».

«Посмотрим, где окажется сальдо», — подумал Крабовский, собираясь написать первое слово.

И тут ему в голову пришла превосходная мысль...

По существу, профессор просто пытался обмануть самого себя. Он искал повода, чтобы уйти от окончательного решения. Если бы дело шло только о научной стороне вопроса, он бы не колебался. Но проблема лично для него, Крабовского, была гораздо шире и сложнее, чем для любого другого исследователя. К альтернативе «верю ли я в формулу с Бледного Нептуна или нет» примешивалось мучительное чувство любви к Марку.

«Я не могу поверить в эту формулу, — думал профессор, — не могу! Но это значит, что я не верю Марку! Сомневаюсь в нем и в его отношении ко мне».

Поэтому Крабовский все время пытался уйти от решения или хотя бы оттянуть его на неопределенный срок.

А подумал он вот о чем: «Почему Марк не поделился своим открытием с товарищами? С Александром Вревским и астронавигатором Шубенко? Ведь это не только естественно, но и единственно верно. Иначе нельзя! Нужно обо всем расспросить Марка. А там посмотрим!»

«Все-таки почему он им ничего не сказал? Или сказал? Конечно, ему могло что-нибудь помешать... Вревский как будто заболел и остался в госпитале на Луне. Да, это нужно будет выяснить».

Крабовский облегченно вздохнул, включил осветительные панели и пододвинул к себе снимки, чтобы еще раз тщательно их просмотреть.

Марк вернулся уже поздно вечером. Он выглядел

очень усталым, но держался гораздо увереннее и тверже, чем утром. Крабовский поймал себя на том, что заранее предвзято относится к Марку. Точно собирается в логическом единоборстве уличить его во лжи.

— Ты уже ложишься, дядя? — спросил Марк, входя в кабинет.

— Нет, Марк. Нам нужно поговорить.

Марк направился к креслу.

— Скажи, мой мальчик, — спросил Крабовский, как только Марк сел, — что думают по поводу всего этого твои товарищи?

Марк неопределенно пожал плечами и как-то смущенно и нерешительно промямлил:

— Алик тяжело заболел сразу же после того, как мы возвратились в Систему. Мы оставили его у Вортса на восьмом Лунном космодроме... Как только его состояние улучшится, я ему обязательно сообщу.

— А Шубенко?

— С ним я говорил... Позавчера.

— Ну?

— Все это очень сложно, дядя. Мне трудно тебе объяснить! Во всем этом нет ни малейшей логики... Совсем иные, не знаю, как это выразить...

Крабовский чувствовал, что Марк говорит с трудом, борется с чем-то для него неприятным.

— Здесь совсем иные мотивы, — продолжал он уже какой-то скороговоркой, точно перескочив через невидимое препятствие, — все очень сложно...

— Я отказываюсь тебя понимать, — сухо сказал Крабовский.

В нем постепенно росло раздражение. Он хотел добавить что-то еще, вероятно, более резкое, но Марк остановил его жестом.

— Шубенко не хочет об этом ничего знать! — сказал он твердо и зло. — Эх, если бы Алик был здоров! Шубенко какой-то скользкий тип... Понимаешь, дядя, он очень всем заинтересовался, все смотрел и выспрашивал, а потом сказал, что нам лучше обо всем этом молчать. По крайней мере некоторое время.

— Но почему? — тут уж Крабовский действительно ничего не мог понять.

— Ах, дядя! Почему, почему... Да разве ты веришь этому? Даже ты! Вот Шубенко и считает, что незачем набрасывать тень недоверия на наш великолепный эксперимент по проверке следствия Райша. Все равно нам никто не поверит. Этому ведь просто нельзя поверить, невозможно. А доказательств никаких!

— Позволь, а это? — возразил Крабовский, указывая на пачку снимков.

Марк безнадежно махнул рукой.

— Снимки — это не доказательство... Наш агрегат синемапамяти не запломбирован.

— То есть как это?

«Час от часу не легче, — подумал Крабовский, — синемапамять перед отлетом пломбируется, а пломбу может снять лишь доверенное лицо Академии наук. Да и то только на Земле».

— Тут целое сплетение нелепых случайностей, — продолжал Марк. — Я не знаю, как это случилось. Но Алик был неосторожен. Он попал под облучение.

— Как это случилось?

— Я не знаю. Я дежурил у гравилокаторов и был очень занят. Когда я вернулся в салон, то Алик лежал с окровавленной головой на полу. Агрегат синемапамяти был тоже разбит... Почти вдребезги. Шубенко к тому времени уже седьмые сутки находился в анабиозе. Я его поднял. Алик только раз пришел в себя. И то ненадолго. Он сказал, что внезапно ослеп и упал. Я спросил его, чем он занимался до того, как упал. Алик ответил, что собирался уложить синемапамять в контейнер абсолютной жесткости, куда только что отправил катушки с записью.

— Зачем он собирался это сделать?

— Так всегда делают при подходе к Системе. Мало ли что может с нами случиться... Документы должны уцелеть... На чем я остановился?

— Что Алик вдруг ослеп, стоя у агрегата, и упал.

— Ах, да! Я спросил его, где он попал под облучение.

— А почему ты думаешь, что это облучение?

— Я исследовал глазное дно. Анализ латентных изменений свидетельствует о мгновенном лучевом ударе.

— Нейтроны?

— Нет, скорее ро-мезоны. Мы стали думать, где это могло произойти. Алик ничего не мог припомнить. Лишь однажды, это было еще на Бледном Нептуне, когда я летал на разведракете над островом, Алик вышел в пространство. Он хотел, как говорится, подышать свежим воздухом. Никакой опасности в этом не было, так как на нем был скафандр высшей защиты. Тут-то он и почувствовал мгновенную вспышку и резь в глазах, это было как раз над островом, но так как все сразу же прошло, он не обратил на это внимания.

— Но ты же сам говоришь, что на нем был скафандр высшей защиты!

— Эта защита хороша против чего угодно, но не против ро-мезонов. В природных распадах они не встречаются, вот и не предусмотрели фильтра... Ведь это тоже загадка: откуда на проклятом острове источник ро-лучей? Сейчас мне начинает казаться, что Алик пострадал от того же пучка лучистой энергии, который дал нам эту формулу с Бледного Нептуна.

— Да, действительно стечение обстоятельств... Так что же было дальше?

— Алик опять впал в забытие. Мы оставили его на Луне... Вотерс говорит, что он выздоровеет и будет жить и наслаждаться. Но не раньше чем через год.

— Ну хорошо, положим, что Алик разбил прибор, как же ты получил эти снимки?

Марк хотел вспылить. Крабовский видел это по его лицу. Но он все же сдержался и медленно, растягивая слова, ответил:

— Агрегат синемапамяти можно разбить. Но алмазно-индиевые блоки памяти неуничтожимы. Я вынул их из груды исковерканных обломков и положил в карман.

— Ну и превосходно! На них есть номера, и ты мог их сдать на Луне сразу же после посадки!

— Ах, дядя! Конечно, мог! Но я забыл. Я был слишком взволнован несчастьем с Аликом. Я просто доложил, что агрегат разбит... Пойми, что, если бы не эти проклятые формулы, ни у кого бы и не возникла мысль обвинить меня в... шарлатанстве, что ли... Ну, забыл сдать память от разбитого прибора! Какой в этом грех? О, если бы я знал, что хранится в этой памяти, тогда бы... я просто не смог забыть ее сдать. Но мне казалось, что мы не везем совершенно ничего интересного, кроме результатов эксперимента, к которым синагрегат не имеет никакого отношения... Это действительно порочный круг нелепых случайностей! Прав Шубенко — нужно молчать!

— Ну и молчал бы себе! Кто тебя за язык тянет?

— Дядя! Ну зачем ты так? Ты же прекрасно знаешь, что, увидев такое, я не могу молчать. Шубенко может, а я не могу! И Алик бы не смог, и ты бы тоже не смог.

Да... И главное, что никто не может помочь! Проклятая шутка теории вероятностей. Самый исключительный, самый дичайший факт за всю историю Земли и ни одного формального доказательства! Ты не думай, что я отчаиваюсь, я буду бороться, ух, как я буду бороться! Землю рыть буду. Мне просто очень обидно, что все так получилось...

— Я понимаю и постараюсь тебе помочь. У меня есть одна зацепка... Правда, она может неожиданно оборваться и никуда не привести... Ну что же, тогда подождем выздоровления Вревского. Он подтвердит, что разбил прибор в пути.

— Это ничего не даст. — Марк безнадежно махнул рукой. — Ну и что же, что разбил? Блоки-то я не сдал! Мало ли что я мог с ними сделать на Земле за эти дни?

— Как тебе не стыдно! Неужели ты думаешь, что кто-нибудь будет тебя подозревать? Это...

— Ты про факт вспомни, дядя, про факт! Ведь только сумасшедший может поверить в эти земные

формулы, привезенные из другой звездной системы! Только сумасшедший... Если бы что-нибудь иное! Конечно, никто бы не стал оскорблять подозрением исследователя. Здесь же все по-другому! В это просто нельзя поверить. Нужны безупречные доказательства.

— Да, положение... Ну, как бы там ни было, а блоки ты обязан сдать и включить формулу в свой доклад отделению. Уж здесь-то других решений быть не может. Поверят или не поверят — это дело другого рода. А пока давай, знаешь, что сделаем? Поедем ко мне в университет.

— Зачем?

— У меня превосходная синемаустановка, мы прокрутим на ней твои блоки.

— Я наизусть помню все, что там записано. Хотя сейчас могу рассказать.

— Я хочу все видеть сам. Понимаешь? Сам!

Сначала на параболическом экране синагрегата появилась яркая световая линия. Она была тонкой и сплошной, точно струна. Потом она начала расширяться и расслаиваться, как веревка, на отдельные волокна.

И Крабовский увидел внутреннюю поверхность огромного цилиндра. Всего на миг. На сотую долю мига! Он даже успел различить контуры какой-то огромной нелепой машины. Такие металлические рептилии жили в те времена, когда люди еще не знали ни молекулярной, ни атомной электроники. Наука о строении атома тогда только лишь зарождалась, не было ни квантовых генераторов, ни полупроводников, Ландау только начал работать над теорией сверхтекучести гелия-II.

Потом Крабовский увидел... руки! Огромные мужские руки. Тонкие нервные пальцы с чуть заметным пушком. Они разглаживали смятые, небрежно оторванные листки бумаги. Эти листки он уже видел на снимках, которые принес Марк. Крабовский узнал

неровный торопливый почерк неведомого автора ганинственного варианта формулы единого поля.

Мог ли профессор знать, что скоро опять увидит этот почерк и никогда уже не сможет его забыть...

На экране дрожали смятые, небрежно исписанные листки. Потом они осветились, точно стали зеркалами, в которые упало солнце. Где-то внутри металлической рептилии вспыхнуло пламя. Оно вырвалось из машины упругим бичом и заплясало вдоль цилиндрических стен молниеподобными кольцами и спиралями. И все исчезло.

На экране был мрак космических бездн и незнакомые контуры далеких созвездий.

Крабовский был потрясен и озадачен. То, что он увидел, ошеломило его и обрадовало, как может ошеломить и обрадовать ученого встреча с Неизведанным. И вместе с тем Крабовский ни на миллиметр не приблизился к решению. Он в одно мгновение увидел очень многое и не узнал ничего.

Марк молчал, и Крабовский был благодарен ему за это. «Слишком много впечатлений за один день! — думал он. — Как бы не лопнули предохранители. Мне уже под восемьдесят...»

Нужно было ехать домой. Утром Крабовскому предстояло лететь в Лондон... Но он старался не думать о том, что его ожидало в Лондоне.

Уже не первый раз Крабовский осторожно разворачивает лист грубой, со следами дерева бумаги. Когда-то это объявление висело на стене. Об этом говорят следы клейстера и штукатурки на его обратной стороне. Это отголосок эпохи величайшего варварства и памятник высокого мужества.

Типографская краска местами смазана. Потемнело и стало неясным лицо человека. Высокий, с залысинами лоб, темные впадины на щеках, внимательные умные глаза. Все это лишь смутно угадывается под пятнами и подтеками, которые оставило время.

Под фотографией огромным типографским шрифтом набрано пятизначное число — 10 000. Потом

идет помельче: «10 000 рейхсмарок лицу, которое может указать местопребывание Мартина Рилле, он же доктор физики Виктор Мандельблат, разыскиваемого имперским управлением безопасности».

Крабовский с трудом перевел это со стародатского языка.

Есть еще и тетрадь. Нечто вроде дневника, написанного по-немецки. Страницы ее стали сухими и желтыми. Чернила местами побледнели, стерлись следы графитового стержня. Сначала ее берегли. Она стала реликвией. Потом о ней забыли. И она долгие годы скрывалась под грудями папок и рукописей. Профессору Кронфорду она досталась от далекого пращура датчанина, служившего еще у великого Бора.

Когда Крабовский прилетел за тетрадью в Лондон, профессор долго не мог понять, что ему нужно. Потом с сомнением покачал головой и прошел в свой архив. Крабовский уже начал терять надежду, что он когда-нибудь вернется. Но он вернулся и огорченно развел руками. Кронфорд не знал о существовании этой тетради.

Как потом выяснилось, последний раз ее держали в руках в начале прошлого столетия, когда только что созданное в то время Центральное хранилище информации произвело полную перепись материалов всех крупных архивов и личных библиотек.

Если бы не племянница старого Чарлза Кронфорда, Сузи, облазившая каждую полку, заглянувшая в каждый ящик, Крабовскому, наверное, никогда бы не пришлось держать в руках этот уникальный человеческий документ. Вот он.

* * *

«Наконец я в Копенгагене! Не сон ли это? А может быть, сном было все, что осталось по ту сторону границы? Кошмарный, безысходный сон...

Тихая сытая жизнь. По утрам я пью превосходный кофе со сбитыми сливками, на улицах мне не нужно оборачиваться, чтобы убедиться в отсутствии

слежки. Но я все же часто оборачиваюсь, подолгу смотрю в зеркальные стекла витрин — привычка. У меня очень изощренные органы чувств. Помню, в 1929 в Гамбурге я мог за сотню шагов услышать звон упавшей на тротуар монеты, даже в туман, даже в дождь... Я голодал тогда... Но от голода отвыкаешь быстрее, чем от слежки.

О страна воинствующих идиотов! Как я ненавижу тебя, когда, повинаясь властному рефлексу, оглядываюсь на улицах... Я был возмутительно слеп. Когда Эйнштейн отказался вернуться в Германию, я насторожился, но... Великий Альберт еще раз безмолвно предупредил меня, когда отказался от членства в Прусской академии. Но и тогда я не сумел продумать все до конца.

На площадях жгли книги. Коричневые топали по ночным улицам с факелами и оголтело орали. Но я только рассмеялся, когда впервые услышал идиотские слова их песни:

Когда граната рвется,
От счастья сердце бьется.

Я просто не мог принять их всерьез. Ну кто же может принимать всерьез дегенератов? Помню, мы собрались как-то вечером у Гейзенбергов. Они на несколько дней приехали в Берлин. Были Лауэ, Иорданы, Борн, старикашка Фуцштосс, тихий интеллигентный Отто Ган, еще кто-то. Красный абажур бросал на ослепительную скатерть закатные тени. Тихо и нежно дымился чай. Вишневое варенье казалось почти черным, а сахар — чуть голубоватым. Было почему-то очень грустно. В иные вечера вдруг как-то чувствуешь, что перед тобой распахивается будущее и ты можешь заглянуть туда одним глазом. Так было и тогда. Я вышел на балкон. Тихо шелестела ночь. Мерцали звезды и огни Луна-парка. Кущи Тиргартена казались синими, как спустившиеся с небес тучи.

Меня давило и жгло какое-то предчувствие. Мне казалось, что нужно только сосредоточиться, и я увижу будущее, пойму, наконец, куда все это идет.

Но я боялся, может быть потому, что в подсознании уже тлел страшный ответ.

Где-то внизу, наверное на втором этаже, завели граммофон. Хрустальный и волнующий женский голос выплыл из тишины, шороха и треска:

И песню прошептал я тем шорохам в ответ.

И лился в ней, мерца, любви бессмертный свет.

Господи, как хорошо! Льется и мерцает, мерцает и льется, как Млечный Путь, как лесной ручей в лунную ночь. Бессмертный свет любви. Все пройдет, все кончится. В бесконечность улетают потоки света, которыми залиты Унтер-ден-Линден и Луна-парк, но даже свет стареет в пути. Прорываясь сквозь невидимые пути гравитационных полей, он краснеет и умирает где-то у границы вселенной. Но свет любви бессмертен. Его частицы нельзя увидеть, его поле нельзя проквантовать, но и жить без него нельзя. Без него бытие становится нелепым фарсом или рациональной нелепицей.

Песня умолкла. Из-за купола рейхстага, как голубоватая жемчужина, выкатилась луна.

Я вернулся в комнату. Только один шаг — и я попал из мира тишины и полутонов к яркому и надоедливому свету, остывшему чаю и пресным изделиям профессорского остроумия.

Я разглядывал своих друзей как бы со стороны, может быть даже с высоты лунной орбиты или с высоты открывшегося в сердце озарения. Тихий и гениальный Вернер Гейзенберг, немного похожий на Черчилля, все понимает, но не все допускает к сердцу. Паскуаль Иордан похож на святых с полотен Греко. Он убежден в непознаваемости основ мира и не верит в абсолютность мировых констант. Боюсь, что он не поймет меня. Кто знает, может быть, мы все для него лишь субъективные представления. И что ему Гитлер, если даже галактикам он отказывает в реальности! Он мужественный человек и умеет переносить неудачи. Но это не то мужество, которое хочется взять за образец. Есть мужество борца и есть мужество бретера. Мужественным может быть и трус на глазах у толпы.

Мир умирает вместе с нами! Эти слова часто повторяет Паскуаль. Но много ли стоит такой мир? Нужно ли за него бороться? Такой мир не жаль потерять.

Нет, мы уносим с собой лишь какую-то ничтожную часть мира, лишь одну капельку мерцающего бессмертного света. Когда мы приходим, мы сразу же получаем право на все: солнце, книги, любовь, поляны. Пока мы живем, мы в ответе за все... Не помню, кто это сказал.

Тихо звякнула ложечка в стакане. Маститый Макс фон Лауэ выжал в чай кружок лимона. Темный янтарь стал белым, бесцветным.

Я сел рядом с Отто. Он сразу же повернулся ко мне и, приложив несколько раз салфетку к колючим, коротко подстриженным усам, приготовился слушать.

— Отто! — тихо сказал я, наклоняясь к нему. — Чем все это кончится, Отто?

Ган беспомощно сцепил длинные тонкие пальцы. На высоком лбу его ясно обозначились пульсирующие жилки.

— Все считают, что так долго продолжаться не может. Они образумятся. Гитлер пришел к власти и постепенно успокоит свою шваль. Она теперь ему уже не нужна, он постарается от нее отделаться... Так многие думают.

— А ты что думаешь, Отто, ты что думаешь?

— Во всяком случае, на следующих выборах наци провалятся. Михель больше не свалит такого дурака. А нас, ученых, это вообще не касается. Они сами по себе, мы сами по себе. Правительства приходят и уходят, а физика остается.

— Какая физика, Отто?

— То есть как это «какая»? — Отто смотрел на меня с искренним изумлением.

Бедный Отто! Великий неустанный труженик, талантливый слепой крот.

— Я спрашиваю тебя, Отто, какую физику ты имеешь в виду, арийскую или неарийскую?

Отто все еще не понимает, и я разъясняю ему:

— Милый Отто! Я, наверное, уже не вернусь

в альма матер. В институте кайзера Вильгельма для меня уже нет места.

— Ты шутишь! Они не посмеют! Любимого ассистента старика Нернста!

— Они бы могли и старика Нернста... И Архимеда тоже...

— Неужели атмосфера так накалилась?

— Когда я последний раз был в институте, там устроили настоящую свистопляску. Эта пара нечистых...

— Ленард и Штарк?

— Они самые. В институт приехал крейслейтер, толстомордый, с жирными складками на затылке. Настоящий немец! Ты меня понимаешь? С ним была целая шайка из районного управления партии. Всюду шныряли, во все совали арийские носы, давали советы, учили, стращали. Потом устроили митинг. Когда все собрались, крейслейтер обошел весь зал, тыча пальцами в портреты: «Кто такой?» Рентгена велел немедленно снять, кайзера повесить над дверью, а на место кайзера повесить Адольфа.

Вероятно, последнюю фразу я сказал достаточно громко. Дамы зашикали:

— Тише! Ради бога тише! Вас могут услышать. Не надо забывать, в какие времена мы живем.

Вернер закрыл балконную дверь и включил радио. Я мог продолжать:

— Потом крейслейтер пролаял речь. Обтекаемые фразы из передовиц «Фолькише Беобахтер» плюс шутки колбасника и юмор вышибалы. Речь была встречена стыдливymi и трусливыми хлопками. Партайгеноссе нахмурился. Тогда поднялся Ленард и заорал: «Встать! Зиг-хайль! Зиг-хайль!»

Надо отдать справедливость, его мало кто поддерживал. Потом Ленард разразился речью. Можешь себе представить, что он говорил. Его программа ясна: немецкая наука, антисемитские выпады, нападки на теорию относительности. «Институт станет оплотом против азиатского духа в науке, — хрипел он, брызгая слюной. — Мы противопоставим евреям, космополитам и масонам нашу арийскую физику».

— Боже, какая немочь, какое убожество мысли! — Ган покачал головой. — Витийствующая бездарности! Как будто есть физика немецкая, физика английская, физика русская! Наука интернациональна, она смеется над границами.

— Не в этом дело, Отто. Разве настоящий ученый станет говорить о национализме в науке? Об этом говорят лишь ничтожества, которые не смогли занять место в той интернациональной физике, о которой ты говоришь. Вот они и создали себе новую физику, арийскую. Здесь-то у них не будет соперничества, поверь мне. Разве что партайгеноссе крейслейтер захочет стать доктором арийской физики. Так-то, Отто, а ты говоришь, что ученых это не касается...

— Да, но, может быть, это лишь временные эксцессы... Волна отхлынет и...

— Кого ты хочешь успокоить, меня или себя?

— Скорее себя, коллега. Все это очень горько. Лиза Мейтнер тоже считает, что нужно что-то предпринять радикальное.

— Что именно?

— Она собирается покинуть Германию.

— Не может быть!

— Да, коллега. Нам всем будет без нее очень трудно. Я уговариваю, чтоб она не спешила. Может быть, все еще переменится.

— Да, ты прав. Не нужно спешить. В конце концов уехать мы всегда сможем.

О, как я был тогда слеп! Но разве легко покинуть страну, где ты родился? Разве легко порвать все, что тебя с ней связывает? Впрочем, это не оправдание. Просто то, что пришло потом, превзошло даже самые мрачные наши предположения.

Я навсегда запомнил этот разговор с Ганом. Может быть, потому, что через день «юнkersы» сбросили бомбы на деревни Теруэля и Гвадаррамы, бомбы, которые раскололи мир надвое. Потом начался беспросypный кошмар. Тихий национал-социалистический ад. У меня отняли лабораторию, меня выселили из моей квартиры, меня на ходу выбрасывали из

трамвая. Словом, я разделил участь сотен тысяч людей. С моим паспортом нельзя было покинуть пределы рейха. Оставался только нелегальный путь, но к нему следовало подготовиться. Прежде всего мне нужно было покинуть Берлин. Тяжелее всего я переживал встречи со знакомыми, когда люди отводили глаза и делали вид, что не узнают меня.

Гейзенберг и Ган хлопотали насчет меня в рейхсканцелярии, но, кажется, безуспешно. Единственное, чего они добились для меня, было разрешение полицей-президиума проживать в небольшом приморском городке Нордейх Халле, где у близкой родственницы Гана была дача.

Каждое утро ходил я к холодному бледно-зеленому морю. Накатывались злые белогривые волны. Вздымались у самого берега, застывали на миг пузырячатой массой бутылочного стекла и обрушивались на блестящую гальку шипящей белой пеной. Ветер гнал низкие сумрачные облака, шелестел в песчаных дюнах. Дрожала осока, тихо покачивались розоватые тонкокорые сосны.

«И дурак ожидает ответа», — вспоминал я строки Гейне. Но мне не хотелось уходить от моря, хотя я и не ждал от него ответа на мучившие меня вопросы.

Уже тогда я понял, что мы, физики, должны дать человечеству такое оружие, которое каленым железом выжжет расползающийся по миру коричневый муравейник. Я понимал, что научная мысль не пойдет традиционными путями. Не сверхмощные взрывчатые вещества, не сверхтоксичные газы должны были уничтожить фашизм. Мне мерещились иные силы, вырванные у природы, раскованные и подчиненные людям. Энергия космоса, чудовищное притяжение между частицами атомных ядер, грозные тайны пространства — вот где нужно было искать.

Я верил, мне до боли хотелось верить, что человечество устоит в великой битве с варварством и мракобесием, но я бессилён был избавить его от бессмысленных жертв. В том, что война вот-вот разразится, я уже не сомневался. Не питал я иллюзий

и в отношении своей судьбы. Введенные на территории рейха расистские законы были только началом.

Но все отходило на задний план, когда я задумывался о судьбах науки. Ничто не случайно. Гальвани открыл электричество; прошло сто лет, и оно стало могучей силой. Мы проникли в тайны вещества, пространства и времени. Сколько же лет нам понадобится, чтобы подчинить эти первоосновы мироздания своей воле? Я не сомневался, что настанет день, когда все самолеты и танки покажутся детской игрушкой по сравнению с той силой, которую подчинят себе физики.

Нет, на этот раз мы, ученые, не будем дураками. Генералы и министры не получают из наших рук нового оружия, гитлеры и муссолини не смогут больше грозить миру. Вопрос только во времени, когда мы сумеем крикнуть безумцам: «Остановитесь, или мы уничтожим вас!»

Я вернулся на дачу, но каково же было мое удивление, когда я застал в своей комнате старикашку Фуцштосса. Мы никогда не были с ним близки, и меньше всего я мог в такое время, как сейчас, ожидать визита профессора Адриена фон дер Фуцштосса, потомка многих поколений прусских юнкеров.

Когда я вошел, Фуцштосс встал и поклонился, я сдержанно ответил на приветствие.

— Профессор Мандельблат, я осмелился побеспокоить вас по весьма важному делу.

— Чем могу служить, коллега?

— Вам нужно немедленно бежать отсюда. Не спрашивайте меня, что и почему, я не имею права удовлетворить ваше любопытство. Но промедление смерти подобно. Если у вас есть основание не доверять мне, то прочтите вот это письмо. Оно от профессора Гана.

Я взял протянутый мне незапечатанный конверт и сунул его в карман.

— Я верю вам, герр профессор, — сказал я Фуцштоссу, — но куда я могу бежать?

— Это уже не ваше дело. Я привез вам документы на имя Мартина Рилле и немного денег. После-

завтра, в четверг, у Арнского маяка вы встретитесь с Уго Касперсеном, шкипером рыболовного баркаса. Он брат моего садовника, смелый и порядочный человек. Он поможет вам переправиться в Данию.

— Я не знаю, как благодарить вас... Это так неожиданно, право.

— Вы ничем мне не обязаны. Я всегда делал только то, что считал нужным. Итак, вы едете?

— Да. Но... мне бы хотелось, чтобы сперва позаботились о коллеге Мейтнер, а потом уже обо мне. Я слышал, что она все еще в Германии.

— Пусть это вас не волнует. Вы встретитесь с ней за границей. Что-нибудь еще?

— Видите ли, коллега, несколько лет назад, еще в моей лаборатории в Кайзер-Вильгельме, я собрал уникальный прибор. У меня есть основания опасаться, что его могут использовать в преступных целях. Такая вероятность есть, хотя она и невелика. Я бы хотел взять его с собой... Или по крайней мере мне нужно убедиться, что он уничтожен.

— Это все значительно осложняет... Очень осложняет...

— А знаете что? Там есть одна деталь. Деспинатор. Он легко уместится в портфеле. Конечно, если другого выхода не будет, я уеду и без него. Но мне хотелось бы сделать все возможное, чтобы извлечь его из установки... Я не успел сделать этого сам. Ко мне в лабораторию пришли штурмовики и вышвырнули меня на улицу...

— Нарисуйте мне, как выглядит ваша деталь и где она вмонтирована в установку.

Я нарисовал. Фуцштосс достал из жилетного кармана серебряный «мозер», щелкнул крышкой и затопил на поезд. Мы условились отложить мой отъезд до вторника. Но по совету Фуцштосса я покинул виллу фрау Беатрисс, так звали родственницу Гана, и поселился в рыбацьем селении у Касперсена под именем Мартина Рилле.

Когда я прощался с фрау Беатрисс, она как раз срезала на клумбах хризантемы. Я сказал ей, что уезжаю обратно в Берлин. Она ничем не проявила

своей радости по поводу моего отъезда, но мне показалось, что она облегченно вздохнула. Я ее вполне понимаю. Какое страшное, какое бесчеловечное время!..

Ревел ревун. Маслянистым пятном вспыхивала мигалка на маяке. Ровно рокотал мотор. За кормой остался большой беспокойный концлагерь, имя которому Германия. Удалялись, бледнели и таяли в тумане береговые огни. Где-то рядом дышала холодом невидимая черная вода. Пахло отработанным бензином и рыбой. Эту рыбу Уго наловил вчера и специально не выгрузил из баркаса. Под ее скользкими, скупко поблескивающими грудями запрятан аккуратно завернутый в целлофан мой деспинатор, который, рискуя жизнью, добыл старик Фуцштосс и привез мне Йоганн Касперсен, брат Уго.

Уго укутал мне шею теплым шарфом, связанным из собачьей шерсти. Зюдвестка защищает меня от влажного свежего ветра. Мне тепло и покойно. Хочется сладко подремать под ровный рокот мотора.

Но я думаю о том, что ждет меня там, в Дании. Смогу ли я быстро собрать новую установку и возобновить прерванную работу? Работа, работа, всегда работа. Отец мой погиб в пятнадцатом году на Марне, мать умерла, когда я был еще студентом. Ни жены, ни детей у меня никогда не было. Вся жизнь для меня была только работой с перерывами на еду и сон. Но даже во сне мой мозг не переставал искать новые пути и неожиданные решения. Я не привык к иной жизни, да и не хочу ее.

Может быть, я и обокрал себя...

Впервые я провожу ночь в открытом море. Уже растаял маяк. Плотные слои облаков не пропускают ни звездного, ни лунного света. За бортами дышит холодная бездна, которая изредка вспыхивает голубоватым свечением.

Я слежу за ним и вспоминаю, как гасли береговые огни, как гасли свечи на концерте в Вене.

Есть у Гайдна симфония, которую он назвал

Прощальной. До сих пор ее принято исполнять при свечах.

В огромном концертном зале с очень высоким потолком зажгли на пюпитрах свечи. В зал пахло разогретым воском. Погасли хрустальные люстры и бра, дрожали лишь шаткие языки свечей. Родились первые звуки музыки. «И лился в них, мерцая, любви бессмертный свет». Тоска и жалость, прощание и надежда на встречу, и грусть, и радость. Свечи сгорели ровно на одну треть, когда оркестр заиграл последнюю часть. Как волны, накатывались соло и дуэты. Одна за другой гасли свечи, и, как темные призраки, уходили со сцены музыканты. Ушли виолончель и валторна, ушли валторна и скрипка, ушли два гобоя, ушли скрипка и виолончель. Все меньше и меньше остается колеблющихся языков пламени, но музыка не исчезает. Все так же страстно и наивно течет она бессмертной мерцающей рекой. Наконец остались лишь две скрипки — первая и вторая. Они приняли на себя всю тяжесть и всю боль одиночества и тоски. И когда они погасили свои свечи, я еще слышал в ушах музыку. Она не исчезла. И я закрыл глаза, чтобы не видеть, как зажгутся люстры и бра и как выйдут раскланиваясь на сцену оркестранты. Я знал, что стоит мне открыть глаза, и звучащая в ушах музыка оборвется.

Я вспомнил, как гасли свечи в Вене, как гасли только что береговые огоньки, но видел, как исчезают в моем приборе атомы, их ядра, как меркнут элементарные частицы...

Это было в тот вечер в моей лаборатории в Дале.

Ровно и весело гудели трансформаторы. Между разрядниками мощных вандерграафовских генераторов проскакивали ветвистые молнии — голубые и аметистовые. В их дрожащих отсветах меркли электрические лампы.

В огромное стрельчатое окно лаборатории стучались обнаженные ветви деревьев. Причудливыми каскадами космических ливней расплывались по стеклу струи дождя. Ярко пылал в камине торф.

Но мне трудно было избавиться от какой-то непонятной внутренней дрожи. Я грел над огнем ладони, а потом поглаживал ими плечи и грудь, но озноб не проходил. Я вспомнил стихи Эдгара По:

Поздней осени рыданье и в камине угасанье
Тускло тлеющих углей...

Как средневековый чернокнижник и духовидец, я готовился сейчас задать природе вопрос, кощунственный и дерзновенный. Что есть основа сущего? Каков кирпичик, лежащий в основе мироздания? О, не я первый спрашиваю ее об этом. Под темно-синим небом Эллады, в сумраке халдейских храмов и среди каменистой пустыни Иудеи звучали эти слова в устах мудрецов. Какие слова? Разве природа понимает сложный, смутный язык людей?

Я подошел к стенду и повернул рычажок включения. Медленно поползла стрелка гальванометра. Конденсатор начал накапливать энергию. Потом я налил в самописец красной туши и включил механизм подачи ленты. Повернув колесико потенциометра, я совместил с риской цифру — «10»: разряды будут производиться импульсами — через каждый порядок нарастания мощности. Стрелка гальванометра дрожала у крайней черты. Я включил блок индуктивности и поставил автоконденсатор на пиковые частоты. Все приборы работали превосходно.

Я подержал над камином руки и приложил их к вискам. Мне показалось, что к лицу прикоснулись ледышки. Окно смотрело на меня огромным мутным бельмом. Гудели приборы, трещали молнии. Причудливые конструкции камеры, в которой был установлен деспинатор, бросали на белый кафель стен страшные расплывчатые тени.

Я чувствовал, что время проложило свою дорогу через мое сердце. Медлить больше было нельзя. Казалось, что с каждым мгновением уходит жизнь. Минутная стрелка на больших часах под потолком почти не двигалась, но я-то знал, что время бежит, как стремительный водопад, прыгающий через камни, в такт ударам сердца. Я включил деспинатор. Где-то в глубинах массивных хрустальных призм родился

еле заметный сапфировый лучик. Я начал медленно вращать лимб настройки... Лучик сузился до толщины волоса. Потом я включил реостат развертки во второе гильбертово пространство. Лучик исчез. Вместо него где-то далеко-далеко горела крохотная голубая пылинка, словно далекая звезда девятой звездной величины. Теперь нужно нажать только эту маленькую черную кнопку, и конденсатор начнет периодически изрыгать все более и более чудовищную энергию. В голубой звездочке все элементарные частицы меняют свой спин на спин кванта единого поля. Закон сохранения полного спинового момента количества движения при этом не нарушается. Происходит как бы перераспределение, которое я назвал вырождением спина. Если теперь разрядить там энергию конденсатора, то плотность ее резко возрастет и вырожденные частицы будут сближены до размеров меньших, чем их собственные диаметры. Что будет тогда? Об этом не знает ни один человек в мире. Я надеюсь, что они исчезнут, превратятся в какое-то основное поле. И я включаю кнопку.

У меня за спиной щелкают реле. Конденсатор сбросил первую порцию мощности. Я не отрываюсь от окуляра и медленно вращаю лимб. Голубая звездочка вытягивается в едва заметный эллипс. Еще сброс! Эллипс становится похожим на гантельку. Я нахожусь где-то на уровне молекул. Конечно, то, что я вижу, это не сама молекула, а лишь сигнал о пройденном рубеже дробимости материи. Вновь щелкнули реле. Но что же это? Голубая звезда исчезла. Неужели что-то испортилось? Мне сразу становится жарко. Я опускаюсь в черное кожаное кресло и вытираю лоб платком. Опять щелкают реле. Я бросаюсь к окуляру. Там чернота осенней ночи. В чем же дело?

И вдруг приходит озарение. Ведь материя прерывна и непрерывна одновременно. Великое единство противоположных качеств. Я шагнул за границу молекулярного уровня, но еще не достиг атомного. Нужно ждать!..

Прошло около часа. Белая плесень за окном

чуть посинела. Плотность энергии возросла в семнадцать миллиардов раз. И тут я опять увидел дорожную, бесценную сапфировую пылинку. Лимб становится уже грубой системой фокусировки. Я начинаю вращать колесико верньера. Все точнее и четче изображение. И звездочка раздвоилась! Пробую осмыслить происходящее. Очевидно, передо мной все та же молекула, но я вижу уже не целое, а составные части — атомы двухатомной молекулы какого-то газа. А может быть, это уже ядра?

И потянулись томительные часы. Один раз экран был темен три с половиной часа, и я уже отчаялся увидеть элементарные частицы. За окном было совсем темно. Наверное, моя лаборатория была единственным обитаемым помещением во всем институте. Я подошел к раковине и смочил холодной водой виски. Вероятно, есть какой-то предел, дальше которого человек не может идти. И как бы в ответ на эту мысль щелкнули реле. Уже ни на что не надеясь, совершенно рефлекторно я подошел к прибору и склонился над оптической системой. На черном бархате вновь горела звезда. Наверное, так древним мореплавателям светила с незнакомого неба одна-единственная путеводная звезда. Я тоже пустился странствовать в просторы «маре инкогнитум», я тоже сбивался с курса и приходил в отчаяние, но всякий раз вспыхивал и дружески мерцал мне голубой огонек. Я увеличил четкость, и звездочка распалась на множество микроскопических точек. Они сливались друг с другом, вспыхивали и исчезали, рождались из пустоты и исчезали в небытие. Я видел игру элементарных частиц, изменчивую комбинацию изменчивых субстанций. Они обеспечивают относительную стабильность мира, который кажется нам незыблемым и вечным.

Потом элементарные частицы исчезли. Они гасли постепенно, как свечи в Прощальной симфонии. И когда погасла последняя и когда я девять часов провел в ожидании новых вспышек, в моих ушах зазвучала музыка Гайдна. Как тогда, на концерте, я продолжал слышать музыку, которой уже не было,

так и теперь, когда исчезло вещество, я верил, что звезда еще раз вспыхнет.

Настало утро. Погас камин. Нежным желтоватым пеплом подернулся сгоревший торф. По-прежнему шел дождь и растекались по стеклу холодные серые капли. А я все ждал! И я увидел! Я дождался.

Я увидел мириады огоньков, переливающихся всеми цветами радуги. Это было глубоко за порогом элементарных частиц. Я видел субквантовый мир! Может быть, даже это была праматерия. Апейрон древних греков, из которого построено все.

Меня поразило многообразие светящихся точек. Я не мог избавиться от ощущения, что вижу что-то хорошо знакомое. Я снял спектр, несколько раз сфотографировал и даже зарисовал расположение точек. Потом я проверил приборы. Все было в порядке. Периодически щелкали реле. Конденсатор сбрасывал океаны энергии. И только счетчик, обычный электрический счетчик бешено вертелся... в обратную сторону. С того момента, как исчезли элементарные частицы, энергию конденсатору давала моя установка.

Я рванул рубильник и отключил прибор от сети, рухнул в кресло и заснул...

Проснулся я от внезапно наступившей тишины. Мотор не работал. Уго сидел рядом со мной и осторожно отвинчивал компас.

— В чем дело, Уго? — спросил я.

Уго молча прижал палец к губам и показал рукой куда-то в темно-серую туманную пустоту. Я пригляделся и увидел, как где-то далеко мечется расплывчатое светлое пятно. Уго сделал мне знак пройти за ним в каюту. Согнувшись, чтобы не задеть головой низкий потолок, я пролез в крохотную комнатку. На маленьком откидном столике стоял ацетиленовый фонарь, жестянка с табаком и валялись брезентовые рукавицы.

Уго нагнулся и достал из ящика бутылку темного сладкого пива доппель-карамель. Открыл ее и протянул мне. Потом он еще раз нагнулся и достал бу-

тылку для себя. Отпил несколько больших глотков и тихо сказал:

— Патруль. В ночь и туман они нас не заметят. Но уже светает, и утро обещает быть ясным. Если нас засекут, скажем, что сбились с курса из-за поломки компаса. Я его уже отвинтил.

Мы вышли на палубу. Было удивительно тихо. Я ничего не слышал, но Уго уверял, что различает рокот моторов.

Так, сидя в полном молчании, мы провели часа полтора. Уго несколько раз вставал и прислушивался. Потом, наконец, махнул рукой и сказал:

— Все! Кажется, проскочили.

Он вынул из кармана отвертку и поставил компас на место. Закурил трубку и спустился вниз запустить мотор.

Я чувствовал себя превосходно. Короткий сон среди безмолвного моря удивительно освежил меня.

Вернулся Уго и сказал, что нам осталось часов пятнадцать пути и я могу еще поспать. Здесь или в каюте.

— А вам разве не хочется спать, Уго? — спросил я.

— А кто поведет за меня баркас? — совершенно спокойно возразил он.

Я прошел в каюту. Снял зюйдвестку, стащил огромные резиновые сапоги и лег на застланную верблюжьим одеялом койку. В крохотном иллюминаторе было темно.

Я поймал себя на том, что жду, чтобы там вспыхнула маленькая сапфировая искра. Вероятно, когда человеку нечего делать, он вспоминает. Баркас слегка покачивало...

Я вспомнил ту минуту, когда понял суть своего эксперимента. И, как тогда, я испытал необъяснимое и несравненное чувство ужаса и благоговения. И вновь мечты увлекли меня в прошлое.

* * *

Когда я вдруг осознал, на что похоже распределение светящихся субквантовых точек, я почувство-

вал, что схожу с ума. Я даже сжал голову руками и закрыл глаза. Мне показалось, что в моем черепе помещается драгоценная влага и если я не буду сидеть спокойно, то могу расплескать ее.

Некоторое время я провел в каком-то оцепенении.

Я узнал приблизительную картину распределения галактик в метagalактике.

Было ли это случайным совпадением или природа уподобилась собаке, кусающей свой собственный хвост?

Мысль эта была дикой, неожиданной, она сбила меня с ног, завертела в водовороте догадок и вопросов. Но я постарался взять себя в руки. В конце концов почему бы и нет?

Наши представления о пространстве основаны на многовековом опыте человечества и нескольких десятках физических уравнений. Все сводится к тому, что в природе существуют две бесконечности. Бесконечность микромира и бесконечность космоса*. Применяя слово «бесконечность» к элементарной частице и вселенной, мы еще раз подчеркиваем их диалектическое единство. В нем выражено то общее, что заставляет нас располагать и атомы и галактики на одной прямой — от меньших размеров к большим, — и так до тех пор, пока не откажет воображение, пока не взбунтуется наше ограниченное мышление. Тогда мы прибегаем к спасительному значку ∞ и, направив оба конца прямой в противоположные стороны, считаем, что пространство нами понято.

В наших мыслях большое убегает от малого. В наших представлениях мы искусственно отрываем бесконечность Микро от бесконечности Макро. Как иногда подводит людей их способность раскладывать все по полочкам! Полочки-то выдуманные... Ведь в природе микрокосмос непрерывно и повсеместно присутствует в макрокосмосе. Природа едина и целостна. Значит... Значит, должно существовать место или, может быть, момент, когда две великие бесконечности

* На современном языке — мегамира. (Примечание профессора Крабовского.)

сливаются в одну, чтобы вновь и вновь демонстрировать материальное единство мира. Время или место? А может быть, и то и другое? Что же я увидел в своем приборе? Может, это как раз и есть оно?..

Я был слишком взволнован, я должен был отвлечься, но нельзя было терять ни одной минуты...

Я поднялся, чтобы пройти в фотолабораторию и проявить пленку. Потом я хотел обработать спектральные данные. Только тогда я мог бы поверить, что не схожу с ума.

Но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошли три штурмовика. Цилиндрические фуражки с длинным козырьком, коричневые френчи, перекрещенные ремнями, красные повязки со свастикой на рукавах. Я плохо помню, что произошло дальше.

Очнулся я на улице. Мой белый халат был запачкан кровью и грязью. Одежда разорвана, лицо разбито.

Так я и не смог получить ответа на волновавший меня вопрос. А я-то мечтал обработать все данные и написать статью! Один экземпляр я послал бы в «Анналы физики», два — в Англию, Резерфорду и Эддингтону, два — в Америку, Эйнштейну и Хабблу, два — в Россию, Капице и Фоку, и один в Данию, Нильсу Бору.

Вот поднялась бы буря! Мы бы все вместе устремились в узкую брешь, случайно забытую природой! Бог не успел бы оглянуться, как в самой тайной его комнате сидели бы несколько физиков и преспокойно писали свои уравнения.

Но теперь я мог надеяться лишь на себя. Мне ничего больше не оставалось, как размышлять. Только чисто философски я мог проверить правильность своих неожиданных выводов.

Итак, природа похожа на собаку, кусающую свой собственный хвост. Нет ни микромира, ни макромира, ни еще большего мира метagalaktiki. Мы их придумали для удобства, чтобы легче было понять единый физический мир.

Эйнштейн доказал относительность многих наших законов. Даже такая мера, как длина, оказалась за-

висимой от скорости. Стонней высказал идею о минимальных пространственных расстояниях и минимальных длительностях. В пространственно-временных ячейках, измеряемых длинами, меньшими 10^{-45} см, и промежутками, меньшими 10^{-35} сек., нет уже ни времени, ни пространства. По крайней мере в нашем понимании. Это элементарный четырехмерный пространственно-временной объем Стонней, Амбарцумяна, Иваненко. Значит, вселенная не бесконечна в сторону уменьшения. А в сторону увеличения?

Закрытая модель Фридмана — и это все? А может быть, относительны не только меры пространства, но и принципы сравнения этих мер? Мы говорим, что килограмм больше грамма, атом меньше звезды, и это кажется нам само собой разумеющимся. Но мы не говорим, что электрон больше фотона на том лишь основании, что он способен испускать фотоны. И вообще до каких пределов верны и применимы наши понятия «больше», «меньше», « A больше B , так как состоит из B »? Может быть, есть такие границы и в сторону увеличения и в сторону уменьшения, когда просто нельзя сравнивать, что больше и что меньше. Там просто нет этого качества, без которого нам никак не обойтись в привычном нам мире. Мы можем сказать, что галактика больше протона, но уже не имеем права сравнивать субквантовую частицу с метагалактикой!

Ура! Я, кажется, нашел решение. Главное, не отвлекаться и не дать мыслям расползтись... Значит, когда в моем приборе погасли элементарные частицы и до тех пор, пока в нем не появилась метагалактика, я видел мир, где неприменимы понятия «больше» и «меньше»? Именно там находится точка, где зубы собаки касаются ее хвоста! Место спая великого кольца... Кольцо, именно кольцо, а не линия, обоими концами уходящая в бесконечность вселенной и бесконечность микромира. Тысячи раз правы те мои коллеги, которые утверждали, что природа устроена гораздо проще, чем мы думаем. Проще и хитрей. Попробуем выразить все это математически. Итак,

у нас есть уравнение Дирака. Если волновая функ...» (Здесь из тетради вырвано несколько страниц.)

«...тороплюсь закончить свои записи. Больше всего меня пугает, что я не знаю, зачем и для кого их пишу. Иногда передо мной встает лицо матери, и я забываюсь. Я начинаю рассказывать ей, больной и ласковой, о самом волнующем и самом печальном. Маме нужно знать, как я жил эти годы, что ел и о чем думал. И, точно боясь огорчить ее, я стараюсь меньше говорить о страданиях и больше о надежде. Когда передо мной встают лица друзей, я вспоминаю свой долг, и страницы покрываются тензорами и вириалами. Я даже набрасываю эскизы установки, рассчитываю параметры процесса, нахожу оптимальный режим. А потом... я вырываю листы, сжигаю их на застекленном столе и превращаю ломкие сморщенные комочки в черный порошок. На стекле после этого остается коричневатое маслянистое, как от иприта, пятно, которое я вытираю платком.

Иногда я думаю о таких людях, как Уго и Иоганн, или о спокойных, исполненных внутренней силы рабочих большущей копенгагенской верфи «Бурмейстр и Вайн». Над миром пронесется беда, многих она прихватит с собою: правых и виноватых, не будет Шикльгрубера и его шайки, может быть, в жернова истории затянет тех, кто видел, но молчал, кто знал, но не сопротивлялся. Может быть, погибну я или мои коллеги и ни одного физика не останется в том... новом мире. И все придется начинать сначала, чтобы опять идти вперед, стараясь не падать хотя бы в старые ямы...

Я думаю о простых и скромных рабочих людях как о наследниках. И, только что уничтожив страницы с цепочками формул, я пишу о себе для них, которым вновь предстоит открыть то, что исчезнет, быть может, вместе со мной. Я спорю сам с собой, увлекаюсь и путаюсь, захожу в тупик и хватаюсь за спасательный круг формул, чтобы через минуту сжечь в огоньке зажигалки еще один лист.

Вот так я и пишу, быстро и путано. У меня крупный почерк, строки загibaются книзу, я люблю, раз-

мышляя, рисовать женские головки. Вот почему в моей толстой гимназической тетради все меньше остается чистых страниц. А написал я, наверное, очень мало. Ведь пишу я всего четыре дня. Я встаю рано утром, пью кофе из большой фаянсовой кружки, съедаю два бутерброда с сочной розовой ветчиной, маленькую шоколадку и немного чудесного сыра из картонного стаканчика. Потом я достаю свою тетрадь и пишу, пишу до обеда.

Обедаю я в маленьком и дорогом ресторанчике. Он расположен в тихом районе Хеллеруп.

Тенистые улицы, высокие каменные заборы с крохотными калитками. Сановитые дощечки из бронзы. Строгие, на вид совершенно необитаемые виллы. Здесь чаще слышен цокот копыт, чем шуршание автомобильных шин. Я иду и оборачиваюсь...

В ресторане мне подают миноги и креветки, немножко русской икры и отличный бифштекс по-английски, с кровью. На десерт — сыр финский, нежный, как крем.

И вновь я иду по тихим и чистым улицам.

Я живу недалеко от порта. Там всегда грохот и шум. Визжат цепи, кричат пароходы и чайки, стонут канаты и скрежещут поворотные платформы кранов. Вода постоянно подернута тусклой радужной пленкой пролитой нефти.

Но когда приходит ночь, вода преобразается. Становится глубокой-глубокой, как черное зеркало, в котором пляшут разноцветные змеи. Больше всего золотых, меньше красных и зеленых, и очень редко они бывают фиолетовыми.

Я поднимаюсь на пятый этаж старого, закопченного шестиэтажного дома. У меня квартира: большая квадратная комната с балконом, белая кафельная кухня и ванная. В кухне я готовлю себе завтрак, съедаю его, пишу и слушаю радио. В комнате я только сплю...

Я открываю английский замок, вешаю на олений рог шляпу и прохожу в кухню. Сажусь за стол, накрытый клеенкой с белыми и голубыми цветочками, и принимаюсь писать. И пишу я до самого позднего

вечера, до самой белой ночи, пока можно писать, не зажигая света.

Я тороплюсь. Завтра у меня, возможно, уже не будет ни одной лишней минуты. Никогда я так не торопился работать и жить, как здесь, в Дании. Я не успеваю следить за временем. Дни сгорают, недели проваливаются, месяцы проносятся.

Я получил немного денег из Германии, кое-что мне прислали Дирак и де Бройль. Бору тоже удалось выколотить несколько грошей из Датской академии. Средства в общем есть. Я форсирую монтаж новой установки. Один из учеников Нильса высказал превосходную идею. Он предложил заменить сегнето-конденсатор исполинской лейденской банкой, внешней обкладкой которой должны стать стены цилиндрической лаборатории. Сброс энергии будет производиться прямо на годолониево-серебряный стержень деспинатора. Это значительно повысит разрешающую способность прибора. Я подсчитал, что если нанести тонкий слой сегнетовой соли на кварцевую пластинку, то диэлектрическая проницаемость (зачеркнуто)... и потенциальную яму можно будет описать круговым интегралом в пределах от экспоненты...» (вырвано несколько страниц.)

«Я так мечтал попасть в Копенгаген! Я хорошо знаю скандинавскую литературу, музыку, но зримо представить себе этот туманный и великий город мне помогли скупые строчки писем Нильса.

Университет, академия, величественная биржа, музей Торвальдсена и песчаник причудливых украшений замка Розенборна — все это я уже видел задолго до приезда в Данию. Но я никогда не думал, что утренняя дымка над морем и далекий туманный диск на горизонте могут быть так прекрасны. Я долго глядел туда, где лежала невидимая и невозвратимая родина. Железнодорожные паромы уплывали и приплывали, а я все смотрел и смотрел, как волны сливаются с небом.

В порту складывали ящики с апельсинами, катили бочки сельди, грузили уголь. Легкая зыбь била в красные, заросшие ракушками бока судов. Гнили

выброшенные прибоем черные кучи, прыгали стеклянные морские блохи, качались на воде чайки.

Где-то там шумели другие порты, Варнемюнде и Гамбург.

Лиза рассказала мне, что два месяца тому назад Ган и Штрассман осуществили реакцию деления ядер урана. Кроме осколков деления, образовывались и вторичные нейтроны. Лиза изучила кинетику процесса и считает, что реакция становится цепной. Я думаю, что она права. Вероятно, Эйнштейн ошибся и ядерную бомбу создать можно. Появились первые тревожные симптомы. Германия запретила продажу чехословацкого урана. Наци. наложили лапу на запасы тяжелой воды. Я долго думал: зачем им нужна окись дейтерия? Вероятно, они ищут заменитель, чтобы увеличить вероятность поглощения нейтронов ядрами. Очевидно, дело зашло довольно далеко. Нужно торопиться.

Я чувствую запах грозы, кислый пороховой запах. Неужели они нападут и на Данию?

Бор едва успел собрать в свой объемистый, крокодиловой кожи портфель самые необходимые вещи. Мы сидим в его лаборатории и молча переживаем последние минуты. За ним должна заехать машина. Она отвезет его в аэропорт Каструп. Бор улетает за океан. Он уговаривал меня лететь вместе. Но я не могу, физически не могу! Столько готовиться, столько ждать! И все затем, чтобы вновь отложить эксперимент до лучших времен. А настанут ли они, эти лучшие времена?

Нет, я не могу. Я доведу работу до конца. Чего бы это мне ни стоило!

Гитлер напал на Данию и Норвегию. Скоро они будут здесь. Может быть, они уже здесь... Последние два дня я всюду вижу субъектов с рыбьими мордами. Резиновые плащи, кирпичные подбородки, взгляд манекена куда-то мимо и вдаль — это мне знакомо! Но я постараюсь успеть, я постараюсь!

Бор спокоен и бодр. Он, как всегда, собран, насмешлив.

— Я уверен, что скоро вернусь сюда! — говорит

он и кладет мне на колено свою широкую чуткую руку.

Я молчу.

— Я даже оставлю залог своего возвращения, — говорит Нильс и встает во весь свой могучий рост.

Он проходит к рабочему столу, выдвигает ящик и достает оттуда черную замшевую коробочку. Открывает и протягивает мне.

Это его Нобелевская медаль.

Затем он подходит к вытяжному шкафу, достает кювету, несколько бутылок с пришлифованными пробками и мерную воронку. Открывает бутылки и осторожно начинает готовить какую-то смесь. Я подхожу ближе и читаю этикетки.

Так! Понятно... Нильс готовит всесокрушающую смесь, известную под названием «царской водки». Интересно, зачем она ему?

Медаль покрывается пузырьками. Они сначала медленно, а потом все быстрее выскакивают на ее поверхности. Кювета начинает кипеть пузырьками водорода.

— Сейчас растворится вся! — весело говорит Бор и, прищурившись, вполоборота следит за мной.

— А потом что? — спрашиваю я, чтобы не молчать.

— А потом? Потом я вернусь сюда, к себе. Подвергну содержимое этой кюветы электролизу, получу свое золото обратно и закажу новую медаль! А?!

Он смотрит на меня и ждет ответа. А мне плакать хочется... До медали ли... Хоть бы свидеться еще раз...

Прощай, Нильс... Прощай!.. *

Они уже здесь. Только бы успеть. Дороги секунды. Тетрадь я отдам старому швейцару. Почему ему? Он плакал, когда старенький «ситроен» увозил Бора. Да и некому больше. Когда чума пройдет, все, что

* Бору не удалось покинуть в этот раз Данию. Он вынужден был вернуться, но Мандельблата он уже не застал. Через некоторое время Бора и его сына Оге переправили в Швецию борцы Сопротивления. Оттуда в бомбовом отсеке бомбардировщика их доставили в Англию. (Примечание профессора Крабовского.)

здесь написано, станет и нужным и важным. Главное — это идея, до остального постепенно доберутся и без меня. Хотел бы оставить хоть основное уравнение мирового поля, но боюсь. В наш век формулы начинают стрелять слишком быстро. А быстро нельзя, предстоят долгие годы борьбы, и неизвестно, где окажется моя тетрадь. Ведь не даром всюду я вижу теперь резиновые плащи. Да и может ли один человек, что бы ни дал он человечеству, изменить судьбы истории? Я верю в мировой разум, в священную и неугасимую искру. Люди победят. Я тоже был с ними в час великой борьбы. Просто мне не удастся дожить до победы. Но я умираю и верю, что победа придет. Сейчас я вырву все листки с формулами, которые не успел еще вырвать и сжечь. Если успею, то уничтожу их раньше, не успею — они погибнут вместе со мной. Спасибо тебе, старик Фуцштосс, спасибо, Уго! Человек всегда останется человеком, что бы ни случилось. Прощайте!»

Вся страница написана карандашом. Ее удалось прочитать лишь в отраженных ультрафиолетовых лучах. Больше в тетради ничего не было.

Крабовский достал стопку фрелоновых листов и крупным уверенным почерком написал окончание этой удивительной истории. Вот оно.

* * *

«На этом кончаются факты. Рельсы повисают над зыбкой почвой, имя которой Домыслы. А я там чувствую себя не очень уверенно. Может быть, поэтому мне хочется причислить к фактам еще некоторые детали. Строгий исследователь, возможно, осудит за это. Но события последнего времени заставили меня пересмотреть многие оценки и взгляды. Я теперь несколько иначе отношусь к тем непогрешимым истинам, на которых, как на китах, держится Земля. Я не хочу делать никаких выводов, не хочу ничего предрешать. Не скоропалительное решение нужно здесь, а внимательное, дотошное изучение.

Но не буду отвлекаться. Итак, что еще я могу добавить к тому, что можно считать фактами?

Когда Вревский после болезни возвратился на Землю и навестил нас с Марком, то, увидев портрет автора формул с Бледного Нептуна (так с легкой руки пресс-вещания говорят теперь все), сразу же заявил, что видел это лицо в короткий миг яркой вспышки.

Это признание значит очень много и не значит почти ничего. Вот если бы Алик не был в курсе всех последних событий и ничего не знал о формулах, о тетради... Но факты приходится принимать такими, как они есть.

Я мог бы назвать еще две-три второстепенные детали, но боюсь показаться пристрастным. Я подожду новых подтверждений правоты или ошибочности гениальной гипотезы.

Несколько слов о формулах. Они были подвергнуты детальному машинному анализу и серьезно изучены в математическом институте. Ученые склоняются к тому, что скользящая матрица $\frac{dR_1}{dR_2}$ описывает процесс кратчайшего взаимоперехода микромира в мегамир.

Возможно, Мандельблат нашел простейший путь в метagalактику. И начинается этот путь в субквантовом мире. Все говорит за то, что в последнем эксперименте ученому удалось создать вокруг себя единое спинорное поле и, перескочив через критерий меры, попасть в какой-то неизвестный нам тоннель в пространственно-временном многообразии.

Двигаясь вне привычного нам времени и пространства, когда-то вырвавшийся на просторы вселенной сгусток энергии случайно встретился с звездолетом у Бледного Нептуна...

Впрочем, я, кажется, начинаю фантазировать, а это мне совершенно чуждо.

Я вспоминаю неожиданное сравнение вселенной с собакой, кусающей себя за хвост. Оно очень рассердило и озадачило Марка. Он даже начал сомневаться, что так мог сказать настоящий ученый-клас-

сик. Боюсь, что молодежи все труднее понимать прошлое. Я-то могу еще представить себе ту блестящую плеяду великих физиков и неутомимых шутников, которые так властно изменили лицо мира.

Уже давно никто не улыбается при словах «атомный котел», хотя этот «строгий» физический термин всего лишь прижившаяся шутка Ферми. Модель атома старика Джи Джи* называли пудингом с изюмом, эффект несохранения четности кто-то объяснил тем, что бог левша... И все это нисколько не мешало большой науке.

В конце концов сдобренная юмором фантазия — это самая драгоценная вещь в мире. Я в этом уверен.

Последнее время я постоянно об этом думаю. И дело не в том, как вели себя нацисты, услышав взрыв в лаборатории. Марк уверен, что они ворвались в нее и, никого там не обнаружив, бросились на розыски творца сверхмощного оружия. Не напав даже на след неведомо куда ускользнувшего «государственного преступника», они напечатали объявление о награде, которое сорвал и бережно сохранил старик швейцар. Возможно, что все было именно так, а может быть, и совершенно по-иному. Всякая конструкция, основанная на чистой логике, весьма относительна.

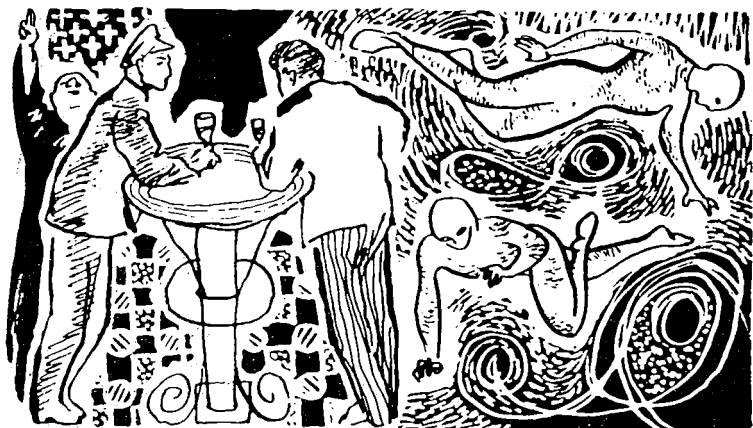
Бесспорно одно. Посадив человека в тюрьму, заключив его в стальную клетку или бросив его за колючую проволоку, нельзя отнять у него свободы. Мысль не заковать в кандалы и не уничтожить, она всегда отыщет верный и неожиданный ход».

* Так шутливо прозвали великого английского физика Джозефа Джона Томсона — учителя Резерфорда. (Прим. автора.)

ДУША
МИРА

...И гасит пламя безграничной жажды
Любви взаимной взгляд.
Пусть жизнь от целого приемлет каждый
И вновь — к нему назад.

(В. Гёте, Душа мира)

Я — всего лишь голос. Простой человеческий голос, записанный на узенькую магнитную пленку. Эта пленка — мое тело. Она безнадежно стара, ее очень берегут, и поэтому уже много столетий нас держат в особом помещении под непроницаемым колпаком.

Здесь не холодно, не тепло, не сухо и не влажно. Из окон во всю стену в помещение проникает рассеянный свет. За окнами зеленые поля и темное глубокое небо, покрытое высокими, как горы, облаками. Солнце небольшим желтым пятном скользит вдоль стен...

Острее всего я переживаю ночь. Тогда я вновь умираю. Но я полон терпения. Я знаю, что наступит

утро, солнце тысячекратно преломится в молочных стенах и ко мне придут люди. Я нахожусь здесь для них.

ОТРЫВКИ
ИЗ НЕНАПИСАННОГО ДНЕВНИКА
СЕРГЕЯ АРЕФЬЕВА

Я нажимаю кнопку, и дверь распахнута. Я вхожу в комнату, одновременно озираясь, обоняя и слыша:

— Погоди, погоди, да, я так и сказал ему и от слов своих отступить не собираюсь!

Гривастый человек с круглыми кошачьими глазами рычит в видеофон, где прыгают губы его собеседника.

— И если ты намерен его поддерживать, я тебя пошлю туда же! — орет он. — Хоть ты мне и друг! Да, да, вот так, дружок!

Багровое лицо, жалобно пискнув, исчезает с цветного экрана видеофона. Я за это время успеваю разглядеть великолепные черные дуги бровей, низкий лоб и крепкий подбородок научного руководителя Института телепатии. Пахнет ортотабаком, выращенным по последнему слову бионауки, в прозрачной поверхности стола отражены массивные ладони боксера-любителя, зеленые глаза научного руководителя мечут мне в лицо желтые молнии.

— Ермолов, — рокошет мужчина, и рука моя на мгновение сдавливается стальными тисками. — Садись... садитесь, — приглашает он.

Я откидываюсь назад и спиной ощущаю прохладу пластика. Мне уже ясно, что за человек стоит предо мной, расставив ноги и опершись руками о стол. У нас с ним не получится разговора. Мы будем говорить на разных языках. Очень грустно, что в этом институте такой главнаучрук! Признаться, я ожидал другого...

— Вот ваши документы, — говорит он, бережно отстегивая толстыми пальцами защелки зеленого бювара. — Кстати, болен наш главный научный руко-

водитель, академик... — он называет армянскую фамилию, состоящую из одних согласных, так быстро, что она сливается в короткое невыразительное фырканье, — я замещаю его.

Ах, вот оно что. Значит, мне просто не повезло. Кажется, это становится правилом. Я упрямо сползаю в ряды неудачников. Все вокруг словно сговорились помогать мне проваливаться везде, где возможно.

— Вот здесь вся ваша жизнь, — неожиданно сказал Ермолов, вываливая на стол фотокопии, магнитные пленки, поляроидные документы, куски кинолент и множество бумаг со штампами и вензелями различных учреждений.

Я вздрогнул. Я не ожидал от этих бровей такого обобщающего подхода к скучному архивному материалу. Конечно, в этих бумажках была отражена моя жизнь. Но как? Мне всегда казалось, что очень условно...

— Вы окончили школу-интернат, — говорит Ермолов, откладывая в сторону золотистую бумагу с изображением голубых книг и ракет.

Какая проницательность! Школа, милая сложная жизнь... Как все это было давно! Из вороха воспоминаний я совершенно случайно извлекаю забытый эпизод.

Уже тогда я испытывал особое состояние, преследовавшее меня затем в течение всей жизни: состояние предчувствия предназначенного мне судьбой великого свершения.

Насколько я помню себя, моя жизнь протекала в ожидании грандиозных и потрясающих событий, где судьбой мне отводилась главная роль. Здесь не было и тени сомнения или тщеславия. Это была стихийная вера, вложенная в мою душу самой природой.

Я знал, что совершу нечто абсолютно великое. По своим масштабам этот акт превзойдет все, что делалось людьми до сих пор. Поэтому его нельзя будет

измерить обычной человеческой меркой. Сделанное мной будет иметь непреходящую ценность.

Я не знал только, когда это произойдет.

Я ждал.

Иногда мне хотелось приблизить будущее, и я начинал действовать. Как правило, это кончалось очень плохо. Или смешно, что еще хуже.

Мне было десять лет, когда я бежал из школы-интерната в Большой заповедник. Я мечтал стать великим укротителем всех зверей, сохранившихся на земле. Мои друзья-однокашники играли в «Космос» и «Лунный город», они коллекционировали редкие фотографии Юпитера и Сатурна, выпрашивая их у именитых космонавтов. А я в это время во сне и наяву повелевал полчищами усмиренных тигров и добродетельных пантер. В моих ушах стоял шорох камыша, раздвигаемого могучим телом хищника, и слышались слова преданности и покорности, произнесенные на зверином языке, которым, конечно, я буду владеть в совершенстве. Слава Маугли не давала мне покоя. Она приобретала в моих глазах космические масштабы. Мне грезились тысячные стада слонов, падавшие на колени при моем появлении. Я шагал им навстречу по изумрудной траве, искрящейся на солнце мириадами капелек влаги, и умные животные приветствовали меня глухим урчанием.

Наконец, видя, что нет никакой надежды преодолеть сжигавшее меня чувство, я сбежал от утренней зарядки, ежедневных занятий в школе, бадминтона и пионерских вечеров у электрокостра. Моим попутчиком был Жоля, беленький веснушчатый мальчик с широко раскрытыми глазами. Зачарованный и потрясенный моими фантазиями, он готов был идти со мной на край света.

Нам повезло, и мы за сутки добрались до границ заповедника, расположенного в Забайкалье. Водитель аэрокара приземлил машину неподалеку от высокого белого здания, стоявшего прямо на лесной опушке.

— Вот это и есть управление Большого заповедника. Там ты найдешь своего отца.

Я кивнул, и мы спустились по плетеной лесенке на мягкую влажную землю. Летчик помахал нам рукой в серебристой перчатке, дружелюбно улыбнулся, и машина, обдав нас теплыми запахами масла, краски и разогретого металла, медленно поднялась в воздух. Мы проводили ее глазами, и я на миг ощутил тоскливое посасывание в груди. В управление, где никакого отца у нас не было, мы не пошли, а спрятались в лесу. Когда наступила ночь, мы пересекли границу заповедника. Это была несложная операция, так как ограждения были рассчитаны на глупых и сильных зверей, а не на двух хитрых ловких мальчишек. Мы переплыли бетонированный ров с водой, перебрались через полосу инфракрасной защиты, пролезли сквозь серию проволочных ограждений и попали в темный девственный лес. Конечно, мы сразу заблудились, но ведь это, пожалуй, и было нашей единственной целью. Я уже точно не помню всех ощущений, связанных с этим приключением. Но я никогда не забуду ужаса, охватившего нас, когда мы услышали крик зверя в ночной тишине. Он возник где-то совсем рядом, чуть ли не над нашими затылками. Кроме верхней протяжной воющей ноты, в нем слышалось злобное прерывистое хрипенье и бульканье, словно зверь давился собственной яростью. Мы прижались к старой, мелко-мелко дрожавшей сосне и безмолвно всматривались в густую чернильную тьму. Никакого желания встречаться с ревушим зверем я не испытал. С этого момента все в лесу стало живым. Каждый лист, каждый сучок мог шевельнуться, прыгнуть, укусить. Огромные черные стволы деревьев, сплетавшихся вверху в невидимый шепчущий покров, казались ногами великанов. Они пинали, толкали и распасовывали нас, как футбольные мячи. Они валились вниз, прижимая нас к мокрой земле, усеянной хрустящими живыми ветками...

На другой день нас отыскивали работники заповедника.

В изодранной одежде, с синяками и царапинами и, кажется, с неявными следами слез на грязных щеках мы были доставлены в родную школу.

Вечером мы отчитывались перед товарищами. В своем выступлении я не преувеличивал значения нашей экспедиции, но довольно красочно описал обстановку в лесу. Кажется, я упомянул только носорога, лань и зайца.

После меня ответ держал Жоля. Он был краток:

— Глупость сделали, и все.

Помолчав, Жоля добавил:

— А то, что он вам тут наговорил... Про всякую красоту... А сам он там был труслив, как заяц, робок, как лань, и глуп, как носорог...

— Затем вы успешно учились в университете, — говорит Ермолов. Его неприятный голос пробуждает меня от мгновенного оцепенения и сразу же перебрасывает поток мыслей в другое русло.

Успешно учился? Не те слова! Разве это была учеба? Не меня учили, я учил. Такого взлета не знали даже самые скороспелые математики и физики-теоретики. Я прошел официальный курс обучения за два года...

— Однако к заключительным экзаменам вас не допустили за многократные попытки доказать принципиальную возможность вечного движения.

Ермолов откладывает в сторону запись моего доклада на ученом совете факультета и внимательно смотрит на меня. Я был прав с самого начала. У него глаза расвирепевшей кошки. Два блюдечка с подсолнечным маслом, а посередине — злые точки. Отчего бы ему их не переокрасить? Сейчас, говорят, это многие делают. В Европе модны темносиние зрачки с черным ободочком. Некоторые оригиналы носят фиолетовые глаза. Мне лично не нра-

вится. Но все же, наверное, лучше, чем эти кошачьи бельма.

Он с минуту смотрит на меня в упор. Что он видит во мне, я не знаю. Но держусь изо всех сил. Одет я скромно. На мне полуспортивный костюм из голубого оксополимера. Грудь и спина открыты невидимым потокам кондиционированного воздуха, реющего в кабинете. Сажу я уверенно и непринужденно. Выражение лица спокойное, внимательное, чуть напряженное. Я знаю, конечно, что такую мину не любят. По ней легко предположить, что ты в душе ругаешь собеседника. Но мне приятно сидеть с такой ханжеской физиономией в Институте телепатии. Пусть угадает, черт бровастый, что я про него думаю!

Ермолов опускает глаза и откладывает часть бумаг в сторону.

— Так, — говорит он, придавливая документы прессом, словно ставя одну тяжелую мраморную точку. — И, наконец, эта ваша эпопея в Комитете по делам изобретений.

Эпопея... Я оценил величину пренебрежительной иронии, вложенной в это слово...

Комитет... комитет... Много стали, бетона и стекла. Тысячи сосредоточенных, выложенных сотруди-ков, неторопливо снующих по длинным коридорам. Ненавязчивый шум логических машин. Внешне спокойная однообразная работа: очередную заявку на изобретение перевести на машинный язык, передать на обработку электронному мозгу, полученный ответ сформулировать и сообщить автору. Ничего особенного, и, главное, никаких ошибок. Машины помнят все, что было сделано по данному вопросу до и после рождения Христова. У них не случается промахов, объективность их выше всяких подозрений.

И все же я все время чувствовал, что на меня смотрят сотни, тысячи человеческих глаз. Широко открытые, юные; с блестящими белками, старческие, потухшие, в красных прожилках, лукавые, томные

глаза женщин и нетерпеливые глаза деловых мужчин. Они настаивали, требовали, молили. Каждая заявка была как обнаженное человеческое сердце. Она пульсировала и трепетала. Смотри, я тоже умный! Я тоже оригинальный и находчивый! А я вот что придумал! А я!.. Я!..

Поток изобретений нес с собой не только новые идеи, новые талантливые догадки. Вместе с ним в наш маленький небоскреб выплескивалась пена неистового человеческого самолюбия...

И вот однажды у нас появился Эри. Его имя было нелепым сокращением слова Эрик. Потом я предлагал в качестве аббревиатуры букву «Э». Все нашли, что это пошло. Почему, мне никто не мог объяснить.

Сам Эри, как и его имя, не производил внушительного впечатления. Густые черные волосы, хронический насморк и оправа очков времен войн Алой и Белой розы. Он вошел в комнату, зацепившись за совершенно гладкий стык пластикового пола, за который никто никогда не цеплялся, растерянно огляделся и издал какой-то невыразительный звук. Кажется, «эээ».

Ему повезло. Я был в кабинете один, и поэтому никто не прыснул в кулак, не вскочил со стула с преувеличенной любезностью и смешинками в глазах и не высыпал град ненужных вопросов на странного посетителя. Я подождал, пока парень немного освоился, и спросил:

— Вы ко мне?

Он насмешливо улыбнулся.

— Откуда я знаю? Может, и к вам.

Я пожал его руку, ощутив вялое прикосновение теплой ладони, и предложил ему сесть. Он протянул листок, испещренный маленькими каракулями. Это была заявка.

Прочитав заявку, я понял, что передо мной гений. Кажется, я пробормотал:

— Потрясающе...

Эрик посмотрел лучистым взглядом голубых глаз поверх очков и снова улыбнулся. Тогда мне стало

ясно, что этот гений — ребенок. Он нуждался в руководстве, и я взялся за это дело.

Эрик предложил метод синтеза высокомолекулярных соединений из газов воздуха...

— Кстати, — сказал Ермолов, — как вам удалось устроиться в комитет после этой истории с вечным двигателем в университете?

— Случайно.

Боже мой, конечно, случайно! Если б я не был знаком с Лолой... А что такое наше знакомство? Не более как случай. Лет пять назад тонкая женская фигура скользнула с вышки в зеленую глубину бассейна, и я был первым, кто понял, что сама она оттуда не выйдет. Потом были струи слез и воды, лившиеся из глаз и тонкого греческого носика, а значительно позже наступило время нашей, как она называла, дружбы.

— Так, — опять сказал Ермолов, — значит, и с этим парнем вы занимались несбыточным, неосуществимым делом, которое блестящим образом провалили.

Что он хочет от меня? Я заинтересован в поступлении сюда на работу. Но не вынимать же за это из меня душу? Или он разыгрывает комедию строго обоснованного отказа? Так говори прямо...

Ермолов сгреб в кучу все мои документы. Он их подровнял, погладил лежавшую сверху фотокопию и сказал:

— Представленного материала достаточно, чтобы вы услышали самое категоричное нет. Факты против вас. Бумаги говорят, что вы заносчивый фантазер и упрямый исследователь нелепостей.

Я встал. Воздух в комнате стал сухим и горячим. У меня пересохло в горле и кровь бросилась в лицо. Этот Ермолов — типичнейшая обезьяна... Да, но до

каких же пор я буду без работы? Как я устал подниматься по широким лестницам без перил, нажимать кнопки на дверях с надписью «Научрук» и через двадцать минут спускаться по той же лестнице вниз. Мне осточертели фальшивые лица интеллигентных людей, вынужденных лгать и отказывать. Может быть, плюнуть на все это? С моей репутацией наукой заниматься нельзя. Но я верю в себя, слышите вы все, верю!..

— Судите сами, — говорил Ермолов, рассекая воздух ладонью, — университет вы фактически не окончили из-за собственного упрямства. Я лично понимаю ваших учителей, не могли же они дать диплом человеку, активно проповедующему возможность вечного двигателя. Из комитета вы ушли сами, так как работа там мешала вашей возне с изобретением Эрдмана. Возня кончилась ничем, а сейчас вы пытаетесь поступить в наш институт.

Дать ему по морде или уйти так? Боже, какая отвратительная физия!..

— Если б на моем месте был наш академик, — Ермолов снова повторил армянскую фамилию, и снова я не разобрал ее, — он, конечно, отказал бы. Но вам повезло. Я придерживаюсь иного мнения. Нам нужны люди с оригинальным мышлением, пусть даже с некоторыми заскоками...

— За все это я, разумеется, должен быть весьма признателен?..

— Не обижайтесь, я говорю с вами откровенно. Телепатия сейчас находится в порядочном тупике. Нужен качественный скачок. Я считаю, что сделать его можно, привлекая молодые силы. Вы, очевидно, пришли сюда не без, так сказать, задней мысли. Мне хотелось бы, чтобы вы поделились ею со мной.

Значит, у них сейчас идейный вакуум. Что же, обстановка подходящая, можно развернуться... Хриплым от волнения голосом я заговорил:

— Энергетическое поле, создаваемое работой мозга, может быть зафиксировано не только в виде биотоков, коротковолновых излучений и т. п. У меня есть идея концентратора излучений мозга, которые

до сих пор не использовались ни вашими приемо-передаточными телепатическими устройствами, ни какой-либо другой аппаратурой.

— Излучение, о котором идет речь, вами определялось?

— Да, но...

— Что?

— Нужно работать, много работать. И не одному. Поэтому я пришел к вам.

Ермолов встал, тяжело ступая, прошелся по кабинету. В нем есть что-то от пещерного человека. Длинные руки до колен, бычья шея, покатые могучие плечи. На фоне голубого света, проникающего из окна, он кажется идиолом, высеченным из серого камня.

— Да, работать, — глуховато говорит он, — вы должны помнить об этом все время. Не мечтать, не философствовать, а работать. Опыты, опыты и еще раз опыты. В противном случае мы с вами очень быстро расстанемся. Вот вам направление, идите в то восьмую комнату.

Из института я вышел поздним вечером. Серая тишина лежала на улицах. Пролетавшие мимо машины с шелестящим свистом рассекали воздух. Освещение еще не включили, я шагал по бульвару из голубых деревьев и дымчато-сизых кустов. Я искал ближайший видеофон, нужно было переговорить с Эриком.

Мы до сих пор не бросили своей затеи. Слишком заманчиво она выглядела. В официальном бланке в графе «Наименование изобретения» стояло длинное и нудное название «Создание искусственных биоактивных ферментативных систем с целью направленного и управляемого синтеза полимерных соединений из воды, кислорода и углекислоты воздуха». А на деле все было и проще и сложнее.

Эрик — биолог по специальности. Он вырастил кусочек живой ткани, которая обладала чудесным свойством. Она, подобно растениям, поглощала кис-

лород воздуха и углекислоту, превращая их не в обычную целлюлозу и растительные белки, а в длинные молекулы полимеров. Как и растения, она «питалась» воздухом, водой и небольшой примесью минеральных солей. Ознакомившись с заявкой Эрика, я немедленно поехал вместе с ним в лабораторию. Так поступали все сотрудники комитета, если открытие или изобретение представлялось им достаточно важным и серьезным. Я увидел что-то вроде аквариума, прикрытого сверху стеклянным колпаком. На поверхности густой темно-зеленой жидкости плавал опалесцирующий цветок. Во всяком случае, сначала мне показалось, что передо мной именно цветок. Он был полупрозрачным и обладал нежным оттенком слоновой кости. Форма его неправильна и асимметрична, но в ней скрыта неуловимая прелесть, завораживающая наблюдателя. Казалось, перед вами на миг застыло само движение. Но вот-вот, через секунду, сейчас, что-то произойдет, и лепестки, как волны, поднимутся, опустятся и побегут в разные стороны, стремясь догнать и никогда не настигая друг друга...

— Красивый...

— Дело не в том, что красиво, а в том, что полезно, — ворчливо заметил Эрик.

— Это да, — улыбнулся я.

Эрик тоже понимающе улыбнулся.

— Ну и что же оно делает? — спросил я.

— Внутри этого цветка заключена живая ткань, которая выделяет полимер так же просто, как вы выдыхаете воздух. Полимер состоит из белковоподобных молекул с большим молекулярным весом. Структура этих молекул не столь сложна, как у природных белков, но она совершенно непохожа на обычные промышленные полимеры. В нее включены атомы серы, железа, магния и ряда других элементов. Впрочем, суть дела не в этом. В конце концов древесина и хлопок, кожа и жир тоже производятся живой материей. И все они являются высокомолекулярными соединениями. Однако качество этих природных полимеров нельзя существенно изменить по

воле человека. Природа давала нам готовую химическую реакцию биосинтеза. И большего от нее не приходилось ждать. Так было до тех пор, пока не возникла радиационная генетика. Мое изобретение относится к этому разделу биологической науки. Полученная в результате жесткого облучения морской водоросли *Opaliinariaos medium* живая ткань, так называемая биотоза, обладает способностью продуцировать полимер, который и образовал этот странный цветок.

— И всегда у него такая форма? — спросил я, очарованный желтоватым блеском биотозы.

— Нет, в том-то и дело! — воскликнул Эрик.

Я, кажется, попал в самую точку его изобретения.

— Когда наследственность изменена, структура полимерных молекул тоже подвергается превращениям, и вы получаете совершенно новый материал, а значит и новую форму цветка. Таким образом, регулируя генетические характеристики биотозы, что легко сделать с помощью излучения или химических воздействий, можно направленно менять свойства этих полимеров, управлять ими. Причем не забываяте, что эти полимеры получены фактически из воды и воздуха!

Я давно не люблю заводов. Мне они представляются воплощением насилия человека над природой. Однажды, еще в детстве, я с отцом летел над весенней степью. Воздух был как море, огромный и нежный, он легко и свободно нес наш аппарат. Внезапно отец сказал:

— Смотри, завод.

Я увидел трубы с рыжими и седыми шапками дыма, красные, в черных пятнах стены зданий, мрачные башни, отсветы огня в окнах, замысловатые извивы паропроводов, паутину электропроводов, автомашины, железнодорожные пути... Мне показалось, что на красивую и радостную землю лег отвратительный зверь из бетона, стекла и стали, который рычит и роет когтями почву, поднимая в воздух облака ядовитой пыли. Я поделился впечатлением с отцом. Он рассмеялся:

— Ты не прав. Заводы — это победа человека над стихийными силами природы. В них — наша мощь и основа прогресса. Они не всегда красивы, это правда. Но что поделаешь? Разве красив твой желудок, или печень, или сердце? Они нужны...

И все же я надолго сохранил неприязнь к этим творениям человека, где визжит и стонет поруганная и насилюемая природа.

Слушая Эрдмана, я представил себе химические заводы... без машин, башен, трубопроводов и прочей уродливой шелухи. Лежит себе этакая симпатичная биотоза и растет. Только успевай лепестки обрывать...

— И много вам удалось получить полимера от такой биотозы? — спросил я Эрика.

Какая-то намалеванная особа за соседним столом хмыкнула и торопливо прикрыла рот рукой. Эрик смутился.

— К сожалению, это все. Биотоза больше не растет, — сказал он, разведя руками.

Я понял. Бедный изобретатель! Этот смешок по соседству сказал мне о многом. Не очень-то тебя здесь ценят. Я почувствовал глубочайшую симпатию к Эрику...

Вдруг впереди я заметил знакомую фигуру. Я узнал в ней сотрудницу Института телепатии и помчался за ней.

— Алло!

Два синих глаза посмотрели на меня с любопытством, чуть насмешливо.

— О, это ви...

— Нам, кажется, придется работать вместе?

— Рядом... — так улыбаются дети, всюю и для себя.

— Плечом к плечу?

— Может бить...

— Нога в ногу, рука об руку?

— Ооо, — смешок звенит упавшей монеткой. — Я не умею ходить в ногу.

— Так, может, попробуем сейчас потренироваться? — Я осторожно касаюсь прохладного локтя. — Вы не русская. Как ваше имя?

— Ньет, ньет, — она отстраняется, на лице появляется скучающее выражение. Потом говорит: — Меня зовут Ружена.

— Чехия?

— Ага.

Мы шагаем по бульвару. Включили освещение и все испортили: исчезли голубые деревья и дымчато-сизые кусты.

— Вы давно работаете с Карабичевым?

— Два года.

— Как по-вашему, что он за человек? Меня интересует мое будущее начальство. Ермолов нас так быстро познакомил... Я не успел как следует его рассмотреть...

Люблю задавать такие вопросы. Убиваешь сразу трех зайцев. Узнаешь о ком-то третьем, узнаешь давшего отзыв и, наконец, узнаешь о неизвестных еще тебе взаимоотношениях.

— Он умный.

— О!

— Красивый.

— Да?

— Дельный. Он изобрел модулятор «ХЗ».

— Скажите!

Все зайцы целы и разбежались. Что это за модулятор, никогда не слышал. Надо бы узнать...

— А вас зовут Серьежа, да?

— Ермолов же знакомил нас!

— Оо, я никогда не слышу, когда меня знакомят. Если я очень много смотрю, то я уже не могу слушать. Я тогда теряюсь.

— Вот как. Значит, я произвел на вас ошеломляющее впечатление?

— Ошеломеля... Оо, ньет, ньет! — Смех вновь звучит, словно кто-то швыряет пригоршни монет в хрустальную вазу.

— А какое же?

— Смешное. Ви смешной!

Боже мой, как она смеется! Просто мороз подирает по коже.

— Неужели я похож на клоуна?

— Разве только клоуны смешные? Очень, очень серьезный человек тоже бывает немножко смешной.

— Значит, я был чересчур серьезен?

— Ага, — и снова смеется. Какая несносная девчонка!

Бульвар кончился, и мы выходим на площадь, где суетятся люди и машины.

— Смотрите, роботы возвращаются с работы, — говорю я, показывая на темную массу,двигающуюся посредине уличного потока.

— Да, да. Мне их всегда почему-то жалко.

— Отчего же?

— Знаете, я вижу их утром, как они рано-рано разъезжаются по своим местам. Они такие покорные, молчаливые и... беспомощные. И смешные. Какие-то у них крючочки, щупальца, усики. Все у них крутится, двигается, они все время что-то делают. Часто невпопад. У нас в доме робот-лифтер. Такой смешной! А из окна я часто вижу робота-регулирующего. Он тоже очень смешной. И очень вежливый.

— Вы любите, когда смешно?

— Нет, не смешно, а умильно.

— Умилительно?

— Да. Я люблю детей, они умильтительные.

— А у вас дети есть?

Ружена смеется. Значит, нет.

— Мне сюда, — говорит она.

Я делаю прощальный жест рукой, и мы расстаемся. Потом, стараясь быть незамеченным, я наблюдаю, как она бежит к распахнутой двери автолета и скрывается за ней, не обернувшись.

В уличном видеофоне изображение, как водится, не работало, и я долго не мог созвониться с Эриком. Наконец я услышал его голос:

— Ты, Сергей?

— Да. Слушай, Эри, я устроился к телепатам, кончилась моя неприкаянность. Кое-какие опыты мы сможем поставить у них.

— Чудесно, Серега, чудесно! У меня пока все то же.

— Понятно.

Мы попрощались.

Домой идти не хотелось. Там был отец в единственном числе, и он мог испортить настроение на целый вечер. Может, податься в читалку? Голова болит... Решил поехать к Лоле.

Домой я возвратился поздно. Отец еще не спал, он сидел в своей комнате, курил и смотрел в открытое окно добрыми мечтательными глазами пьяного великана. Я никогда не видел своей матери, она умерла давно. Меня воспитывал или, вернее, почти не воспитывал мой отец...

— Где ты был?

— У Лолы.

— А... — Клубы дыма вырываются из волосатой пасти и пропадают в гофрированных стенках. — Как у них?

— Катятся вниз. Становятся неприкрытыми автобывателями и телемещанами. Противно смотреть...

— Сын мой...

Сейчас последует проповедь. Сославшись на усталость, я спасаюсь в свою комнату.

Я лежу в постели и не могу уснуть. На стенке напротив — фото Лолы в три четверти, по нему скользят отсветы уличных огней. Почему-то вдруг вспоминается голосок-колокольчик Ружены: «Серьежа...»

На другой день у меня было три важных события. Я рассматривал кривые биотоков, записанных на новейшем улавливателе, когда ко мне подошел Карабичев и сказал:

— Послушай, Арефьев, брось ты свои кривульки.

— Можно, а в чем дело?

— Сейчас идет интереснейший доклад одного нашего сотрудника. Революционные идеи. Новые перспективы. Вернее, закрытие всяких перспектив в телепатии. Сходи послушай.

Я с трудом пробился в переполненную аудиторию. На кафедре стоял высокий молодой человек

в очках и пронзительным фальцетом чеканил выводы:

— Наши исследования подтвердили ранее высказанные теоретические предпосылки. Человеческие ощущения, сознание и подсознание, то есть то, что мы называем состоянием души, выражаются определенной системой импульсов, размещенных в коре и подкорковой области человеческого мозга. Каждому индивидууму свойствен определенный порядок, или, как мы говорим, характерный код этих импульсов. Он связан с физико-химическими особенностями организма и является его естественной характеристикой. Эта система записи ощущений так же остроиндивидуальна, как, например, отпечаток пальца. При телепатическом общении происходит нарушение кода акцептора из-за внедрения в подкорковую область системы импульсов донора, что сопровождается тяжелым нервным заболеванием, а иногда и кратковременным сумасшествием. Благоприятный исход телепатического общения возможен только в случае полной идентичности кода импульсов донора и акцептора. Но последнее исключено. Среди всех людей Земли нет и двух человек с одинаковыми кодами души. Все люди телепатически антипатичны. Симпатичных людей нет. (Смех.) Короче говоря, у нас повторилась история с чужеродным белком. Известно, что один живой организм не воспринимает белок другого организма. Точно так же душа одного человека борется против проникновения в нее души другого человека. Эта борьба очень тяжела и настолько опасна, что ставит под сомнение возможность телепатического общения между людьми. Мы, конечно, не прекратим наших усилий, но трудности, стоящие перед нами, значительны, и об этом следует помнить.

После докладчика выступил незнакомый мне профессор. Он закинул седые волосы на затылок и сказал:

— Ээ... — и замолк.

— Ммгм, — сказал через некоторое время старец. — Наш молодой коллега привел много интерес-

ных данных, которые обращают, так сказать, на себя, вернее заставляют обратить на них, определенное внимание. Но молодости, как известно, свойственна определенная категоричность в выводах и, так сказать, необоснованная поспешность. Я бы хотел предостеречь от, так сказать, преждевременных заключений. Не может быть, чтобы проблема, которой мы посвятили свою жизнь, уперлась в тупик и на этом все кончилось. Конечно, трудности есть и будут, но выход, очевидно, существует, и он, так сказать, должен быть найден.

Я ушел. За моей спиной раздавались аплодисменты, крики, шум отодвигаемых стульев.

В лаборатории возник стихийный митинг. Карабичев выступил с пламенной речью, он разносил докладчика и отстаивал великое значение телепатии для будущего человечества. Речь его была лаконичной:

— Дело новое? Новое, самое новое. Трудно? Еще как! Можем ли мы бросить его из-за какого-то теоретического тупика? Ни за что! Будем биться об стену, пока не пробьем в ней брешь? Будем! Обязательно будем!

Потом пришел Ермолов и всех разогнал по рабочим местам.

— За работу, — басил он, — за работу! Эксперименты покажут, где выход. Нужно ставить опыты, сотни, тысячи опытов, и все станет ясным. Сначала разгадаем природу явления, а потом будем болтать о симпатиях и антипатиях.

После ухода Ермолова Карабичев подошел ко мне:

— Мне Ермолов говорил, что у тебя есть идея насчет концентрации энергии, рассеиваемой мозгом. Что ты предлагаешь?

— Да, он прав. Меня мало интересуют телепатические пертурбации. Гораздо важнее, мне кажется, уловить биоэнергетическое излучение. И сконцентрировать его в параллельный пучок. Возможно, мы получим новый промышленный источник энергии.

Я надеюсь, что это будет качественно отличное от всех известных излучение.

— Есть прибор?

— Нет, но... — я сделал неопределенный жест рукой, обозначающий возможность создания такого прибора.

— Гм. В общем так. Пока знакомься и входи в курс лаборатории. Через недельку подашь план, заявку на оборудование — и за дело. Нужна помощь — скажи.

Я заглянул в комнату Ружены. Здесь — царство чистоты и новейшей электроники. На экранах осциллографов загораются и гаснут цветные извилистые линии. Ружена в белом халате, с румяными щеками и синими глазами доброй феи из скандинавских сказок разгуливает между стендами. Изредка она что-то пишет, переключает. Работает она уверенно, легко и даже грациозно. В школе, совсем маленьким, я был влюблен в такую девчонку. Чувство было сильное и нежное. У меня осталась память о каком-то чудесном румяно-голубом облаке, в которое я погружался, видя ее.

— Оо, это ви, Серьежа! — она улыбается мне как старому знакомому. (Неужели я когда-нибудь смогу погладить эти густые темно-каштановые волосы? Какое, должно быть, наслаждение прикоснуться к такой вихрастой головке!..)

— Работайте, работайте, я же не мешаю.

— Очень мешаете. Вы меня смучаете, — смеется она.

— Хорошо, я уйду. Слушайте, Ру, домой идем вместе?

Она смотрит на меня чуть дольше, чем обычно. Потом с видом заговорщика кивает головой:

— Да.

Но нам с Руженой не удалось прогуляться. Во второй половине дня позвонил Эрик:

— Приезжай сегодня ко мне в институт. Есть новость.

— В чем дело?

— Приезжай, расскажу.

— Ну хоть в двух словах.

— Биотоза выросла.

Я собрал свои бумаги и, не дожидаясь конца работы, поехал к Эрику. Я был возбужден и, конечно, проскочил нужную остановку. Новость была ошеломляющей. Четыре года мы бились над маленьким кусочком водянистой массы. Но пока результаты были плачевны. Биотоза вырастала до размеров небольшого цветка, и развитие ее на этом прекращалось. Соотношение между массой живой ткани и образовавшимся полимером было слишком невелико. О промышленном применении было бы смешно даже заикаться. Все равно что выращивать яблоки, а использовать только нежную кожицу плода. Я говорил Эрику:

— Не проще ли разгадать сначала химическую реакцию данного биосинтеза, а потом осуществить ее в стекле?

— Попробуй разгадай, — кисло улыбался в ответ Эрик.

Он был прав. На исследование механизма реакции могла уйти вся жизнь. А нам было некогда. Науку нашего времени лихорадило.

Мощные волны научных достижений обрушивались на людей, поглощая привычные представления о пространстве и времени, о тяготении и причинности мира, о природе и свойствах живых организмов. Досадно было в такое время возиться с биотозой, не подававшей никаких надежд. Успех мог прийти, если бы мы научились выращивать многие тонны полимера... Пока же в наших руках находилось около пятидесяти граммов желтоватой массы, имевшей форму причудливого цветка. Иногда хотелось все бросить и заняться простым и ясным делом, но мы уже не могли отказаться от биотозы.

Работа над биотозой как неперспективная была давно исключена из плана исследований лаборатории Эрика. Опыты приходилось ставить по вечерам, когда никто не мешал...

— Как же тебе удалось? — начал я, врываясь к Эрику.

Он сидел и курил.

Никто не производит впечатление большого лодыря, чем этот напряженно работающий молодой человек. Сколько я его помню, он всегда сидит и курит. Он очень много думает, но разве можно сказать, о чем он думает. У начальства Эрик не в большом почете. Руководство любит видеть сотрудников с озабоченными лицами суетящихся возле новейшей аппаратуры. Много точек, много кривых — налицо исследовательская работа.

— Получать тысячи точек, добывать кривые, коллекционировать зависимости могут только творческие недоноски, — поправляя свои доисторические очки, говорит Эрик. — Нужно получить одну точку, одну кривую, но... самую главную. Надо не исследовать, а изобретать, не анализировать, а синтезировать.

У него программа минимакс: минимум анализов, максимум синтеза...

У меня создавалось впечатление, что Эрик ежеминутно вылезает из собственной кожи. Он все время пытается взлететь ввысь, и это стремление нас роднит. Мне тоже хочется поднять себя за волосы куда-нибудь повыше.

— Проклятье ситуации заключается в том, что я не знаю и не понимаю, как это произошло, — ответил Эрик.

— Что ты с ней делал?

— Ничего. Она стоит там, где стояла. Посмотри сам.

Я посмотрел. Биото́за выросла раз в пять. Теперь в аквариуме плавал цветок диаметром в сорок сантиметров. Цвет ее немного изменился, на лепестках появились бледно-розовые разводы.

— Но все же?

— Вот я и думаю. Почему? Вчера она была такой же, как всегда. Сегодня утром, когда я пришел на работу, я тоже не заметил никаких изменений. Я ее не трогал и ничего с ней не делал. Вот только перед семинаром я переставил аквариум со стола на верхнюю полку: Николаю Николаевичу нужно было разложить на столе свои экспонаты. После семинара

я пошел обедать, а когда возвратился и начал снимать аквариум с полки, увидел, что биотоза выросла. Я позвонил тебе. Вот и все.

Я посмотрел на стол и на полку. Аквариум совершил путешествие на высоту около семидесяти сантиметров. Биотозу подняли и опустили, а она взяла и выросла. Глупость какая-то.

Мы с туповатым недоумением рассматривали цветок.

— Вот свинья! — рассмеялся Эрик. — Что ты с ней поделаешь? Какие-то загадки.

— У тебя нет здесь поблизости каких-либо излучений радиоактивных веществ? — спросил я.

— Что ты! Одни стекляшки...

— Непонятно...

— Можно? — в комнату вошел лаборант Николай Николаевича. Звали его не то Олег, не то Игорь.

— Эрик, мы позабыли у тебя один демонстрационный образец, Николай Николаевич только сейчас хватился, — сказал он.

— Да, да, вот он, — Эрик протянул юноше ампулу с заспиртованной головой лягушки.

Тот взял, посмотрел на нас и улыбнулся.

— Что, своим аленьким цветочком любуетесь? Красивый он у вас и светится здорово!

— Где ты видишь, что он светится? — удивился Эрик. — Он не светится.

Парень заглянул в аквариум.

— Да, странно, совсем не светится, — он покачал головой, — а на семинаре светился. Да еще как!

Мы насторожились.

— Ты, Эрик, видел? — спросил я.

— Нет, я сидел спиной к биотозе.

— А что ты видел, Игорь?

— Олег.

— Прости, Олег.

— Как же, я отлично помню, что цветок светился, словно в него вставили лампочку. На семинаре было много народу, в эту комнату человек сорок набилось, мне сесть было некуда, и я забрался сюда. Сверху мне отлично был виден аквариум с вашим цветком.

Он приходился как раз на уровне головы Николая Николаевича. Я обратил внимание, что он сияет и переливается. Я еще подумал, что красивый цветок ребята вырастили, зря их ругают...

— Спасибо. А ты не заметил, что с ним происходило? Светился, и только? А не увеличивался ли он, не шевелился?

— Не-ет, — протянул Олег, — чего не видел, того не видел. Да я, признаться, сразу отвлекся. Больно интересно Николай Николаевич про свои опыты рассказывал.

— Так. Ну ладно, Игорь, — сказал Эрик.

— Олег.

— Прости, Олег. Ты нам рассказал интересные вещи. Спасибо!

— Может, образцы Николая Николаевича?.. — неуверенно начал я после ухода Олега.

— Сейчас! — Эрик сорвался с места и выскочил из комнаты. Через десять минут он приволок грудку ампул, банок и коробочек.

— Здесь все! — выдохнул он. Как одержимые хватали мы экспонаты и подносили их к биотозе. Никакого эффекта... Тогда мы свалили все образцы возле аквариума и с отчаянием уставились на проклятый цветок. Ни свечения, ни движения.

— К черту! — заорал Эрик. — Пошли отсюда. Нужно думать, думать и еще раз думать.

Мы отправились гулять. В молчании бродили мы по улицам Москвы.

— Самое приятное — попасть на улицу, где никогда еще не был. Тогда сам себе становишься незнакомым, — говорил Эрик.

— При условии, что улица непохожа на те, где ты уже был. Слушай, Эрик, пойдем к одной моей хорошей знакомой. Она, кстати, меня приглашала.

Примерно через месяц у меня состоялся разговор с Эриком по видеофону:

— Ну, как дела?

— Я ее облучал всеми видами излучений. Были

испробованы ультрафиолетовая часть солнечного спектра, инфракрасные лучи, рентген, альфа-, бета- и гамма-лучи, радиоволны по всему диапазону и так далее...

— И что же?

— Никаких изменений, а при жесткой обработке биотоза просто скисла.

Лицо Эрика было длинным и печальным.

— Ладно, не огорчайся, старина, что-нибудь придумаем. Лолу видишь?

Он кивнул головой.

— Передай привет.

— Ты что-то больно веселый. Как твои дела?

— Подвигаются. Я забегу к тебе, расскажу,

Причина моего веселья, конечно, не в делах, хотя и на них сейчас было грех жаловаться. Концентратор умственной энергии стоял готовый. Он сверкал всеми никелированными деталями, призывая исследователей к действию. Остались некоторые недоделки, через неделю можно было начать контрольные испытания. Я сомневался, что он будет работать именно так, как нам хотелось. Но с чего-то надо было начать. И все же концентратор мог скорее огорчить меня грядущими неприятностями, чем порадовать...

На удивительную высоту подняла мои чувства Ружена. Когда я гуляю с ней по Москве, по старым улицам, где живут скрюченные в три погибели пенсионеры да самодовольные кошки, мне кажется, что я иду с давно знакомым человеком, которого я знаю до последней морщинки на лице. И все же каждый раз она для меня неожиданно новая, даже чуть враждебно чужая.

— Я любил тебя, когда ты еще не родилась и родители твои еще не родились. Я любил тебя тогда, когда не знали слово «страсть» и люди, как дети, резвились. Я любил тебя, когда Земля еще не знала человека. Я любил тебя всегда, моя любовь во мне от века...

— Такой старый-старый чувства должен бил угаснуть, — смеется Ружена.

— Ни за что! — кричу я, и мы несемся впри-

прыжку по гулким мостовым по направлению к Большому парку.

— Слушай, Ру, — говорю я, когда мы присаживаемся на скамейку в темной аллее парка, где пахнет сыростью, слышна музыка и видны тысячи огней, спрятавшихся в густую зелень.

— Слушай, Ру, — говорю я, и она кладет голову на мою руку, и я ощущаю шелковистые волосы, тепло ее сухой горячей кожи, и запах, чудесный запах щекочет мои ноздри свежим весенним ветром.

— Слушай, Ру, — говорю я, и сладостный ком, стоящий в горле, медленно тает, и от него по всему телу бегут огненные искры.

— Слушай, Ру, — говорю я, — мне кажется, я очень плохой человек.

— О-о, вполне возможно, — отвечает девушка, — но сейчас это не имеет никакого значения.

— Понимаешь, я все время думаю.

— Не устаешь?

— Даже когда я целую тебя, я думаю.

— Это большой грех.

— Да... Мне непонятно, почему мне бывает хорошо, почему — плохо. Вот я плохой, и такой, и сякой, одним словом — плохой. Но ведь хорошим я быть не хочу. Ни в коем случае! Я хочу быть таким же плохим, но чтоб мне было хорошо. И уж совершенно не понимаю, почему мне хорошо с тобой. Ты же ничего не делаешь, чтобы нравиться или как-то произвести впечатление. Ровным счетом ничего. А мне хорошо, очень хорошо. Так никогда еще не было. В чем дело? В чем зарыта собака человеческого счастья?

— Не знаю. Я просто знаю, когда я счастлива, а когда нет. А почему? Не знаю, — негромко отвечает Ружена.

Женщины не любят анализировать некоторые стороны жизни, но я упрямо продолжаю свое:

— В чем же дело? Мне иногда кажется: все дело в том, что нам никогда не удастся выскочить из своей кожи. Мысль человека безбрежна, а чувства замкнуты, ограниченны. Человек обречен на сожительство со своим организмом до конца жизни. И никогда, понима-

ешь, никогда не познает он другого организма так, как ощущает себя. Логическое единство, идейное общение, обмен продуктами производства — все это важно, необходимо, правильно. Без этого человек не стал бы человеком. Но...

— Но только с этим он никогда не станет сверхчеловеком? — говорит Ру. Глаза ее посерьезнели, потемнели.

— Да. Именно так. Физически, материально человек замкнут. Никакое словесное согласие не гарантирует согласия душ. В сущности, всю жизнь люди ищут друг друга. Этот не подходит тому по работе, та не подходит этому по характеру и так далее. Людей гонит по жизни неумолимая сила общения, физического и морального. Создаются общества единомышленников, кружки, клубы, партии, люди вступают в браки, заводят любовников, организуют шайки, армии, государства... Тебе не кажется, что над людским обществом стоит никем не слышимый крик: «Ищу человека!»?

— Путаный ты, Серьежа...

— Очень хорошо. Пусть так. Но я честно хочу распутать все концы.

— Чего ты хочешь?

— Все задают мне этот вопрос. Разве на него можно ответить? Во всяком случае, я не могу ответить сейчас. Время покажет, чего я хочу. А пока я просто недовольный... Собой я недоволен, да и другими тоже.

— Но я надеюсь...

— О, конечно, тебя это не касается.

Мы немного помолчали, сладкая истома исчезла из моего тела. Мысли злыми буравчиками ввинчивались в черепную коробку.

— Серьежа, я давно хочу тебя спросить...

— О чем?

— Пот чему ты ушел из Комитета изобретений?

— Потому что сам захотел изобретать. Биотоза Эрика разбудила мою творческую жилку. Я думал, что дело у нас пойдет быстро, но, как видишь... Кстати, один сегмент биотозы у меня с собой. Я был се-

годня у Эрика и захватил дольку, чтобы снять у нас в институте кривые биотоков.

— Покажи.

Я достал из портфеля плоскую склянку с открытым верхом. На поверхности жидкости находился маленький кусочек биотозы. Ружена с интересом посмотрела на нее.

— Не растет?

— Нет.

Ружена рассмеялась.

— Что ты?

— Когда ты сказал «нет», у тебя было такое лицо... Будто маленький мальчик не получил конфетку.

— Ерунда. Посмотрел бы я на твое лицо после стольких неудач!

— О, не сердись. Пойдем лутче посмотрим хорошенький пантомима. Она идет в Наклонном театре.

Шагая по аллеям парка, мы видели пары, сидящие на скамейках, сплетенные руки, склоненные друг к другу головы — немые позы, символы доверия и сердечности.

— Ты страшно не прав. Я просто удивляюсь, — сказала Ружена. — Вот оно, общение, физическое, моральное, какое хочешь.

Она повела рукой в сторону темных аллей. Я улыбнулся. Ружена рассердилась:

— А идеи? — сказала она. — Разве общая мысль не объединяет теснее, чем если б люди были скованы друг с другом железной цепой? Разве коммунизм не сплотил миллиарды людей...

— Правильно, — прервал ее я. — Все верно. Я целиком с тобой согласен. Я ценю и понимаю силу любви, энергичность воздействия товарообмена, глубину кровных связей и т. д. и т. д. Но я ищу качество иное. Иное! Иное! Черт побери меня, совсем иное.

— Чего ж ты хочешь?

— А вот чего.

Я подбегаю к обрыву, ведущему к Москве-реке. На всех мостах, которые видны отсюда, уже зажглись огни, и под ними по темной воде медленно ползут

похожие на черные пятна мазута баржи, отмеченные огоньками на носу и на корме. За рекой — город, будто гряда драгоценных камней.

— Вот чего я хочу! — кричу я. — Там — люди! И там — люди! И там! И там! Все они непохожие, и разные, и одинаковые, и какие угодно. Но каждый из них физически, материально живет сам по себе. Он замкнутый сосуд. Я хочу физически объединить всех вместе. Чтобы они все время чувствовали друг друга. Понимаешь, физически?

— Зачем? — спрашивает Ружена. Ее глаза сияют и смеются.

Конечно, человек не одинок, если может заглядывать в такие глаза. Конечно, человек счастлив, если на него смотрят такие глаза. Конечно, он наклонится и поцелует каждый глаз в отдельности, а потом попытается поцеловать оба вместе, у него ничего не получится, и будет только смешно и немножко глупо.

Но... ведь все это милые знакомые штучки природы. Это не истинное общение, а хитрая игра, обман, дым. Можно поддаться этой игре, но как удержать ее? Туман рассеивается, и ты опять остаешься один.

— Трудно объяснить, тяжело, а надо... Пепел Класа стучит в мою грудь. А у других не стучит. Я понимаю, ты не понимаешь. Ты знаешь, я не знаю. Тут много всего. И жажда новой информации и невозможность ее полного освоения для отдельного человека... И зависть и неверие в свои силы. Хочется ощутить всю жизнь, какая она есть везде, и предугадать, какой будет. И еще... в общем очень много.

Ружена молчит, она слушает, задумчивая, уютная, чуть грустная.

— Людей нужно объединить еще крепче, еще плотнее, — говорю я.

— Неужели они слабо объединены? Радио, телевидение, газеты, журналы, книги, контакт на работе, контакт дома — везде люди, люди и еще раз люди. Можно устать.

— Нужна качественно новая форма общения.

— Телепатия?

— Антипатия и симпатия... Нет, это не то. Что толку, что я влезу к тебе в душу? Я хочу быть сразу со всеми людьми, я хочу...

— Но, Серьежа, это же безумие! Откуда ты знаешь, что так надо делать...

— О, если б я знал! В том-то все и дело, что я не знаю. Но я ощущаю постоянное неистребимое беспокойство. Я чего-то все время хочу. В этом невинно то общество, в котором я живу. Невиновны те люди, что меня окружают. Хотя от них многое зависит... Не виновен я сам. Это голос эволюции. Не останавливайся. Не успокаивайся. Будь всегда недоволен. Пепел Клааса стучит в мое сердце...

— Мы уже пришли.

Мы действительно пришли и сразу же полезли в полутемную сферу, где уже сидели и жарко дышали сотни невидимых зрителей. С трудом отыскивали два свободных места. Опустили кресла — движения мимов в увеличенном виде проецировались на потолок.

Прошло минут сорок. Внезапно я почувствовал что-то неладное. Портфель, лежавший на коленях, стал непривычно тяжелым.

— Ру, это ты? — прошептал я.

— Штоо? — удивилась девушка.

Раздался треск и щелчок. Кто-то отдирает от портфеля застежку. Испуганный и взволнованный, я вскочил.

— Ру, выйдем!

Мы бросились к выходу, цепляясь за чьи-то сердитые ноги. На свету я обнаружил, что моя сумка чудовищно разбухла и в нескольких местах треснула. Когда я открыл ее, наружу выползли розоватые язычки и застыли, бессильно повиснув. Секунд тридцать горели они холодным рубиновым пламенем, затем погасли.

— Биотоза!

— Снова выросла... Почему?

Она выросла снова диким непонятным образом.

Она выросла, чтобы еще раз поставить нас в дурацкое положение. Она смеялась над нами.

— Почему же ты, голубушка, растешь, когда тебя не просят, и ни с места, когда мы тебя умоляем? — злобно спрашивал Эрик, расхаживая вокруг стола, на котором лежал ком увядшей биотозы. Ружена сидела здесь же, в глубоком кресле, и, как всегда, чуть-чуть улыбалась. Мы с Эриком испытывали острый приступ ненависти невежд ко всему загадочному. Перед нами была сама природа, многоликая и неуловимая. Мы не могли втиснуть ее фокусы в наши ограниченные мозги и злились на нее, на себя, на весь мир.

— Может, она развивается периодами? — сказала Ружена.

— Хороши периоды, один продолжительностью в два года, а следующий — в две недели.

Внезапно мне пришла в голову интересная мысль.

— Слушай, Эрик... а ведь биотоза растет там, где присутствует много людей.

Эрик остановился пораженный.

— Повышенная концентрация углекислоты? Тепло? — спросил он, подозрительно рассматривая меня, будто я сказал чудовищную ересь.

— Не знаю... Может быть, не только это, а и еще что-нибудь.

— Проверим.

Больше мы ничего не говорили.

Программа действий была ясна, и мы с Руженой ушли.

— Тебе понравился Эрик?

Смешок. И чего она все время хихикает?

— Что здесь смешного?

— Трудно иметь впечатления с первого взгляда...

— Но все же?

— По-моему, он настоящий ученый...

— То есть?

— Он умеет смотреть и думать, не оглядываясь на сторону...

Но я уже не слышал, что говорила Ружена. Странное чувство, похожее на ревность, проснулось во мне. Я прислушивался к нему.

— О чем ты задумался? — спросила она, поворачивая мое лицо к себе.

— Знаешь, я представил себе, что мы уже научились выращивать полимер из воздуха! Покупайте костюмы из биополимеров! Стройте дома из биобетона! И так далее. А нам будет грустно. Загадка решена, тайна раскрыта. Вот и все? Что делать нам? Куда мы?

— Идти дальше...

— Вперед, только вперед! Пепел Клааса стучит в мое сердце... Ну, а что впереди? Где крылатая птица счастья? Как поймать перья, оброненные ею на лету?

— Серьежа! — с возмущением сказала Ружена. — Ты же только час назад был счастлив! Любовь не может терпеть такой сумасшедший скачок.

— Был, был, говорил, говорил... Любовь, любил, ерунда все, Ру. Любовь — это близость, глубочайшая и долговечная. Ее никто никогда не знал. Адам и Ева, Ромео и Джульетта — красивая ложь, добравшаяся на коротких ножках до двадцатого века. А что там у них действительно было, никому не известно. А у нас... у нас все сложно. Когда мы молчим, нам многое понятно. Мы друг в друге. Но стоит сказать слово, как между нами возникает мысль. Она разделяет нас. Ты понимаешь это? Мысль является третьим. Может, и не лишним, но третьим. А иногда и лишним. Мы уже не чувствуем друг друга, не видим себя, а видим ее — мысль. Ты понимаешь это? Я уже не говорю о третьем действительно лишнем, например, об Эрике или Карабичеве... Когда рядом еще кто-то, мы уже не принадлежим себе, а... Спрашивается, что это за любовь, что это за близость, которую все, что есть на свете, может спугнуть или отодвинуть на задний план?

Ружена досадливо морщится, причем крылья ее носика пренебрежительно задираются вверх:

— Ах, какая глупость! Ну разве можно так все перепутывать! Мне, часом, кажется, что мир в твоих

глазах перевернут как вверх дно. Если чувство есть, оно спрятано на глубину души и, когда нужно, проявляется. Оно действует как благоприятный фон, на котором разворачивается картина жизни человека. Оно как фундамент, где построены остальные чувства человека. Почему ты ломишься в открытую дверь, Серьежа?

— Зябко, зябко, Ру, — отвечаю я. — Мне кажется, что я занимаюсь не настоящим делом...

— Скажи, наконец, правду... Тебе со мной хорошо?

— Зябко, зябко, Ру... Иногда с тобой мне тяжелее, чем с другими. Я подозреваю обман.

Ружена поворачивается ко мне. Она бледнеет. На сером лице проступают глаза, как звезды сквозь облака. А я... я чувствую, что меня сейчас вот-вот захлестнет волна и понесет, ударяя о камни и крутые берега.

В предчувствиях бывает удивительный миг. Перед самым действием, когда покой уже кончился, а событие еще не наступило, человек становится ясновидцем. Это странное мгновение длится миллионные доли секунды. Оно приходит не ко всем и не всегда, но оно приходит. Тогда человек твердо знает, что произойдет и чем все кончится. Он это знает, хотя еще ничего не произошло. Но он знает также, что ничего изменить он не в силах. Его несет волна, тяжелая могучая волна необходимости. И он в ней — всего лишь щепка.

— Больше всего в жизни я боюсь обмана. Тебе не кажется, что наши отношения... они тоже лживы? Просто мы договорились поступать, как нам приятно, и называем это любовью?

Ружена молчит, и ее серое лицо совсем растворяется в вечерних сумерках. Мне кажется, что девушка расплылась, исчезла в мглистом воздухе и я остался один. Я хватаю ее за плечо. Оно безжизненно-вялое.

— Любовь — это смерть одиночества. А с тобой я бываю безумно, нечеловечески одинок. Не всегда, нет, нет, не всегда, но все же такое со мной бывает.

Стоит мне подумать, что можно обмануться самому и обмануть другого, и я нахожу бесспорные доказательства такого обмана. Ру, пойми меня верно, я ненавижу ложь. Мне иногда кажется, что я не люблю тебя... Может, это и не так, но мысль, что я лгу и тебе и себе, порой сводит меня с ума.

— Я думала, что ты только смешной. Но, оказывается, ты можешь быть страшным. Спасибо. Мне наука. Однако я должна подумать, много, много подумать...

Я чувствую прикосновение теплых губ ко лбу. Девушка уходит. По асфальту за ней медленно скользит косая тень, потом она становится все короче и короче, расплывается и пропадает вместе с фигурой.

Я остаюсь один. Всегда этим кончается. Я всегда остаюсь один. Дома, на работе, в любви. Стоит мне сказать откровенное слово, все бегут прочь. Чего они боятся? Но что слова? Нужно действовать. Действовать. Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой, или в этом роде. Он был прав. А я нет. Он дрался, а я нет. Лишь тот достоин... Но где же бой? С кем драться? С собой?

ГЛАВА I

Грузовой автолет, тяжелый и неуклюжий, вырвался из пелены дождя на простор, где сильно пахло озоном и блестела, словно смазанная маслом, густая степная трава. Вдали появились и быстро стали приближаться невысокие холмы. Солнце преломлялось на изрытых дождем и ветром склонах, отбрасывая слепящие оранжевые блики.

— Кажется, подъезжаем, — сказал Эрик.

Арефьев промолчал. Они сидели, скрючившись, в багажном отделении машины. Здесь же внавалку громоздились ящики с биотозой, оборудование, разборный алюминиевый дом и масса других предметов, которые могут понадобиться, как сказал, проводная их, Карабичев.

Автолет развернулся и мягко шлепнулся на влаж-

ную землю, рядом с домиком, окруженным высоким забором из тонких металлических прутьев.

— Приехали! — объявил водитель, распахивая дверцы.

Эрик выпрыгнул. В лицо ему ударил густой медвяный запах степи. Воздух проник в легкие, в кровь и погнал по всему телу энергичные волны бодрости.

— Серега, а здесь здорово! Биотоза сможет развернуться!

— Что? — слышался голос Арефьева из глубины машины.

— Здорово, говорю! Давай выгружайся!

— А-а... — Арефьев задом сполз с машины, осторожно поставил коробку с приборами на землю и медленно распрямился. Он стоял бледный, длинный и, чуть прищурясь, смотрел вверх.

— А солнце здесь квадратное, — внезапно сказал он.

Эрик посмотрел на солнце и сказал:

— Ладно, пошли на биостанцию.

В домике их встретила девица с арбузными щеками и веселым взглядом.

— Уезжаю с вашим автолетом, — заявила она. — Остаетесь здесь хозяевами.

— Вы научный работник? — спросил Сергей.

— Да, последняя из нашей группы.

— И как же вам здесь жилось-работалось?

— А ничего.

— И не было скучно? Ведь все-таки степь да степь кругом?

— Та не. Ничего.

— Больше вопросов не имею, — буркнул Сергей и озабоченно занялся разгрузкой оборудования.

Когда девица зашагала к автолету, волоча два тяжелых чемодана, Сергей некоторое время рассматривал ее плоскую квадратную спину, похожую на стальную плиту, затем фыркнул:

— Научный работник!.. «Хозяевами»!.. Ископаемое!

Эрик вышел из дома и спустился к карьере. Огромный котлован, вырытый в далеком прошлом,

изрядно зарос ореховым кустарником и травой. Давно заброшенный, он стал пристанищем для степных птиц и насекомых, приютившихся в бесчисленных норках и ямах на склонах карьера. Совсем недавно обнаружили необычайное плодородие глинистых пород, расположенных на дне котлована. Приехали агробиологи, поставили дом и засеяли котлован серебристо-черной венерианской водорослью. Она погибла, тогда вместо нее посеяли многолетний гибрид кукурузы и пшеницы. Гибрид даже не проклюнулся на поверхность темно-красных, тщательно обработанных делянок. Агробиологи усомнились в необычайной плодovitости этих земель и потеряли интерес к котловану. И все же изредка исследователи появлялись здесь на месяц-другой, чтобы провести какой-нибудь экстравагантный эксперимент.

Эрик ударил ногой сухой комок глины, лежавший на краю обрыва. Комок подпрыгнул, как мяч, весело перевернулся в воздухе и с шумом поскакал вниз, цепляясь за ветви кустов и увлекая за собой мелкие камешки и пыль. Он скатился к ленивому маленькому ручью на дне котлована большим серым облаком, которое, упав в воду, рассыпало брызги и искры света.

— Вот так и мы, — сказал подошедший Арефьев. — Кто-то или даже что-то толкнет нас, и мы катимся, увлекая за собой других, пока не свалимся в первую подвернувшуюся лужу.

Эрик ничего не ответил и улыбнулся.

— Я считаю, что здесь прекрасное место для биотозы, — сказал он, помолчав.

— Откуда этот ручеек? — спросил Арефьев.

— Не знаю. Мне говорили, что он пересыхает. Но лето дождливое...

— Здорово нам придется здесь работнуть, Эри, а?

— Да. Но в конце концов никто нас не заставляет гробить отпуск на выращивание биотозы...

Они молча смотрели, как ветер гонит пепельно-зеленые волны по траве. Эрик подумал, что за месяц придется переделать немало всяких дел. Главное, отыскать оптимальные условия роста биотозы. Ключ

найден, осталось открыть замок. Надо получить несколько тонн биополимера, тогда можно будет иначе разговаривать со всеми противниками. Биотоза властно овладела душой Эрика. Он наяву грезил ее полупрозрачными лепестками. В последнее время прекрасный цветок источал тонкий, нежный запах. Эрик часами мог вдыхать одновременно освежающий и пьянящий аромат полимера. Биотоза...

Арефьев, сидевший рядом и лениво рассматривавший сиреневые тени на дне карьера, не думал о биотозе. Он вспоминал...

Позавчера у кинотеатра «Марс» он встретился с Карабичевым. Сергей стоял под рекламой и курил одиннадцатую сигарету, дожидаясь Ружену. За последние два месяца их отношения стали угрожающе неровными. Они ссорились при каждой встрече и тут же мирились. Они меньше смеялись и чаще плакали, прижав друг к другу мокрые взволнованные лица. Они понимали, что наступает конец. Чувство уходило, как жизнь из простреленного тела; чувство уходило так же бессмысленно и неожиданно, как когда-то пришло, и они не знали, что нужно сделать, чтобы оно осталось. Сергей стоял, курил, думал о Ружене и знал, что она не придет. Она устала, она не могла больше выносить всего этого.

И вдруг он увидел Карабичева. Холодный, спокойный, красивый, он не шел, а шествовал среди возбужденных, предвкушавших удовольствие людей, и Арефьев подумал: «Вот кому хорошо. У него по крайней мере все ясно...» И неожиданно для себя окликнул Карабичева. Они постояли, помолчали, потому что говорить фактически было не о чем. Карабичев сказал: «У меня умерла мать». Сергей посмотрел на него. Карабичев смотрел поверх голов вдаль, туда, где гирлянды огней сплетались в елочную карусель. Внезапно Сергей услышал крик. Человек кричал пронзительно громко, но голос его несся над городом, никем не услышанный. Люди входили и выходили, обменивались шутками, торопливыми репли-

ками, подметки шаркали о шершавый асфальт, тонкие каблучки выбивали извечно кокетливую дробь, пепел сигареты падал вниз серыми снежинками... А крик несся над городом неслышимый.

«Вот оно, одиночество. Одиночество горя. Я знаю, как ты одинок, друг. Ты можешь солгать кому угодно, но только не мне. Я слышу твой крик, я вижу невидимые слезы на твоих щеках. Твои руки хватают воздух, мнут его, сжимают, пытаюсь удержать невозвратно утерянное.

Я сочувствую тебе, я понимаю твою беду.

Я хотел бы помочь тебе, понять все твои муки... Но как это сделать?

В этом лице нет ни кровинки. Взгляд сухих глаз стеклянно спокоен.

Твоя боль однообразна и тяжела. Ты переживаешь утрату и чего-то ждешь.

Я сочувствую, я понимаю...

Нет! Тысячу раз нет! Не верь мне, друг. Я не понимаю. Я слышу, вижу, но не понимаю. Для того чтобы понять тебя, я должен стать тобой, но между нами природа испокон веков прорыла ров. Никто еще не перешагнул через него.

Поэтому твоя боль — это еще не моя боль. Да, я слышу крик, идущий изо рта, но могу лишь догадываться о том, что ты переживаешь.

Твоя боль в сердце, в мышцах, в каждом твоём вдохе и выдохе.

Но ко мне она сначала приходит в мозг. Прежде всего в мозг. Она приходит ко мне со словами и красками, звуками твоего голоса и запахами.

Я взволнован, я потрясен. Но что стоит мое волнение по сравнению с твоей болью!

Да, твоя боль — это не моя боль и ею никогда не станет».

Сергей пригласил Карабичева к себе домой. Увидев груды чемоданов, узлов и ящиков в его комнате, Карабичев с интересом узнал о намерении друзей провести отпуск на биостанции Хокай-Рох. Он внимательно выслушал рассказ Сергея о биотозе и дал несколько полезных советов. «Нужно предусмотреть

все», — сказал он и минут за десять составил длинный список предметов, необходимых на всякий случай. Он раскритиковал приборы и оборудование, выбранное Эриком, и бытовую утварь, приобретенную Сергеем. То, что предлагал Карабичев, было компактнее и дешевле. За один вечер Сергей сделал с ним больше, чем за неделю с Эриком. «Я к вам туда еще заеду, посмотрю, как вы двигаете свое изобретение», — сказал Карабичев. Сергей почувствовал, что Карабичеву нравится их затея. На какое-то время он, очевидно, отвлекся от своего горя...

— Пойдем, — сказал Эрик, — нужно разобраться с вещами.

Сергей встал, потянулся и бросил прощальный взгляд на карьер. Солнце начало спускаться к горизонту, и внизу стало темно и мрачно. В густых тенях котлована растворялись зеленые барашки орешника, исчез ручей. Сергей зашагал к дому вслед за Эриком.

До позднего вечера они разбивали ящики, вынимали аппараты, расставляли мебель и оборудование. Больше всего хлопот доставил алюминиевый домик, рекомендованный Карабичевым. Он был некомплектный, и Эрик долго сопел и поправлял очки, пока разобрался в его деталях. Наконец поздним вечером все было готово. В помещении биостанции негде было пройти: на полу валялись обрывки упаковочной бумаги, веревки, проволока, гвозди. Во дворе громоздилась искалеченная тара. На траве стоял новенький алюминиевый домик, где помещался гамма-облучатель. Приборы были установлены и подготовлены к работе.

— Хлам уберем утром, — махнул рукой Сергей, и друзья, словно по команде, рухнули на свои пластмассовые лежа.

На другой день свежий, выспавшийся Эрик с румяными заспалинами на лице оценивал обстановку:

— Итак, мы хотим получать этот полимер в значительных количествах. Как это сделать? Прежде всего мы должны помнить об особенностях биотозы,

установленных нами раньше. Она растет в присутствии больших скоплений людей... Почему? Отчего? Может быть, действовала повышенная концентрация углекислоты? Но это не подтвердилось... Мы выращивали нашу биотозу в кинотеатрах, в метро, в залах заседаний и на танцплощадках...

— Что было связано с некоторыми трудностями, — заметил полуголый Сергей, лежавший на сырой и теплой от солнца траве. — Помнишь, как лопнул ящик с биотозой во время выступления этой знаменитости — Марицио Колли? Хлопок был такой, словно взорвалась бомба. Бедный певец побледнел и пустил первого в своей жизни петуха. Нас чуть не арестовали...

— Да, — сказал Эрик, потрогав очки, — но не отвлекайся, пожалуйста. Мы с тобой заметили, что, достигнув определенного размера, биотоза начинает расти сама. Очень медленно. Очень-очень медленно. Но все же растет. И в этой стадии для нее важны воздух, свет, простор. Я думаю, надо поместить полученные образцы биотозы на поверхности ручья, закрепив их сетками. Ручей проточный, вода в нем свежая... Мы сможем насыщать воду любой концентрацией нужных для роста биотозы минеральных примесей, и тогда...

— Все ясно! За дело, Цицерон, за дело! — закричал Сергей, вскакивая на ноги. — Пусть труд покажет всему свету, на что способны мы и биотоза!

С этого часа для них потянулись удивительно однообразные дни; словно они смотрели кадры киноленты, проворачивая ее вручную. Человек делает и делает шаг и никак не сдвинется с места...

Сначала они расчистили дно котлована возле ручья, обнажив апельсиновую глинистую почву, и вырубili густой орешник, не позволявший подобраться к истокам ручья. Затем принялись очищать ручей от травы, густого и вязкого ила, затруднявшего течение, обломков веток и мусора. Кучи грязи, добытые друзьями, засыхали и превращались в серые пирамиды. Ветер сдувал с них пыль и разносил ее по котловану. Трава покрывалась серым налетом, и только

частые дожди возвращали ей привычный блеск и свежесть.

Несколько дней они стаскивали вниз ящики с биотозой, распаковывали их и осторожно выкладывали нежно-розовую массу на сетки, погруженные в ручей. Ящиков было двенадцать, возни с ними хватало, и только через неделю над ручьем повисло двенадцать легко дрожавших сеток, покрытых черными лоскутами материи, спасавшими биотозу от прямых лучей солнца.

Там, где начинался ручей, они поместили био-ионитную насадку, обеспечивавшую «витаминный» режим питания биотозы. Для этого пришлось тащить ящики с адсорбентом к истокам ручья. Около двух тонн ионитов перенесли они по неровному дну карьера, по его сыпучим склонам. Они измеряли концентрацию ионов по длине ручья. Это была кропотливая и нудная работа. Отбирались пробы воды сразу с нескольких глубин, затем следовал анализ их на спектрографе Вита. Чтобы не тащиться с каждой пробой вверх в лабораторию, Эрик перенес прибор вниз, к ручью. Он разбил палатку и работал в ней часов по двенадцать в сутки. Шмыгая носом, поправляя очки, роняя пробы и спотыкаясь, он умудрялся проводить до полутысячи анализов за день.

— К черту! — сказал однажды Сергей. — Я хочу сладко пожрать, и мне наплевать на эту самую биотозу. Пошли наверх!

Они поднялись на станцию, побрились, помылись, постояли под электродушем, от которого тело горит и щекочет, переоделись в свежее белье и достали бутылку с густым темным напитком «Асо». Сергей вскрыл несколько банок с едой, выплеснул их содержимое на грелку, и через три минуты они ели и пили с таким аппетитом, словно уже много лет этим не занимались.

— Кстати, я все забываю тебя спросить, — заметил Эрик, — как обстоит дело с твоим умственным концентратором?

— А никак. Ничего он не концентрирует. Но нет худа без добра. С помощью моего аппарата можно

улавливать слабые биотоки на расстоянии одного-двух метров. Это очень удобно. Ермолову понравилось, он похвалил. Теперь на человека не будут цеплять ворох датчиков-передатчиков. Вместо них рядом с объектом ставят мой аппарат и ведут запись биотоков. Вот и все. Чисто и красиво.

Эрик насмешливо покачал головой.

— Какое достижение, скажите пожалуйста!

— Ну, нет, ты послушай! Совсем неожиданно мой концентратор оказался пригодным для других целей. Ты представляешь себе, что такое дистанционное управление автоматами, обладающими свободой передвижения? Автоматчики до сих пор топчутся на месте. Это же чертовски сложно! Команда сначала кодируется, затем в виде радиосигнала поступает в робот. Программирующий узел — это сложное, громоздкое, неточно работающее сооружение. Перевод мысли, желания в сигнал для автомата — дело тяжелое, а с помощью моего излучателя все осуществляется довольно просто. Биотоки, возникающие у программиста, легко улавливаются концентратором, вмонтированным в приемное устройство автомата. Вот оно как!

— Сергей, почему ты все же поступил к телепаттам?

— Черт его знает, но мне почему-то показалось, что телепатия самая важная проблема на сегодня. Пожалуй, оно так и есть. Взаимопонимание — вот чего нам не хватает. Люди должны понимать друг друга до конца. Но когда я увидел, чем занимаются в этом институте... Признаться, настроение мое здорово упало. Меряют, записывают, строят графики, сочиняют отчеты... Вот и все. А до практической телепатии им так же далеко, как мне до великого открытия, о котором я мечтал в детстве.

Они отдыхали еще часа два, говорили о людях, науке и биотозе. Потом, переодевшись, вновь спустились вниз, в карьер. Эрик принялся за анализы воды, уединившись в свою палатку. Сергей возился с биотозой. Прошел час напряженной работы, когда Эрик услышал какой-то шум.

— Эри! Эри, эй! — кричал Сергей, сложив грязные ладони рупором.

— Чего тебе? — очки Эрика сердито блеснули из темного квадратного отверстия.

— Давай сюда, давай скорей!

Когда Эрдман подбежал, Сергей указал пальцем на розоватую массу, лежавшую на сетке.

— Смотри!

— Ну?

— Здесь две порции биотозы. У меня не хватило сетки, и я их поместил рядом. Они растут в четыре раза быстрее, чем каждая в отдельности.

— Как ты определил?

— Взвешиванием, непосредственным взвешиванием по способу старика Лавуазье. Оно показало, что вдвоенная биотоза растет в четыре раза быстрее всех остальных.

Эрик задумался. Мысль его работала суетливо и судорожно.

Он с нетерпением пошевелил пальцами:

— Значит...

— Значит, надо свалить всю имеющуюся биотозу в кучу и посмотреть, что получится, — сказал Сергей.

— Идет.

— Только давай побыстрее, а то вечер, да и дождь, кажется, будет.

Эрик посмотрел вверх. На краю карьера лежала маленькая злая тучка. Иссиня-темный низ тучи говорил о ее решительных намерениях. Эрик представил холодные струи, льющиеся с неба, потоки воды на крутых склонах котлована и зябко повел плечами.

— Успеем?

— Успеем, только быстро.

Они вприпрыжку понеслись к сеткам, натянутым по обе стороны ручья. Сергей выдергивал кольца, распутывал нехитрые узлы подвязок и передавал концы сетки Эрику. Тот медленно сплавлял нетонущую биотозу вниз по течению. Через двадцать минут безмолвного труда желтоватые куски биотозы были объединены и уложены правильным многоугольником на трех сетках в самом широком месте ручья.

— Расти, голубушка, — сказал Сергей, набрасывая на цветок покрывало.

— Вовремя, — отозвался Эрик, стряхивая с лица первые капли дождя.

Друзья окинули прощальным взглядом свое детище и бросились вверх к домику биостанции.

Потемнело. Черные тучи упали на землю и принялись избивать ее гибкими прутьями струй. Все вокруг, насколько хватал глаз, покрылось мутной пеной бессильного бешенства.

— Ну и грозища! — сказал Сергей, распахивая окно.

Вместе с брызгами в комнату влетел до слез острый запах бури.

— Не сорвало бы биотозу, — заметил Эрик и вдруг хлопнул себя по лбу.

— А спектрометр Вита?! Ведь его зальет к чертовой бабушке!

— Ничего с ним не будет. Палатка непромокаемая.

Ураган еще долго подмигивал вспышками молний, угрожающе грохотал и сердился, затем, наконец, обмяк, ослабел и затих.

Наступила тишина. Только слышалось падение тяжелых капель с крыши дома да движение ветра, лениво плывшего в ночной степи.

— Я схожу, — сказал Эрик. — Посмотрю, как там.

— Брось, завтра пойдешь. Видишь, темень какая.

Сергей лег спать. Эрик долго сидел у окна и вглядывался в его чернильный проем.

Среди ночи Сергея разбудил толчок. Ему показалось, что кто-то кричит. Голос доносился издалека.

Сергей вскочил на ноги, нашаривая в темноте одежду. Он не успел одеться, как вдруг что-то произошло. Темнота растворилась, и Сергей увидел перед собой ярко-красный пульт управления со множеством циферблатов и дрожащих стрелок. Над пультом находилась прозрачная пластмассовая стенка, за которой кренилась и летела куда-то темно-зеленая, в светлых плешинах земля. Сергей понял, что руки его держат рукоятку управления самолета, и он уве-

ренно подал ее на себя. Он отлично знал, что делает. Самолет выровнялся...

Внезапно Сергей ощутил, что лежит на раскаленном песке. Над ним густое темно-синее небо, какого он никогда не видел. Слепящее солнце уставилось на него, как глаз циклопа. Откуда-то доносился запах дыма и гортанный говор. Сергей приподнялся и посмотрел на себя. Он увидел свое голое, совершенно черное тело, туго стянутые веревками ноги, выступающие ребра, рваные лохмотья на узких бедрах... Поздней ночью он лежал в темной канаве на глухой улочке, и его били коваными башмаками. Бившие говорили между собой по-итальянски, и он понимал их...

Затем мелькнули и исчезли какие-то незнакомые нерусские лица, автолеты, виноград, дом с прозрачными стенами и потолком, и все слилось в сверкающую карусель, где ничего нельзя было разобрать. Последним было ощущение, что его держат за ноги. Сергей висел вниз головой, совершенно голый и мокрый, и кричал. Он отлично помнил, что родился уже давно, и в то же время не мог избавиться от чувства, будто это случилось только что.

Внезапно все исчезло. Сергей стоял в темной комнате биостанции и держал в руках брюки. Наплыв видений продолжался не более секунды.

Голова его кружилась, в ушах трепетал далекий звон. Все мышцы тела странно напряглись, словно сведенные несильной судорогой.

— Эри! Эрик!

Звуки слов утонули в черной тишине помещения. Ответа не было. Сергей снова позвал Эрика. Молчание. Он медленно натянул одежду негнувшимися пальцами и осторожно ступил вперед.

— Эрик!

Порыв прохладного ветра ворвался в открытую дверь. Сергей вышел из дому. Ночь была глухой, темной, остро пахло сыростью, в лужах валялись яркие звезды.

— Эрик!

Сергей сделал несколько шагов вперед. Как-то незаметно он почувствовал себя совсем хорошо. Напря-

жение спало, стало очень легко. Он глубоко дышал, посвистывая носом. Он удивился легкости своего тела: оно, казалось, ничего не весило. Он заторопился к карьеру. И странное дело, он не испытывал никакого волнения. Собственные ощущения очень сильно занимали его. Он не мог сосредоточенно думать о том, что случилось с Эриком. Его отвлекала то удивительная свобода собственного тела, то присутствие необыкновенной силы в руках, ногах, груди — во всем теле.

Спустившись по тропинке вниз, он на несколько секунд застыл в неподвижности. Даже в густой тьме южной ночи он различил, что котлован исчез. На его месте неясно белела какая-то масса, напоминавшая волны застывшего дыма. Сначала Сергей подумал, что выпал снег. В августе? Потом он решил, что произошло землетрясение и вспучило почву. Но гора, возвышавшаяся перед ним, мало напоминала внезапный выброс. Это было скорее облако, опустившееся на землю. Под его матовой поверхностью горел слабый холодный свет. Станный аромат наполнял воздух...

Биотоза?!

Сергей бросился вперед, ощупывая прохладные скользкие изгибы полимера.

— Эрик! Эрик!

Он побежал вдоль границ биотозы, вышвыривая из луж грязь и звезды. В одном месте, где масса полимера немного отступала от края котлована, образуя черную щель, ему послышался легкий стон. Сергей скользнул вниз и, разгребая вязкую массу, протиснулся в глубину. Там он нащупал голову и плечи Эрика, лежавшего на продолговатом ящике. Сергей медленно выволок друга из-под липкой тяжести полимера. Он с удивлением заметил про себя, как легко ему удаётся преодолеть вязкое сопротивление биомассы.

Эрик не шевелился. Очевидно, он давно был без сознания. Сергей взвалил его безжизненное тело на плечи и зашагал к станции.

Ярко освещенная голова Эрика с ввалившимися

щеками и закрытыми глазами повергла Сергея в ужас. Он поправил подушку и положил руки Эрика поверх одеяла.

Внезапно он ощутил странную слабость, комната поплыла перед его глазами, и он должен был присесть, чтоб не упасть. Ему было очень плохо. Передохнув минуты две, он большим усилием воли заставил себя встать и вышел в соседнюю комнату. Там ему стало немного легче.

Шприц и медикаменты лежали в холодильнике. Сергей включил химический стерилизатор и через несколько минут вошел в комнату Эрика со всем необходимым для укола. Эрдман лежал так же недвижимо, мертвенно спокойно, как раньше.

Сергей обнажил правую руку друга, смочил спиртом внутренний сгиб локтя и сделал укол в вену. И сразу почувствовал резкую боль в своей правой руке. Он отложил шприц в сторону и закатал рукав. На белой коже появилось темное пятнышко, из него просочилась маленькая капелька крови. Сергей рассматривал ее с недоумением и страхом. Что бы это значило? Ведь укол был сделан Эрику? Почему же он тоже чувствовал боль?

Слабость вновь охватила его. Казалось, на миг он провалился в темную яму. Цепляясь за стенки, Сергей вышел во двор станции...

ГЛАВА II

Карабичев был человеком совсем другого склада, чем полагал односторонний и пристрастный в оценках людей и их поступков Сергей. Его ясный ум не блуждал в потемках ассоциаций, отыскивая таинственные свойства вещей. Он видел явления такими, какими они были на самом деле. И никто в мире не мог бы заставить его думать о причинах и следствиях, которых он реально не ощущал.

Встреча с Арефьевым у кинотеатра «Марс» произвела на него определенное впечатление. Но до конца понятным для него оставалось только неприкрытое

сочувствие Арефьева. Сергей не сказал ни одного слова утешения, но Карабичев понял все, что он хотел сказать. Однако Сергей ошибался, думая, что Карабичев тогда «кричал». Это было просто несвойственно ему. Арефьев, как всегда, судил о других по себе. Крик Карабичева был нужен Сергею как подтверждение своих глубоко личных мыслей о людях.

В августе Карабичев тоже получил отпуск и уехал отдыхать на юг, к родителям жены. Городок Пронск стоял на маленькой безымянной речушке с берегами, заросшими ивняком. Карабичев целыми днями пропадал в глухих ериках реки и возвращался к вечеру с мизерной добычей, усталый, но довольный. Методичный, спокойный Карабичев, у которого черви были подобраны по росту и по цвету, а пойманная рыба подвергалась особой обработке под названием «супозиция», мог сутками сидеть на том месте, где последний удачный клев случился около полусотни лет назад.

В это утро Карабичев собирался к одному зеленому мыску, уже давно облюбованному и занесенному в особый список перспективных мест сидения. Там берег уходил в реку небольшим желтоватым конусом и срывался вниз круто и неожиданно... Надо было уже давно встать, окинуть беглым взглядом сумку, проверить, все ли на месте, выпить стакан холодного молока, прикрытого сверху ломтем черного хлеба, и зашагать по росистой траве, поеживаясь от холода, но Карабичев никак не мог проснуться. Откинув голову с подушки, выпятив тонкий розовый кадык, он храпел, стонал и задыхался, словно на его груди работал бульдозер. Что-то похожее происходило с его женой. Она изредка выкрикивала сквозь стиснутые зубы отрывистые фразы и слова.

Карабичев открыл глаза и сел, с удивлением осматриваясь. Он не узнавал спальни и, казалось, не понимал, где находится. Долго смотрел на кисти своих загорелых рук, щупал одеяло, прислушивался к бормотанию Марии.

— Кошмар... — прошептал он, встряхивая головой.

Затем встал и прошелся по комнате, впитывая

босыми ногами прохладную свежесть пола. Остановился, подумал и сказал вслух:

— Я — Андрей Анатольевич Карабичев, я — Андрей Анатольевич Карабичев...

В утренней тишине голос прозвучал неожиданно громко.

— Нужно... на воздух, — решил он.

Спасительная мысль. Резкими четкими движениями собрал приготовленные вещи и вышел, не выпив молока из стакана, накрытого хлебом. На улице было безлюдно. Городок еще спал. Где-то далеко вставало солнце, нахальные утренние лучи пролезали в щели заборов и сквозь листву.

Карабичев шагал по пыльному асфальту и твердил себе, как ему хорошо сейчас, как легко и приятно и будет, вероятно, еще лучше...

Впереди него шла женщина. Она несла на покатых плечах коромысло, на нем раскачивались бидоны с молоком. Молодая, не в меру полная, очень спокойная, она катилась по утренней улочке коlobком тихого и теплого счастья. Поравнявшись с ней, Карабичев бросил быстрый взгляд на румяные щеки и отвернулся.

Внезапно он увидел себя. Ни в одном зеркале никогда до сих пор не видел он самого себя так странно, так по-чужому неожиданно, как сейчас. Серо-зеленая спортивная куртка, высокие сапоги на молниях, рюкзак, удилища в правой руке, подсачник — в левой, размашистая уверенная походка... Он увидел свою голову, красивую и большую, на высокой шее, повернутую в сторону резким энергичным движением. Одновременно Карабичев ощутил, что тело его разбухло, отяжелело, на шею опустился пук мягких волос, плечи согнулись под тяжестью коромысла. Ему почему-то вспомнилась совершенно незнакомая кухня, где за низеньким столиком сидел неуклюжий беленький мальчик и счищал остатки каши в пухлый открытый воронкой рот. Мальчика звали Владик, и при этом имени у Карабичева сладко заныло под сердцем и захотелось улыбнуться. И в это же время он вновь за доли секунды пережил весь ужас

ночного кошмара, только что мучившего его. Неожиданный испуг охватил молодого ученого. Ему захотелось бежать, мчаться прочь от ужасного Карабичева, надвигавшегося на него с удочками, похожими на казацьи пики. Но длинная юбка мешала движению. Карабичев сделал шаг вперед...

Наваждение исчезло. Тетка с бидонами осталась позади.

Дойдя до поворота, Карабичев оглянулся. Женщина шагала, покачиваясь в такт своей ноше. Карабичев повернул на улицу, ведущую к реке. Женщина, пройдя еще несколько шагов, остановилась, поставила молоко на землю и долго смотрела вслед исчезнувшему Карабичеву. Тяжело вздохнув и обтерев с лица неожиданно выступивший пот, она продолжала свой путь.

Карабичев продрался сквозь густую заросль крапивы к реке. Над серой поверхностью воды стлался голубой пар. Тени деревьев, росших на берегу, разрывали его в бесформенные клочья. Сильно пахло сыростью и гниющей тиной. Карабичев, не разматывая лески, бросил удочки в мокрую траву и сел, опершись спиной о рюкзак. Он молча смотрел на темную рябь реки.

Солнце всплывало все выше над горизонтом. Карабичев чувствовал его горячие лучи на своем лице, но не двигался с места. Он смотрел вниз, туда, где тени от травы и деревьев на воде становились короче, пока не исчезли совсем.

Наступил день. Знойный, ленивый, размаривающий, он выполз на землю и улегся на ней, как хозяин, подняв возбужденную трескотню кузнечиков. Солнце плыло и таяло в небесах. Жара усиливалась.

Когда стало очень душно, Карабичев разделся и проплыл несколько кругов в холодной воде. Одеваясь, он на мгновение замер и произнес вслух:

— Неужели я сошел с ума?

И быстро осмотрелся по сторонам.

Может, кто подслушивает?

Домой он направился под вечер, когда зной спал и степь начала утихать.

Подходя к городку, он снова испытал тревожное чувство. Ему не хотелось входить туда. Неясный шум доносился из глубины кривых улиц. У Карабичева слегка кружилась голова, он целый день ничего не ел.

Первым ему встретился малыш лет семи. Мальчик катил ракету на колесах и горько плакал. Карабичев погладил его по белым завиткам волос, хотел что-то спросить и вдруг ощутил страшную обиду на маму, высыпавшую ему только что по попе. Карабичев почувствовал, что слезы сами потекли у него из глаз, а рот скривился смертельно обиженным крендельком. Он в ужасе отпрянул от мальчугана. Испуганный Гога (Карабичев понял, что так зовут мальчика) унесся, как ветер, волоча по земле выдавшую виды ракету. Карабичев с отчаянием поглядел ему вслед. Он начал бояться людей. При появлении человеческой фигуры он вздрагивал и быстро переходил на противоположную сторону улицы. Возвращаясь домой, он выбирал самые безлюдные и глухие улочки. Однако, шагая по мягкой и пыльной земле, он чувствовал, что в городе творится что-то неладное. Из темных дворов доносились выкрики, иногда смех, иногда ругань. Где-то завывала женщина. Это было очень страшно — протяжный человеческий вой вырвался из темноты на свободу и унесся в лиловое небо.

Карабичев побежал. Ему захотелось побыстрее домой. «Мария... Ты поймешь меня. Я, кажется, попал в большую беду». Он с размаху влетел в группу юношей и девушек, набежавших откуда-то из темноты.

— Ты наш! Ты наш! — закричали они и стали вертеться, взявшись за руки, вокруг него. Ослепленный Карабичев молчал. Калейдоскоп невероятных ощущений кружился в его теле. Как и утром, он видел самого себя с рюкзаком, удочками, в сапогах, но на этот раз он видел затылок и лицо, спину и грудь, ноги и руки, всего себя одновременно. Странное поразительное зрелище. Странное поразительное чувство: он уже не был Карабичевым Андреем Анатольевичем. Он исчез, растворился в смеющихся лицах, в юрких подвижных телах. Ему захотелось вернуться еще быстрее, хотя он стоял неподвижно. Он

чувствовал боль на запястье от сильных рук соседа, хотя его руки были свободны.

Карабичев с глухим стоном бросился вперед и, разорвав сплетение горячих рук, оказался на свободе. Толпа хохочущих ребят понеслась прочь.

«Вот оно что, — подумал Карабичев, — значит, это действует только, если люди рядом, совсем близко. А отойди на несколько шагов — и как не бывало. Нужно запомнить. Нужно очень хорошо запомнить».

Он подошел к дому, когда уже совсем стемнело. Слава богу, никого не оказалось ни во дворе, ни на крылечке. Карабичев заглянул в окошко. В ярко освещенной комнате за столом сидела Мария, подперев голову руками. Ее взгляд задумчиво скользил по нехитрому узору скатерти. Иногда она взглядывала в зеркало, стоявшее здесь же, и лицо ее искажала гримаса отвращения.

«Жена, самый близкий мой человек. Ты всегда меня понимала и сейчас поймешь. Напрасно я сбежал от тебя сегодня утром, твоя помощь мне бы здорово пригодилась. Я был дурак. Но ничего... Сейчас я...»

Мария встала, сделала несколько шагов, раскачивая бедрами. Резким движением достала сигарету и закурила.

Карабичев сначала не мог сказать, в чем необычность происходящего. Потом вспомнил. Мария никогда в жизни не курила! Он бросился в комнату и наткнулся на запертую дверь. Несколько толчков плечом — дверь распахнулась.

— Мария!

Жена в испуге выронила сигарету на пол и молча уставилась на него. Лицо ее страшно побледнело и напряглось, губы приоткрылись...

Карабичев смотрел на нее. Лицо жены казалось ему незнакомым и чужим. От этого было страшно.

— Мария!

В глазах Марии скользнула тень замешательства, она повернулась и растерянно сказала:

— Ай донт ноу ю.

Карабичев остолбенел. Слова завязли у него

в горле. Мария сказала еще несколько фраз по-английски. Карабичев не знал, что и думать.

— Маша, Маша, успокойся. Ты вспомни, я твой муж, Андрей, — пролепетал он.

Мария пристально посмотрела на него. В ее глазах мелькнул было какой-то свет. Она даже шепнула что-то знакомое и ласковое. И вдруг с возмущением заговорила еще быстрее и непонятнее. Лицо ее покрылось пятнами, грудь вздымалась, такой Карабичев ее не помнил. Между бровями Марии легла незнакомая сердитая складка, округленный рот рассыпал слова звонким горошком.

Светила настольная лампа в перилоновом колпаке. На стене в тонкой рамке сгрудились родственники Марии. Недовольно брюзжала муха, застрявшая в оконной раме. Под окном коротко тявкнула собака с бессмертным именем Тузик.

Карабичев сделал шаг вперед и обнял жену. Мария замерла. Несколько секунд они стояли в оцепенении, склонившись друг к другу. Тишина окутывала их, словно ватное одеяло. Кто-то плакал в коридоре, и Карабичев слышал глухие всхлипывания и причитания.

Затем словно ток пробежал по их телам. Они резко отпрянули в разные стороны, сердито глядя перед собой. Карабичев выбежал, женщина осталась. Она упала на стул и заломила руки с видом крайнего отчаяния.

Карабичев вышел на крыльцо. В темноте он различил бесформенную темную массу, примостившуюся на ступеньках крыльца. Это была Евгения Николаевна. Она глухо рыдала, утираясь передником. До Карабичева доносились горловые звуки, наполненные слезами:

— Машенька, доченька моя бедная...

Карабичев остановился и сказал вздрагивающим голосом:

— Нет у вас больше дочери, Евгения Николаевна. Нет и у меня жены Марии. Есть миссис Дитти Браун, англичанка двадцати трех лет от роду,

Он осторожно обошел тещу и зашагал по неясно белевшей тропинке.

Звезды на темном небе казались чересчур крупными и неправдоподобно яркими. Люминесцентные фонари качались и бросали неровный свет на асфальт. Улица напоминала палубу корабля в шторм. Легкий ночной ветер нес тревогу и леденящее отчаяние.

Карабичев прошел несколько улиц и остановился у маленького домика, спрятанного под сплетением пыльных шелковиц и акаций. На старых дверях вместо экранчика с подсветкой торчала обыкновенная кнопка электрического звонка. Карабичев нажал ее. В дверях появилась тетя Глаша, дальняя родственница врача Петра Михайловича Горина. На вопрос Карабичева старушка развела руками:

— Что ты, милый, что ты! В поликлинике он. Здесь такое творится! Вся больница переполнена, врачи с ног сбились. Аль у тебя тоже беда какая приключилась?

Карабичев повел плечом:

— Есть кое-что. Хотел с Петром Михалычем поговорить.

— Ну, что же, — засуеутилась тетя Глаша. — Проходи. Ты у нас, чай, давненько не был. Все с рыбалкой своей никак расстаться не можешь. Иди, чайком угошу.

Старушке явно требовался собеседник. Карабичев, соблюдая дистанцию, пошел за ней.

— Как Машенька-то? — допытывалась тетя Глаша.

Карабичев промолчал, наклонив голову.

— Да, да, — затараторила она. — Сейчас со многими разные штуки происходят. С сегодняшнего дня началось. Даже с ночи, под утро. Вон наш сосед — жена, трое детей, хороший человек, работяга. И не пьет. А сегодня скандал такой закатил, если бы вы слышали. Кричит, не мои это дети, и все тут! Жену прогоняет, знать, говорит, ее не хочу. Чужая, кричит, изменница. Двадцать лет прожил, и нá тебе — чужая! А насчет изменницы, так это он нам всем как глаза

открыл. Вот никогда б не подумали. Такая тихая, скромная женщина... Конечно, которые люди религиозные, они легче всякую суету переносят. У них опора есть...

— Как вы думаете, когда придет Петр Михайлыч? — спросил Карабичев.

— Не знаю, батюшка. Ему больных отрядами сегодня доставляют. Такое творится...

Карабичев выпил стакан крепкого чая, полистал анатомический журнал и задумался. Невеселые мысли проносились в его голове. В передней раздался громкий голос: Петр Михайлович, шестидесятилетний крепыш с румянцем и сверкающей плешью, окруженный седым нимбом волос, вошел в комнату вместе со своим ассистентом Анастасией Свешниковой.

— Андрей Анатольевич! Рад вас видеть. Не здороваюсь по понятной вам причине. Сейчас быть вежливым означает быть невежливым. Садитесь, друзья мои. Сегодня тяжелый был день, и он еще не кончен. Я думаю, что ночь принесет нам свои сюрпризы, не правда ли, Анастасия Филипповна?

Девица серьезно кивнула головой, и зайчики на ее очках весело дрыгнули лапками. Карабичев спросил:

— Объясните мне, Петр Михайлович, что происходит?

— Сначала расскажите, что с вами, — ответил Горин.

Карабичев рассказал. Когда он говорил о себе, врач согласно кивал головой, словно все это было знакомо ему давным-давно. Стоило Карабичеву заговорить о жене, как Горин насторожился. Они переглянулись со Свешниковой и внимательно дослушали сбивчивое повествование.

— Такого случая мы сегодня еще не наблюдали, — побормотала девушка.

— Да, это что-то новое, — сказал Петр Михайлович, вставая, — но сейчас все это не так уж важно. Сейчас главное другое...

Он прошелся по кабинету, подошел к окну и поднял штору.

— Вот, дорогие мои, городок, пожалуй, самый спокойный, самый тихий в нашей области. Милый мой Пронок, ты всегда дремал, лежа на берегах очаровательной Проны. Цивилизация и техника, автоматизация и прогресс лишь слегка затронули тебя. Ты покупал телевизоры и автолеты, но не интересовался добычей тяжелой воды. Ты поглощал супервитамины и не был увлечен ракетной техникой. Ты предпочитал животноводство кибернетике, виноград — атомной энергии. Даже ядерные испытания не нарушили твой трудолюбивый сон. Даже приземление ракеты с Венеры не перевернуло твоего упорного сельскохозяйственного мышления. А вот сейчас, посмотрите. Этот оазис спокойствия бурлит, как потревоженный улей. Уже час ночи, а нигде не погашены огни. Вы слышите эти голоса, эти крики, смех, плач и прочие странные звуки, вы слышите все это? О чем все это говорит? Пронок проснулся! Ему дали здоровый подзатыльник!

Петр Михайлович сел в кресло.

— Я не знаю, что происходит, — сказал он, тяжело вздыхая, — но мне ясно, что в мире сломалась или, наоборот, возникла какая-то новая пружина. Всех людей на Земле, понимаете, всех — в Москве, в Пронке, в Лондоне, Вашингтоне...

— Неужели всех, неужели это везде?! — закричал Карабичев.

— В том-то и дело, голубчик, что везде. Неужели вы не слушали радио? Правительства социалистических стран уже обратились с воззванием к своим народам.

— Меня не было... я сбежал за город, я думал, что я один сошел с ума.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Петр Михайлович. — Этим психозом, которому еще нет названия, объято все человечество. Правда, в разных местах он протекает по-разному. Видели бы вы сотни моих сегодняшних пациентов. Но самое страшное в том, что они не больны. Они абсолютно здоровы. Им нечего делать ни в поликлинике, ни в больнице. Я сказал нашему парторгу, что не стану их принимать. На кой

черт ко мне тянут всех этих избитых жен, отвергнутых мужей, родителей, не признающих своих детей, каких-то случайных любовников и т. д. и т. п. Он мне говорит, что вы, дескать, обязаны принять всех, кто к вам придет. А я стал с ним рядом и чувствую, что он врет, а думает он так же, как и я думаю. Он понял, что открылся, рассмеялся и говорит: «А что же делать, дорогой Петр Михайлович, что же делать-то?» И тут я почувствовал, какой это приятнейший человек. Мне даже тепло стало, словно рюмку коньяку проглотил. А ведь раньше, кроме «зануда» и «формалист», другой характеристики для него я не знал. Вот тебе, батенька, и заболевание. Если и заболевание, то не смертельное. Я говорю одному оператору с мясокомбината, что жаловаться вам, молодой человек, не на что. Сердце как у быка, рефлексy в полной норме, нервная система — позавидует астролетчик, так что можете не волноваться. А он мне говорит, что ему, дескать, муторно: «Моя жена все про меня знает, и я все знаю про нее и уже не пойму, где я, а где она. То мне охота на кухне возиться, то за шляпку хватаюсь, то какая-то чертовщина в голову лезет...»

— Я испытывал что-то похожее, — смущенно пробормотал Карабичев.

— Да, — улыбнулся Горин, — случаи здесь попадают самые неожиданные.

Он продолжительно посмотрел на Свешникову.

— Но все же, в чем природа этого... заболевания? — спросил Карабичев.

Старик пожал плечами.

— Неизвестно. Вон американцы кричат, что это эпидемия, распространяемая советскими биологами. Якобы выведен такой вирус, который сразу всех кусает. Чепуха, конечно. За несколько часов никакой микроб не может обегать всю землю. Да и что это за болезнь, если человек совершенно здоров? Ни психических, ни физиологических расстройств не наблюдается.

— Вот только «муторно» человеку, — тихо заметила Анастасия.

— Да, муторно, — подхватил Петр Михайлович, — но что это за «муторно», еще нужно разобраться. Человек как бы спит наяву. Он остался самим собой, но в то же время превращается в другого человека, стоящего рядом. Все это происходит без слов, без каких-либо усилий со стороны людей. Если человек находится в толпе, мир начинает двоиться, троиться, четвериться. Происходит как бы наложение психических миров.

— Или их сильное расталкивание.

— Да. Или так. А на расстоянии в полтора-два метра эффект взаимного наведения исчезает. Человек становится самим собой. Вот и все. Я советую пациентам: находитесь подальше друг от друга, и все будет хорошо.

— Может, послушаем радио? — предложила Свешникова.

Она включила приемник. Взволнованная иностранная речь ворвалась в комнату.

— Что же мне делать с Марией? — тихо спросил Андрей.

Горин серьезно посмотрел на него.

— Лекарств нет и рецептов нет. Осталась только логика. Пусть послушает радиопередачи из Лондона, тогда она немного уяснит ситуацию. Поговорите с ней по-английски. Если плохо знаете язык, попросите кого-нибудь помочь. Постарайтесь возбудить какие-нибудь воспоминания, связанные с ее привычками, чувствами: наряды, знакомые туфли, можно поцеловать.

— Не могу, это чужая, незнакомая женщина, — сказал Карабичев.

Петр Михайлович поднял вверх кустики бровей.

— Пардон, но ведь это же ваша жена?

— Ничего подобного. Дитти Браун — и все тут. А где Маша? Ее тело осталось здесь, да и то это уже не ее тело, но где же Маша?

Приемник заговорил по-немецки. Карабичев знал этот язык и прислушался:

— Говорит Вена. Передаем обзор событий второй половины суток 15 августа 19... года.

— Сегодня ночью? — шепотом спросил Андрей.

— Да, — ответил Горин, — сегодня ночью был ужас.

— ...Люди оказались вне пространства и времени. Все привычные нормы нарушены и опрокинуты. Пилот, ведущий самолет на большой высоте, чувствовал себя лежащим в ванне и начинал искать губку с мылом, выпустив рули управления. За десять часов автолетов и автомобилей погибло больше, чем за все истекшее пятилетие... Люди выпускали из рук рычаги, нажимали опасные кнопки управления, дергали педали, тормозили на полном ходу, падали из открытых окон, шагали через перила лестниц, наносили себе смертельные увечья или отделывались легкими ушибами.

Мир общепринятых представлений в каждом человеке был взорван. Осколки логики и причинности черными хлопьями пепла кружились в растерянных мозгах человечества.

Это был всеобщий мираж, охвативший детей и стариков, женщин и мужчин, военных и гражданских, идиотов и мыслителей. Каждый человек за секунды неповторимого сна переживал длительное потрясающее путешествие по душам других людей.

Бюрократ, в течение всей жизни не отрывавший глаз от полированной крышки стола, лицезрел вулканическую лаву, пенящуюся, с острым запахом, неумолимо подползающую к его ногам. Молоденькая женщина становилась стариком, ребенок — взрослым мужчиной, мужчины превращались в детей, негры — в белых, белые — в темнокожих, атеисты — в попов. Смерч мимолетных, отрывочных, часто неясных видений проносился через организмы людей. Австрийские ученые делают особое ударение на слове «организмы», так как все пережившие ночь 15 августа утверждают, что они не только видели, но обоняли, осязали и слышали возникавшие перед ними иллюзии. Ощущение реальности было настолько полным, что многие из совершивших ночное путешествие возвратились оттуда с «вещественными доказательствами». Бруно Б. показал нам два кровоподтека, якобы полученных в небольшой уличной стычке где-

то на мысе Доброй Надежды. Инженер-химик Иосиф С. не спал в ночь на 15 августа, играл в преферанс. Перед утром он вдруг увидел себя на операционном столе. Ему делали резекцию желудка. Операция была мучительной. Когда он очнулся, перед ним снова были карты и его друзья. Видение продолжалось не более десяти секунд. Сильная боль заставила Иосифа лечь. Ощупывая живот, он обнаружил на нем шов, которого там раньше не было.

Похожих примеров приводятся тысячи. К нам поступают сведения о подобных случаях, происшедших одновременно в Европе, Америке, Азии, Африке, Австралии. Одни факты смешны, другие — печальны. Но у всех сообщений есть общее, что дает ученым надежду найти причину возникновения «большого сумасшествия». Это общее — кратковременность воздействия ночного кошмара. В отдельных случаях оно было настолько мимолетным, что его даже не заметили. В других — продолжалось полторы-две минуты. Кратковременность и одновременность больших видений позволяет сконцентрировать усилия научных работников, медиков и биологов на узком участке фронта исследований.

Дело в том, что кошмар не кончился и сейчас. Он остался в нас в виде особого эффекта, получившего название «эффекта взаимонаводки» или «эффекта дубль-ве». Есть указания на определенные моральные трудности, связанные с «эффектом», но они еще до конца не ясны. Доктор медицины Станислав Самовяк решительно отвергает эпидемиозную природу «эффекта дубль-ве», обоснованную американцем Паулем Джонсом. Никакой вирус...

— Что я говорил! — радостно воскликнул Горин. — Очевидная вещь, никто ни минуты не сомневался, что здесь не вирусы работают...

Карабичев вдруг решительно встал. Казалось, он нашел выход и решил действовать.

— Я пойду, Петр Михайлович, — сказал он, делая шаг вперед и протягивая руку старику. Он спохватился, но было уже поздно. Перед ним в чистом виде возникла любовь. Сладко сжалось сердце, лег-

кая грусть поползла к горлу, по телу скользнула истома. Карабичев стоял растроганный и смущенный. Словно свежий дождь вылился ему на лицо. Он взглянул на Анастасию и только сейчас заметил, что она сидит почти рядом с Гориным, гораздо ближе пресловутых двух метров.

— Вот так, — дрогнувшим голосом сказал Петр Михайлович. — Вот так. Кому горе, а у нас с ней... совсем другое дело. Пять лет вместе работали и фактически в глаза друг друга не видели. А сегодня... вот увиделись.

— Это... хорошо, это очень хорошо, — пробормотал Карабичев, попрощался и быстро вышел.

Он шел по темной улице упругими шагами, отталкивая от себя землю вниз, в бездонную вселенную. Он шел, и движения его становились все более четкими. Действовать, сейчас нужно только действовать! Раньше, когда ему казалось, что он один, он имел право заниматься самим собой, теперь, когда таких, как он, были миллионы, он должен был сделать все, чтобы помочь и им и себе.

Когда Карабичев подошел к разговорному пункту, там стояла небольшая толпа. Карабичев сразу отметил ее особенность. Никто из присутствующих не стоял рядом. Все держались на расстоянии в два-три метра.

«Вежливые», — подумал, улыбаясь про себя, Карабичев.

Связаться с Москвой оказалось нелегко. Карабичев долго сидел в прозрачной кабине и смотрел на экран, который подмигивал и шурился. В трубке телефона то и дело раздавался далекий женский голос:

— Подождите, линия перекрыта... Подождите... Подождите...

Наконец что-то щелкнуло, и экран озарился голубым пламенем.

— Включаю, — сказала за тридевять земель девушка.

На экране возникло деформированное лицо Ермолова. Он не стал слушать Карабичева. Его гулкий бас сразу наполнил кабину.

— Хорошо, что связался. Ты здесь здорово нужен. Выезжай немедленно. Как дела у тебя?

Карабичев с отчаянием махнул рукой.

— С Марией плохо.

— Вези ее с собой. В Москве сейчас почти полный порядок. Ночью и утром был сплошной кошмар, а сейчас уже ничего. В институте организована комиссия по изучению этого явления. Масштабы его гигантские. Ну да ты, наверное, уже слышал. Прочти обращение, там много важных указаний. Пока.

Он исчез. Карабичев с тяжелым чувством отправился домой. Там царила тяжкая атмосфера. Никто не ложился, опасаясь повторения ночного кошмара. Дитти Браун, она же Мария Карабичева, сидела на кушетке. Андрей с удивлением заметил, что она все меньше походит на его жену. Это была та же Мария, но щеки ее ввалились, под глазами легли тени, пухлый рот сжался в линейку, движения стали резкими и отрывистыми.

Карабичев, поборов желание сбежать куда-нибудь подальше от этого наваждения, взял русско-английский словарь и начал разговор с миссис Браун. Диалог их был наполнен недоуменными восклицаниями, пожатиями плеч и саркастическими взглядами. Только ему удавалось втолковать ей что-нибудь о возможности психической трансмутации, как она отрицательно мотала головой и говорила, что ничего не понимает. Тогда он потащил ее в комнату Евгении Николаевны, где стоял огромный старомодный «комбайн». Они поймали Лондон, и Мария преобразилась. Услышав английскую речь, она заплакала. Постепенно она становилась все более грустной. Удивительное потрясение, пережитое человечеством, проникало в ее сознание.

Карабичев успокаивал Евгению Николаевну, которая исходила горячими слезами, смотрел на Марию, с восторгом слушавшую далекий Лондон, и думал о том, как все это дико, нелепо, невероятно.

Он вышел на крыльцо и прислушался к глухим звукам ночи. Перед ним было цвета густого черного бархата южное небо с низкими звездами и спящая

влажная земля. Но Карабичев не видел окружающего. Его тревожили другие картины.

Все перепуталось. Возможное и невозможное. Пали небоскребы. Грудь мостовых поднималась к небу. Стекла окон больше не пропускали света. Океанские лайнеры шагали на тонких ножках по суше. Можно было сорвать звезду с красных небес, но не было никакой уверенности, удастся ли зажечь простую спичку...

Кто-то тронул Карабичева за плечо. Перед ним стояла Дитти Браун с заплаканными глазами. Стараясь говорить по-английски возможно внятней, она извинилась перед Андреем. Теперь ей многое стало ясно. Она немного понимает в медицине. Такое горе.

Карабичев вздохнул и предложил миссис Браун завтра вместе с ним выехать в Москву. Та согласно закивала головой.

ГЛАВА III

Ружена любила свои приборы. Они представлялись ей очень нежными, добрыми и покорными. Миганье лампочки, дрожанье стрелки, запах нагретой изоляции говорили девушке о внутреннем состоянии умных машин больше, чем могли бы сказать слова. Придя в лабораторию, она сначала наводила чистоту, потом проверяла «здоровье» аппаратуры и только после этого начинала собирать очередную исследуемую схему.

Ружена любила свою работу. Ей нравилось часами лепить микроскопические датчики паять концы, навивать почти неразличимые пружинки подвесок, пока из груды разбросанных разрезанных деталей не возникало нечто напоминавшее абстрактную скульптуру. Во время опытов Ружена иногда надевала большие очки, и тогда внешний мир прекращал для нее свое существование. Она вся уходила в работу. Все знали, что очки на носу Ружены — это символ полной отрешенности от действительности.

В тревожные дни после 15 августа Ружена по-

прежнему регулярно проводила исследования некоторых телепатических параметров. Она являлась к девяти и, надев белоснежный халат, несколько минут рассматривала предстоящее поле сражения. После отъезда Сергея очки все чаще восседали на ее маленьком носике. Поправляя мощную темную оправу, она тихонько вздыхала.

Резкий щелчок заставил ее вздрогнуть. На экране появилось лицо Ермолова.

— Миракова, сегодня собрание членов комитета. Присутствие наших сотрудников обязательно.

— Но...

— Никаких «но», вплоть до выговора. Извольте быть к десяти часам.

Экран погас, словно в него плеснули чернилами. Ружена пожала плечами и сняла халат. Работа на сегодня была сорвана. Она спустилась вниз. Там группа молодых телепатов проверяла на самих себе возможности новых форм общения. Молодые люди и девушки сидели кольцом на низеньких стульчиках, то сближаясь, то отодвигаясь друг от друга. Раздавался смех и выкрики:

— Вот здорово-то! Никогда б не подумал, что такое возможно.

— И все же кое-что улавливается плохо. Какая-то неясность остается.

— Потому что женщина. А женщину даже сверхтелепатическое устройство до конца не разгадает.

Изредка кто-нибудь кричал:

— Чур, в обществе не ругаться! Сальности строго запрещаются.

Ружена с улыбкой рассматривала их и не решалась присоединиться к их бурлящему веселью.

В комнату вошел длинный сгорбленный парень и спросил тонким голосом:

— Что за бедлам?

Увидев его, все заулюлюкали.

— Ну-ка, давай сюда, несчастный теоретик! Мы тебе докажем, что на свете нет антипатичных душ. Все люди симпатичны! Иди, иди сюда, сажай его в центре, пусть растворяется, чтоб не зазнавался,

Парня подхватили и потащили на середину круга.
— Стойте, эоловы дети, стойте! — закричал он пронзительно. — Слово смертнику!

— Дать, — решила масса.

— Прежде чем вы подвергнете меня самой омерзительной казни, которой подвергался когда-либо человеческий интеллект, — сказал парень, присаживаясь на некотором расстоянии от возмущенных телепатов (Ружена вспомнила его фамилию — Щапов), — и заставьте меня раствориться в тине ваших заплесневевших от чванства и гордости душ, я должен поведать вам историю, коя стряслась с пресветлым Щаповым сегодня утром. Эта...

— ...сказка про белого бычка. Три минуты на сообщение, в противном случае — расцентрифугируем.

«Центрифуга» заключалась в том, что хоровод вертелся вокруг человека и тот постепенно полностью терял ориентацию и способность что-либо соображать.

— Минуточку! — вскричал Щапов. — Выслушайте меня, на вас снизойдет благодать. Так вот, сегодня пресветлый Щапов, восстав ото сна, в котором ничего греховного и скромного им наблюдено не было, направил свои стопы...

Рассказ сводился к тому, что по пути в институт Щапову повстречался прохожий, еле державшийся на ногах.

— Я не знаю, по какой причине малый так упился, но пьян он был зело. Я же, повинувшись внутреннему голосу, последовал за ним. Вначале я сохранял безопасную дистанцию, а затем... затем нарушил ее. Я приблизился к его затылку почти вплотную. Так мы прошли с ним, нога в ногу, пару автолетных остановок. К концу нашего путешествия я был пьян едва ли меньше этого сангвиника. Земля раскачивалась подо мной, в ушах шумело. Я появился в институте, распевая «Песню маленького туриста». Друзья мои, я сделал великое открытие! Производство спирта можно смело свести к минимуму. Достаточно одного хорошего пьяницы на город, чтобы все жители его

валились с ног. Беспатентная торговля алкоголем! Никаких расходов на закуску! Телепатическое опьянение — самое дешевое за всю историю человечества! Как одной рюмкой напоить пять тысяч жаждущих? Теперь эта величайшая проблема цивилизации решена. Достаточно пожать руку...

— Хватит, хватит! Качать Щапова! Не забудьте уронить изобретателя даровой выпивки! Чтоб неповадно было другим!

— Тише, нытики, тише! Во мне еще сохранились бациллы опьянения. Берегитесь, а не то придется вам распевать «Маленького туриста»...

Ружена, взглянув на часы, выскользнула из комнаты. Без трех минут десять. Она вошла в полупустой зал. Выбрав уютное место за голубой колонной, Ружена забилась в мягкое и теплое, как свежий пирог, кресло. Постепенно помещение заполнилось сотрудниками института. До Ружены доносились обрывки слов:

— Туго приходится товарищам женщинам. Они привыкли хранить многие тайны под семью печатями, а теперь — на тебе. Все печати сорваны, пломбы выброшены...

— Это Аркадий Семенович хватанул насчет уланов. Мне что-то не верится.

— Сейчас все может быть. Следует ожидать еще худшего.

— Ну, что вы, хуже быть не может...

— Говорят, в Южной Америке...

«Все почти как прежде и в то же время что-то очень сильно изменилось, — думала Ружена. — Люди насторожились и чего-то ждут. Ждут и опасаются. Появилась очень заметная неуверенность в словах, жестах».

Ермолов с группой сотрудников прошел в президиум. Распрямив квадратные плечи и воткнув желтый взгляд в слушателей, он сказал:

— Наш институтский комитет является одной из секций Объединенного совета по исследованию «эффекта дубль-ве», или эффекта взаимонаводки, как его называют у нас. Мы проделали за эти дни

значительную работу по сбору и обработке информации о распространении данного «эффекта». С сообщением по этому вопросу выступит...

Он назвал фамилию сотрудника института. Докладчик прокашлялся и начал:

— Обработанные нами данные показали, что указанный «эффект» обладает повсеместной распространенностью. К нам поступают сообщения из отдаленных уголков земного шара. Везде происходит одно и то же. Однако интенсивность взаимонаводки различна. В Южной Америке и Австралии этот «эффект» становится ощутимым уже на расстоянии в тридцать-пятьдесят метров. Фактически там люди уже сейчас находятся в постоянном произвольном общении. А в Москве и средней полосе Европейской России взаимонаводка наблюдается только при сближении людей на семьдесят-девять сантиметров. Полученные данные позволили составить карту географического распространения эффекта взаимонаводки.

Он подошел к карте мира, на которой были нанесены концентрические окружности, напоминавшие разбегающиеся волны. Центральное, самое маленькое колечко располагалось в южной части Тихого океана. Профессор ткнул в него указкой.

— Здесь интенсивность самая большая. Каждое кольцо охватывает районы с одинаковой интенсивностью. Чем дальше от центра, тем меньше интенсивность. Как видите, через Москву проходит изотона с наименьшим показателем интенсивности, что очень облегчает нам существование.

Он еще долго перечислял географические названия, где случались оригинальные формы взаимонаводки, приводил сообщения зарубежных ученых, но взволнованная Ружена уже почти не слушала его. Она не отрывала глаз от маленького черного кружка на голубом просторе Тихого океана.

Еще не осознанная догадка взволновала девушку. Она нетерпеливо заерзала в кресле, и не успел докладчик договорить заключительную фразу, как она вскочила с места и обратилась с вопросом в президиум:

— Не кажется ли вам, что в этом месте Тихого океана находится источник излучения?..

И здесь она заметила, что все присутствующие в зале одновременно с ней вскочили с мест и на разные голоса произносят те же слова, что и она, обращаясь к кафедре, где стоял профессор. Мало того, Ермолов, сидевшие с ним сотрудники и сам докладчик также повторили вопрос Ружены, сохранив его нетерпеливую вопросительную интонацию.

Наступила тишина. Мысль, возникшая сразу у всех, была сформулирована предельно ясно...

Сначала рассмеялся докладчик. С кафедры, очевидно, все выглядело еще смешней, чем для сидевших внизу. Зал грохнул, люди смеялись над нелепостью своего порыва.

— Это была словно волна, которая прокатилась по всем, — говорили они один другому, усаживаясь в кресла.

— Довольно сильная, надо сказать, волна...

Им было немножко неловко, и они с удовольствием вышучивали друг друга.

— Аркадий Семенович, в ваши годы и такая прыть? А? Откуда только живость взялась?

Ермолов поднял руку.

— Дорогие товарищи, — забасил он, — очевидно, мы с вами стали жертвой того самого «эффекта», который подлежит исследованию. Как видите, свойства этого «эффекта» еще не определены с достаточной научной строгостью. То, что сейчас случилось с нами, может быть названо проявлением коллективной взаимонаводки, происшедшей в творческой обстановке. Ничего плохого в конечном счете здесь нет. Коллективное творчество ученых — это наша мечта. И вот она воплощается на новом уровне, правда несколько стихийным путем, что для нас не очень приятно. Мы не знаем причину этого явления и, естественно, беспокоимся. Тайнственность в наше время очень неважная рекомендация надежности. Мы не уверены, что «эффект дубль-ве» не выкинет с нами еще какой-нибудь совсем неожиданной шутки. Поэтому вопрос о причине этого явления волнует сейчас

все человечество. После ночи 15 августа прошла уже неделя. К нам поступают сведения о самых парадоксальных случаях взаимонаводки. Полная или частичная потеря памяти, трансформация личности и так далее. Ученые разных специальностей и население всех стран мира пытаются отыскать источник этого поразительного «эффекта». Гипотеза о заболевании, вызванном особым видом вируса, должна быть отвергнута, как не имеющая реальных оснований. Но вот только что мы услышали интересное обобщение. Оно проливает свет на многие загадочные стороны «эффекта дубль-ве». Кстати, я для простоты предлагаю сокращение. Вместо эффекта взаимонаводки давайте используем аббревиатуру — ЭВН.

Так вот, из доклада Ивана Павловича ясно следует, что влияние ЭВН на народы земного шара подчиняется интересной закономерности, причем имеется пункт с наибольшей интенсивностью, расположенный неподалеку от мыса Горн.

Товарищи, это очень важный факт. Я обращаю на него внимание всех присутствующих. Если мы не вскрыли еще причину ЭВН, не нашли сам источник, то сейчас с определенной степенью достоверности мы можем указать место его вероятной локализации. Вот здесь. — Ермолов подошел к карте и обвел пальцем черный кружок в Тихом океане.

— Мне думается, — продолжал он, — это послужит ответом на тот вопрос, который был задан здесь сразу всеми присутствующими. Нужно направить экспедицию в указанный район земного шара, и мы это сделаем. Объединенный совет нам поможет, и мы найдем источник ЭВН!

— Я знаю, что мы там найдем! — раздался выкрик с места. По узкому проходу пробирался смуглый юноша. Он начал говорить, не дойдя до стола.

— Простите, что я так внезапно... Просто я очень взволнован сообщением Ивана Павловича. Я вас, кажется, перебил, Иван Иванович? Извините меня. Так вот, товарищи. Сегодня утром по радио я услышал, что наличие ЭВН, как вы его только что называли, видный американский ученый Карлос Карлос

объясняет... присутствием космических пришельцев на Земле. Он считает, что они уже прилетели и это они действуют на нас! Они общаются с нами, а мы их не понимаем. А где же они? Да вот здесь, в этом кружочке на Тихом океане!

Поднялся ужасный шум. Все заорали, повскакивали с мест. Ружена тоже вскочила, сама себе удивляясь. Она кричала, махала руками и топала ногами. Кто-то рядом с ней вопил, сложив ладони рупором:

— Неправда! Неправда! Чехи считают, что дело в радиации. Ра-ди-а-ци-я! Радиация!

Ермолов исчез, за столом остался только смуглый парень, в страшном возбуждении размахивающий руками. Крик усилился. Никто никого не слушал, каждый старался заглушить соседа. Ружена видела вытаращенные глаза докторов наук, профессоров, кандидатов, лаборантов — почтенных старцев и безусой молодежи. Она тоже размахивала руками, кричала и с испугом думала: «Что это, что же это такое? Что происходит?..»

Всеобщее возбуждение достигло предела. Выкрики слились в протяжный вой. Двери зала то и дело приоткрывались, в них возникали испуганные лица и тотчас, втянутые неведомой силой в беснующуюся толпу, становились такими же яростными, как и у всех остальных.

Ружена постепенно перестала различать лица окружающих ее людей. Они так тряслись и дрожали, что превратились в зыбкую, трепещущую пленку. Стало очень светло, словно в помещение вкатилось солнце. Стена, потолок, кресла, люди — все исчезло. Яркий свет слепил глаза. Ружена ощутила бешеный, неукротимый прилив ярости. Нужно было что-то рвать. Ее пальцы, сведенные судорогой, тянулись в искрящуюся завесу перед глазами. Там они встречали такие же жаждающие пальцы других людей. Ружена в испуге отдергивала руки.

В этот день Карабичев только приехал в Москву со своей женой Марией — Дитти Браун и поэтому пришел в институт позже обычного. Ему сказали, что

все ведущие научные работники на заседании комитета. Карабичев поднялся на третий этаж, где располагался конференц-зал института, и увидел, что опоздал. Из широко распахнутых дверей выходили последние сотрудники. Мимо него, не остановившись, быстро прошел Ермолов, сделав рукой приветственный жест. Мелкими озабоченными шажками просеменил Иван Павлович. Карабичев задержал Ружену, которая норовила проскочить незамеченной.

— Ру, здравствуй!

Девушка остановилась, чем-то смущенная. Карабичев обратил внимание на красные пятна возле глаз и расширенные зрачки.

— Аа, ты уже приехал. Это очень хорошо.

— Возможно. Что у вас тут было?

— Собрание. Заседали.

— По какому вопросу?

— Да вот, — девушка немного подумала, — письмо составляли в Объединенный совет. Вернее, думали, как получше составить...

— А о чем письмо-то?

— Письмо? — удивилась Ружена. — Письмо об этих... Как его, «эффект дубль-ве»... Ермолов знает, он писал. Ты его запроси.

— Ну ладно, иди, — рассердился Карабичев на бестолковую подчиненную.

Он заглянул в конференц-зал, надеясь поймать еще кого-нибудь. Там было пусто. Карабичева поразило вид помещения. Неосевшая пыль носилась в воздухе густыми серыми облаками, ряды кресел сдвинуты, несколько сидений сломано. Карабичев с удивлением прошелся по грязному паркету, на котором валялись бумажки, окурки. «Да здесь не заседание, а побоище было, — подумал он, подходя к председательскому столу. — Странно, очень странно».

Он увидел на полу клочья бумаги, изорванные и старательно затоптанные множеством ног. Что-то заставило его склониться и поднять один обрывок. Распрямив его на ладони, он понял, что это кусок карты. На нем сохранилась жирная черная линия,

проведенная от руки. Карабичев начал собирать все бумажки с пола.

Когда он вошел в кабинет Ермолова, тот стоял у окна, растирая виски руками.

— Я рад, что ты уже здесь, — сказал он Карабичеву, показывая на кресло. — Садись и рассказывай.

Карабичев сел и молча закурил. Ермолов нетерпеливо прошелся взад-вперед.

— Я должен что-то вспомнить, — с раздражением сказал он, — и никак не могу. Вот вертится, вертится, а что — не помню. Тьфу, пропасть! Ну ладно! Так, значит, с твоей женой произошла трансформация. Неприятная история. Но сейчас это, к сожалению, не единственный случай. Кто она у тебя теперь? Англичанка? Да, трудновато. Но ты не унывай, еще не все потеряно...

— Иван Иванович, — перебил его Карабичев, — какое письмо вы составляли сегодня на заседании комитета? Мне Миракова говорила, но я так и не понял, о чем шла речь.

— Письмо? Какое письмо? Ах, да, действительно, там шла речь о письме, но...

Ермолов задумался.

— Да, право, позабыл. Кажется, Иван Павлович его составлял... Что-то не очень важное. Вообще удивительно бездарное было заседание. Можно было и не собираться.

— Говорят, шумно у вас было? — спросил Карабичев.

— Шумно? Да нет... А хотя да. Нас здорово насмешил Иван Павлович. Он отмочил какую-то шутку... вот позабыл, какую именно... Одним словом, весь зал хохотал.

Ермолов поежился и задумчиво сказал:

— Вот никак не вспомню... А ведь вертится что-то в голове. Что-то очень важное...

— А это вам не поможет вспомнить? — спокойно сказал Карабичев, вставая с места. Он подошел к столу, сдвинул в сторону телефоны и высыпал на стекло грудку бумажек. Ермолов с удивлением посмотрел на него.

Карабичев молча прикладывал обрывки один к одному, старательно разглаживая их, пока на столе не возникла карта мира, у которой не хватало Северного полюса и кусочка Европы.

— Что это такое? — спросил Карабичев, тыча пальцем в жирные черные кольца, пересекающие параллели и меридианы. Ермолов молчал. Карабичев взглянул на него. Тот стоял страшно бледный и напряженный. Внезапно он бросился к Карабичеву.

— Вспомнил, вспомнил! — закричал он. Никогда Карабичев не видел у него такого растерянного лица. Голова и плечи Ермолова дрожали. — Ох, если б ты знал, какой это был ужас! Это мы изорвали карту. Мы были вне себя. Сам Иван Павлович рвал ее и топтал... Теперь я все вспомнил!

Ермолов рассказал Карабичеву о дикой сцене в конференц-зале.

— Понимаешь, это было как волна, она несла нас, и мы не могли сопротивляться, — говорил Ермолов.

— Коллективный психоз? — спросил Карабичев.

— Что-то в этом роде, Андрюша. Сначала коллективное творчество, потом — непонятный безумный экстаз. Зачем-то порвали карту... Я сегодня же отправлю письмо в Объединенный совет и подробно опишу, что произошло на совещании.

Наступило длительное молчание. Волновавшие мысли были такими страшными, что они не решались высказать их вслух.

— Неужели Миснатед прав?! — воскликнул, наконец, Ермолов.

Карабичев молча пожал плечами.

— Слушай, Андрей, я тебя попрошу — пока никому ни слова. Люди позабыли, и ладно. Не нужно подавать повода к панике, понимаешь?

Карабичев посмотрел в желтые зрачки Ермолова.

— Но вы отправите сегодня письмо в совет, Иван Иванович? — спросил он.

Тот покраснел и отвернулся.

— Да, конечно, — глухо сказал он.

Карабичев ушел от Ермолова с тревожным ощущением неуверенности.

Проходя по коридору, он увидел Ружену, подглядывавшую в щель.

— Ружена! — воскликнул он.

Девушка отпрянула от двери.

— Что ты делаешь?

— Оо, мне показывалось, что там что-то есть.

Карабичев подошел и подергал ручку. Дверь была заперта.

Это комната Арефьева. Он ее запирает перед отъездом. Карабичев прислушался. За дверью царило молчание.

— Чепуха! Ничего не слышно. А если тебя интересует эта комната, возьми ключи и открой. Кстати, что слышно о Сергее?

Они пошли рядом.

— Я получила несколько писем. Он писал, что они с Эриком добились большого успеха. Теперь метод может быть всунутым в промышленность...

— Внедрен, — поправил Андрей. — А когда они собираются назад?

— У них еще много работы, и... тяжело заболел Эрик.

Карабичев посмотрел на девушку.

— Так почему же он не везет его сюда? Здесь ему помогут.

Ружена пожала плечами.

— Он пишет, что у них еще много дел.

— Туда позвонить можно? Радиотелефон у них есть?

— Я не знаю. Он мне не говорил.

— Хорошо, я проверю.

Расставшись с Руженой, Карабичев развернул свою записную книжку и записал в графу особо важных дел имя «Сергей» и рядом с ним поставил вопросительный знак. Кривая загогулина объединяла несколько записей, среди которых были и «Мария», и «Ермолов», и еще какие-то.

Придя домой, Карабичев заметил в передней письмо, лежавшее на полке. Очевидно, его принесли еще вчера. Карабичев взял конверт и увидел на нем ино-

странную марку. «Запад нас не оставляет», — почему-то подумалось ему. Адрес был написан по-русски невероятно знакомым почерком. Дрожащими руками он распечатал письмо. Прочитал:

«Любимый мой Андрюша!..»

Дитти Браун, услышав странный звук, отбросила крем и выбежала из комнаты. Карабичев раскачивался на стуле и стонал, словно у него сильно болят зубы. В его кулаке было зажато письмо Марии...

ГЛАВА IV

Это было плоское, как чертежная доска, поле. Небольшие холмики не нарушали ощущения бесконечности равнины. Огромный курган, лежавший посредине этой зеленой сковородки, производил странное, неожиданное впечатление. Он не имел определенного цвета и вобрал в себя все лучи и краски, рассеянные вокруг. В жаркий день, когда небо чисто и много солнца, он напоминал сверкающий айсберг с глубокими голубыми тенями. В ненастье холм становился серым, расплывчатым и походил на грозное облако, отливающее стальным блеском. Утром он был оранжево-желтым, а вечером пламенел, как костер, в закатных солнечных лучах.

— Она имеет форму цветка, — говорил Эрик, разглядывая в окно искрящуюся гору, у подножья которой оказалась теперь биостанция.

Он лежал на специальном помосте, сооруженном Сергеем. Тяжелые шины опоясывали его грудь и плечи.

— Ты слышишь меня, Сергей? Она похожа на цветок!

— Да, да, — сказал Арефьев, входя в комнату. — Цветок весом в сто миллионов тонн. Где та грудь, которую можно было бы им украсить? Где тот нос, который выдержит его аромат?

— Найдутся, найдутся... А на что химическая промышленность?

— Должен тебя огорчить, дорогой мой, анализы

показывают низкую прочность биотозы. Не полимер, а кисель какой-то.

Эрик долго молчит, потом говорит глухо, словно сам с собой:

— Ты знаешь, мне иногда кажется, что перед нами совсем не та биотоза, с какой мы сюда приехали. Да и вообще биотоза ли это?

Сергей сердито поднимает брови.

— Элементарный состав тот же, структура та же, минеральных примесей столько же, какого черта нужно еще что-то выдумывать?

— Понимаешь, — говорит задумчиво Эрик, — от той ночи у меня осталось странное воспоминание. Я, конечно, многого не понял, так как все произошло за доли секунды, но все же...

— Да, ты рассказывал, — устало говорит Сергей, присаживаясь рядом с Эриком. Он досадливо трет лоб, отгоняя докучливые мысли.

— У меня было такое ощущение, словно все это поднялось не со дна котлована, а упало с небес. Может, мне так показалось из-за дождя и большой скорости роста биотозы, но ощущение было именно таким: будто сверху упали облака твердого дыма и погребли меня.

— Субъективное впечатление, — отмахнулся Сергей. — Меня заботит только одно: каким образом она смогла так разрастись? Дурацкое положение. Вырастить свыше ста миллионов тонн полимера и не знать, как это происходит. Фактически мы остались на тех рубежах, что и раньше, хотя формально одержана победа.

— Почему ты твердишь о ста миллионах тонн? Откуда ты взял эту цифру?

— Очень просто, я рассчитал объем котлована и холма, образуемого сейчас биотозой. Удельный вес известен, он около единицы. Перемножь и получишь сто с небольшим миллионов тонн. Конечно, расчет усредненный. Но дело не в абсолютных цифрах, а в порядке этой величины. Каким чудом произошло превращение нескольких килограммов в миллионы тонн?

— Это как раз объяснить довольно просто. Исход-

ным сырьем для реакций роста биотозы служит атмосфера, ее газы. Возможности здесь неограниченные. Ну, а скорость реакции зависит от степени разветвленности процесса. В данном случае цепной, сильно разветвленный процесс привел к бурному развитию биотозы.

— Тогда почему ее рост так внезапно оборвался? — спросил Сергей. — По моим наблюдениям, она больше не увеличивается.

Эрик подумал.

— Может, здесь дело в энергии? — сказал он, пошевелив затекшими пальцами. — Не хватило тепла реакции из-за больших потерь в окружающую среду, а?

— Может быть, — согласился Сергей. — Очень может быть.

— Знаешь, Сергей, — сказал, подумав, Эрик, — у нас неправильный подход к нашей биотозе. Мы все время ставим перед собой узкоутилитарную задачу — получить прочный полимер и передать его в промышленность. И то, что произошло на наших глазах, это настоящее чудо, мы оцениваем по старинке — только бы побыстрее извлечь из него какую-нибудь пользу. По-моему, явление внезапного роста биотозы значительно сложнее, и мы, как ученые, должны в нем досконально разобраться.

— Все это так, — ответил Арефьев. — Если б биотоза выросла с полгода назад, я сам бы с удовольствием копался в ней и выяснял, что же произошло, откуда такая прыть у этой дохлой клячи. Но времена изменились. Сейчас в мире происходят удивительные события. Откровенно говоря, мне хотелось бы в них участвовать. И эта гора вязкой жижи, которая оказалась совсем не такой, как нам представлялось, вызывает у меня раздражение с примесью удивления. Потом ты ранен, и ранен тяжело, тебе нужны другие условия...

— Я никуда отсюда не уеду, пока не выясню загадку, заданную нам биотозой, — перебил его Эрик.

— Но что ты можешь поделать?

— Я буду лежать, смотреть и думать. А ты, мой

друг, будешь помогать мне исследовать и анализировать нашу милую жижу.

Арефьев улыбнулся и подошел к Эрику.

— Свинья ты, Эри, — сказал он. — Конечно, я, возможно, не настоящий ученый. Авантюрный бег идеи для меня дороже практической пользы. Я всю жизнь мечтаю заниматься большим делом.

— Сто миллионов тонн биополимера для тебя мало? — спросил Эрик.

— Это совсем не то. Сто миллионов тонн биотозы, сто миллионов тонн угля — величины и материалы одного уровня. А в мире сейчас творится что-то невообразимое. Один «эффект дубль-ве» чего стоит! — Сергей в возбуждении забегал по комнате. — Ты что-нибудь понимаешь? Взаимное психическое проникновение! Телепатическая галиматья в действии! Как, что, почему? Никто не может дать ответа на эти вопросы. Ученые всех стран в растерянности. Правительства заседают уже неделю, пытаюсь прийти к решению, как управлять обезумевшим человечеством.

— Это ты оставь, — твердо заметил Эрик, — никто еще не сошел с ума, но странности действительно наблюдаются. Почему? Я не знаю, и сейчас они меня не интересуют.

— Может, ты мне объяснишь, почему эти странности замечены на всем земном шаре, а мы с тобой им не подвержены? У нас с тобой все как было, так и осталось, а? Никаких телепатических эффектов, а?

— Я не могу ответить на этот вопрос, но тут дело не в нас с тобой. Вон доктор говорит, что в их городе тоже ничего особенного не наблюдается. Почти...

— Но все же кое-что есть, есть?

— Практически ничего. Но вопрос даже не в этом. Самое главное — всегда знать, где твое место. Если ты можешь отгадать загадку ЭВН, тогда езжай туда и действуй. В противном случае лучше заниматься биотозой. Ну, что ты можешь придумать, какие методы борьбы с наведенным состоянием ты можешь предложить?

— Не знаю, — ответил Сергей, — мне просто здорово хотелось заняться этим делом.

— Ну, — протянул Эрик, — одного желания мало. Слушай. Приближается вечер, пора производить съемку.

Арефьев сердито махнул рукой и вышел из комнаты. Он выкатил во двор биостанции передвижную кинокамеру-моменталку и начал подготовку съемки. Эрик видел из окна, как Сергей быстрыми и ловкими движениями подсоединил к аппаратуре автоматическое устройство, регулирующее скорость движения ленты, произвел наводку и включил пуск.

— Сергей! — позвал Эрик.

Арефьев приблизился.

— А ты не прав, что ЭВН у нас здесь не действует, — сказал Эрик. — Ведь сам рассказывал, что пятнадцатого августа, ночью, когда меня ранило, ты испытал какие-то странные ощущения. Помнишь? И кровь на твоей руке, когда ты мне делал укол, — все это может быть связано с эффектом наведенного состояния.

— Может быть, — согласился Арефьев. — Но... кроме той ночи, ничего странного мы больше не заметили.

— Да. Смотри, какая красавица.

Эрик показал глазами на гору, или «биофик № 1», как они ее прозвали. Сергей покачал головой, и было непонятно, соглашается он или осуждает Эрика за его слабость.

Биотова действительно напоминала гигантский цветок причудливой формы. Лучи солнца, отражаясь от лакированной поверхности ее лепестков, наполняли воздух мерцающим сиянием. Нельзя было отличить, где кончается полимер и где начинается расцвеченный тончайшими оттенками воздушный покров. В глубь массы убегали едва различимые красные и голубые линии, похожие на зигзаги молний. Там, в глубине, они сливались в шевелящийся клубок, непрерывно менявший свои очертания. Казалось, что-то живое чудовищных размеров двигается в теле цветка. Но если присмотреться, становилось ясно, что это всего лишь игра теней и света. Эрик сутками мог наблюдать эту игру, она никогда ему не приедалась.

Он впитывал всем своим существом прыжки бликов и суету красок в складках биотозы. Тонкий ее аромат казался ему сладчайшим в мире. Сергей только фыр-кал, когда он предлагал ему подышать биотозой. «Смесь мочевины с одеколоном», — заявлял он строптиво. Они были разные люди.

— А вон и доктор! — крикнул Арефьев.

Ежедневно из соседнего городка к ним прилетал врач Кармин. Он контролировал состояние Эрика, делал ему уколы, назначал новые лекарства и ругался. Однако Эрик твердо стоял на своем: он не уедет отсюда, пока ему все не станет ясным.

— Привет, раки-отшельники! — сказал Кармин, спрыгивая с подножки автолета на землю. — Когда будем пятиться назад? — спросил он, пожимая руку Арефьеву. Тот молча показал на окно.

— Да, да, — сочувственно покачал своей высохшей головкой доктор, — тяжелый случай, во всех отношениях тяжелый.

Они вошли в дом.

— Какие новости, Артем Иванович? — улыбнулся Эрик.

— Земля полна новостей, она жужжит, как потревоженный улей. Но есть одна особая, специально для вас, молодой человек. Если вы согласитесь уехать...

— Ну, Артем Иванович! — обиженно воскликнул Эрик и добавил: — Вы же знаете, что я не транспортабелен.

— Был, был, — быстро сказал доктор, — а сейчас уже можно. Потом у нас чудесный транспорт.

— Оставим это. Ладно, дорогой доктор? — сказал Эрик.

— Ох, и упрямец, ну и упрямец! И что мне с вами делать? Вы поймите, сейчас в Москве врачи всю используют «эффект наведенного состояния». Каждый врач, мягко говоря, влазит в шкуру больного, и ему доподлинно известно, где болит, что болит и как болит. Поэтому врачу становится понятен и сам больной человек. С помощью этого «эффекта» диагностика сильно шагнула вперед. А я не имею даже

рентгеновского снимка ваших костей. Как они там срastaются, что у вас болит...

— Это и все ваши новости? — спросил Арефьев, внося поднос с бутылками и вскрытыми консервами.

— Да нет, — ответил Кармин, — это вступление.

Они выпили по рюмке густой тягучей жидкости.

— Прекрасная влага, — сказал Сергей. — Когда я пью, мне почему-то вспоминается Лола.

— А мне она вспоминается, когда у меня хорошее настроение, — улыбнулся Эрик.

— Прекрасный парень эта Лолка! — резюмировал Сергей.

— Да, чудесный, — подтвердил Эрик.

— Простите, о ком идет речь? — спросил Артем Иванович.

Друзья загадочно переглянулись.

— Есть такой человек на свете, — неопределенно ответил Сергей.

— Гм, может быть, — сказал доктор. — Так вот, новость в том, что на Землю прибыли мыслящие из других звездных систем. От них и «эффект дубль-ве» и вся эта неразбериха.

— Фью! — пренебрежительно заметил Сергей. — Да ведь это те же «летающие блюдца»! Было время, когда они были в моде...

— Не торопитесь с обобщением, молодой человек. Наши ученые выступили с заявлением, в котором указывается место, где может находиться этот космический разум. Где-то на юге Тихого океана. Правда, они не говорят прямо о пришельцах из космоса, а называют его источником наведенного состояния, но расшифровать нетрудно. Уже отправлена экспедиция для обследования того района.

— Вот оно что, — задумчиво сказал Сергей. — В Тихом океане. Значит, до нас просто не доходит. Ну, и нашли там что-нибудь?

— Пока неизвестно. В последних новостях ожидается сообщение.

— А вы сами, доктор, верите в это?

— Кто его знает, — уклонился от ответа Артем Иванович. — С одной стороны, вроде бы и нет.

Но тогда какое объяснение можно отыскать всем этим чудесам? Как подумаешь, то поневоле приходишь к аналогичному выводу. Ну, как поживает ваш курган силоса? — заключил он, меняя тему.

Эрик оживился. Ранее безучастный, он пошевелил пальцами.

— А вот идите сюда, — сказал он. — Посмотрите в окно.

Доктор выглянул. На фоне вечернего неба тяжелой неподвижной громадой вырисовывалась биотоза.

— Ну и что? — спросил он. — По-моему, эта куча не изменилась и выглядит прекрасно не в пример ее создателям.

— Вы присмотритесь, — посоветовал Эрик.

Доктор уставился в темноту. И здесь он заметил, что под пепельной поверхностью биотозы горят бледные огоньки светлячков. Слабые, чуть тлеющие, они, казалось, вот-вот должны погаснуть. Но они не гасли, а с каждой минутой разгорались все ярче.

— Мы обнаружили свечение биотозы давно, вскоре после ее возникновения. Она начинает светиться сразу же после захода солнца. Интенсивность свечения увеличивается с каждым днем, — объяснял Эрик.

— Смотрите, они движутся! — воскликнул доктор.

— Да, они находятся в непрерывном движении. Это свечение биотозы мы фотографируем на замедленную пленку. Сережа, принеси кинопроектор, покажем Артему Ивановичу, да заодно и я хочу просмотреть вчерашнюю ленту.

Сергей вышел. Доктор задумчиво стал вертеть ручки большого приемника в синей пластмассовой коробке, стоявшего в углу комнаты.

— Какова же природа этого свечения? — спросил он у Эрика.

— Люминесценция, — решительно заявил тот.

Сергей внес аппарат и металлические диски с пленками. Устанавливая экран, он заметил, что доктор с напряженным вниманием ловит каждое слово передачи на иностранном языке.

— Вы понимаете?

- Да, кое-что. Очень интересно.
- Переведите, пока мы подготовимся.
- Доктор пожевал губами и сказал:

— Итальянцы... Они говорят... ЭВН изменил всю жизнь страны... Нормы взаимоотношений между людьми нарушены. Нет больше тайн. Скрытое стало явным. Обман возможен только на расстоянии, в письме или в телефонном разговоре... Судить и лечить теперь могут совершенно необразованные люди... Судья и врач — самые легкие профессии. Что-то не понял... Ага... Самое трудное занятие — коммерция. Множество фирм разорилось из-за... они называют это проявлением... из-за проявления, то есть непроизвольного разглашения деловых секретов... Хо, капиталистам приходится туго... Видный экономический деятель Бароди заявил, что страна должна сосредоточить все усилия на борьбе с этим дьявольским наваждением. Он сказал, что «эффект» имеет явно коммунистический уклон...

— Представляешь, нельзя надуть друг друга, честнейшим образом пожимая руку и глядя в глаза. Какая скорбь! — вставил Эрик, на миг оторвавшись от мелькания кадров на экране.

— Конечно, это неприятно, — согласился Сергей.

— Члены парламента требуют нового помещения для работы. С учетом новых условий. Они хотят соблюдать между собой некоторое расстояние... Корреспонденты собирают обильный урожай сенсаций. Неожиданные разоблачения видных деятелей правящей партии... Люди стали избегать каких-либо контактов... Сообщение из Африки. Вчера возле столицы Там-Тама Лаурии состоялось генеральное сражение правительственных войск с повстанцами. С той и другой стороны участвовало около пятидесяти тысяч человек. Как передает агентство АТИ, это было самое необычное сражение в истории человечества. После первого же выстрела, от которого пал сержант Марусс, все участники битвы, включая двор принца и генеральный штаб повстанцев, бросились на поле сражения. Офицеры, солдаты, наблюдатели и советники тискали в объятиях своих врагов и плакали. Все оружие было

немедленно уничтожено. Затем толпа, сгрудившись необычайно плотными рядами, двинулась в Лаурию, где ее приветствовал обезумевший от счастья народ. Принц объявил о своем отказе от власти. Торговцы отдают товары даром. Люди не требуют оплаты за труд. Оживление здесь достигло высшей точки. Наш корреспондент сообщает, что нигде он не видел такого количества по-настоящему счастливых людей. Говорит, что сам он также бесконечно счастлив, как и жители Там-Тама. Необыкновенная легкость. Уверенность в другом человеке... Полная свобода... Вместе с тем сохранены дисциплина и порядок. Люди трудятся, заводы и фабрики выпускают продукцию... Нами руководит какая-то сила...

— Сергей, дай, пожалуйста, счетчик точек, — быстро сказал Эрик, включая мелодично жужжавший проектор.

— Простите, когда это у них там началось? — обратился он к доктору.

— Что-то около шести вечера. По их времени, разумеется. А зачем это вам?

— У меня появилась одна мысль, и я хотел бы ее проверить. Будьте добры, передайте мне географический справочник, он лежит на верхней полке, — взволнованно сказал Эрик.

— Да, в мире делаются дела... — протяжно сказал Сергей. — А мы сидим здесь и нюхаем биотозу.

— Можешь уехать, но боюсь, из-за этих дел не пришлось бы сюда же возвращаться, — сказал Эрик, судорожно перелистывая страницы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Пока ничего, ровным счетом ничего.

Сергей зевнул.

— Пойду возьму пробу биотозы, — сказал он, вставая. — На завтра.

— Когда ты последний раз брал?

— А я всего один раз брал. На другой день после извержения биопика. Сейчас у меня вышел весь материал. Нужно пополнить, а то завтра нечего будет исследовать.

Он вышел. На сочувственный взгляд Кармина Эрик улыбнулся.

— Хандрит. Ему кажется, если он там будет бегать со всеми по улицам, то найдет объяснение «эффекту наводки». Будь я здоров, он давно бы уехал. А я не могу уехать. Биотоза оказалась на редкость интересной штукой. Как полимерный материал она ничего не стоит, конечно. Хотя, может, где-нибудь и пригодится. Но... Вы видели светящиеся точки на ее поверхности? Я занялся их подсчетом и обнаружил непонятную пока закономерность. Эти точки, или, как я их называю, лесные огни, распределены неравномерно. В одном месте их больше, в другом меньше. Они иногда движутся, иногда находятся в покое. Чаще — первое. Одни гаснут, другие загораются. Счетчик позволил подсчитать число точек на разных участках биотозы. И вот здесь обнаружилась удивительная повторяемость, которую я пытаюсь постичь. На поверхности биотозы существует несколько областей, в которых число лесных огоньков одинаково. Например, если в нижнем поясе вы засекли скопление в сто тысяч точек, то вы его сможете найти и в среднем, и в верхнем, и в самом верхнем поясах.

— А сколько таких областей? — спросил Кармин.

— Пока я насчитываю пять, но это не совсем точно, потому что существует целый ряд неясных переходных участков.

— Чем же вы объясняете существование таких локальных возбуждений в биотозе?

— Пока ничем не объясняю, — ответил Эрик. — Меня завораживает сама закономерность. Причем огоньки, как мне удалось рассмотреть на фото, различаются между собой. Одни поярче и как бы почетче вырисовываются, другие светятся немного слабее, и очертания у них размытые, неправильные. Счетчик ведет работу с точностью плюс-минус единица. Огоньки движутся по самым разным направлениям. Как правило, их движение ограничивается локальной областью возбуждения, иногда они перемещаются из одного скопления в другое. Но существует множество огоньков и вне этих участков.

— Да, интересно, — протянул Артем Иванович.

— И вот сейчас, — возбужденно сказал Эрик, — я просматривал вчерашнюю съемку одного участка биотозы и обратил внимание на... Да вы сами посмотрите...

Затрещал кинопроектор. Душно запахло перегретой лентой. На экране запрыгали черные кадры.

— Это общий вид, — сказал Эрик, когда Кармин увидел светящийся изнутри конус биотозы.

— А вот поучастковая съемка с увеличением, — объяснил он.

— Так ведь это небо, звездное небо! — воскликнул доктор.

— Не правда ли, похоже? Но перед вами всего лишь биотоза, или зловонная жижа, как ее называет Сергей, — улыбнулся Эрик.

На экране мерцали звезды. Большие и малые, ослепительно яркие и чуть тлеющие, они носились по запутанным кривым, сталкивались, исчезали, загорались вновь. Отдельные группки звезд отрывались от основного скопления и укатывались по темному полю в разных направлениях. Навстречу им двигались новые группки, которые вливались в общую массу и начинали свой непрерывный бег. Только старательно приглядевшись, можно было заметить, что некоторое время часть звездочек находилась на месте.

— Великолепное зрелище!

— Вот видите, — сказал с укоризной Эрик. — А вы хотели увести меня прочь от такой картины, к тому же еще не разгаданной. А теперь обратите внимание на этот участок. Здесь, в верхнем углу, расположено скопление, для которого счетчик показывает сто двенадцать тысяч огоньков. Рядом с ним вчера выросло новое. Видите, как из разных мест сюда стекаются все новые огоньки?

— Да, вижу, — сказал Кармин. — Но...

— Вчера ночью, когда производилась съемка, количество их достигло пятидесяти семи тысяч. И вдруг что-то произошло. Они все слились в одну очень яркую точку. Заметьте, на биотозе нет больше звезды такой же яркости. Вернее, не точку, а клубочек.

Кармин увидел, как сияющий клубочек поплыл вверх.

— Он соединяется со стодвенадцатитысячным скоплением звездочек, видите? — говорил возбужденно Эрик. — И все сразу изменяется, все разрозненные огоньки сливаются в одно большое пятно, видите? Отдельные центры возбуждения заменены одним общим центром!

— Интересно, — сказал доктор, — хотя я не совсем понимаю...

— А теперь, как вы думаете, — почти закричал Эрик, — зачем я рылся в географическом справочнике? Не знаете?! Я искал там число жителей Лаурии!

Кармин непонимающе уставился на молодого человека.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

— Я хочу... я хочу, — сказал Эрик и, внезапно откинувшись, замолк. Кармин бросился к нему. Синюшная бледность волнами прилиwała к щекам Эрика. Резко очерченные голубыми линиями, проступили крылья тонкого носа.

— Я что-то разволновался, и мне нехорошо, — прошептал Эрдман.

Доктор взял его за руку и тотчас в ужасе выронил ее. Сильная боль обожгла ладонь, словно удар тока. Свет в комнате погас. Тьма, наполненная мятушимися искрами, поплыла перед глазами. У Кармина было ощущение полета. Он с головокружительной быстротой неся вперед, рассекая неясные видения домов и улиц. Время от времени он хватался за что-то, и оно становилось то холодным камнем с ноздреватой поверхностью, то гладкой рукояткой, то мягким человеческим телом. Внезапно неистовый бег его души остановился. Первое, что он ощутил, были тяжелые резиновые сапоги выше колен. Они были полны воды. Вода тихо плескалась у его ног, капала с темного антрацитового свода, выступала из всех трещин пласта. В забое было жарко. Тускло горела шахтерская лампочка, вправленная в козырек шлема. Кармин знал, что находится в завале уже не-

сколько часов. Надежды на спасение не было. С тупым отчаянием, вытирая капли пота с лица, он рассматривал тяжелые куски угля, преградившие выход. В его воображении встали женские лица. Одно полное, круглое, в светлой шапке волос, почему-то связанное с именем Эльзы, другое — кокетливое, с живыми темными глазами. Вторую женщину звали Джоан — это он давно знал. Но почему она здесь, он никак не мог догадаться. Он махнул рукой, словно отрешаясь от навязчивых образов, привстал и подошел к завалу. Насыпь, образовавшаяся из рухнувшей кровли, состояла из крупных камней и мягкой пыли, превратившейся в грязь.

— Их не дождешься, — пробормотал он, и ухо его странно резанули нерусские слова. Но он не очень удивился. Топая сапогами по черной воде, он медленно перетаскивал несколько больших камней в угол забоя. Туда же он перегрузил крупный и мелкий уголь — свою часовую выработку. Напряженно работая, он за несколько минут очистил переднюю часть засыпи. Дышать было трудно, горячий воздух, казалось, пропитался влагой. Он разделся, оставил только каску с фонарем и снова принялся разбирать завал. Все, что ему удавалось выбрать из насыпи, он оттаскивал в сторону и складывал аккуратной стенкой. Постепенно перед ним образовалась брешь, но он уже совсем задышался. Пришлось сесть на мокрый камень и передохнуть. Вода прибывала и достигла колен. Он с отчаянием смотрел на ее грязную поверхность, где плавали пыль и небольшие кусочки угля. Затем встал и вновь принялся за насыпь. Он работал методично и спокойно. Ему казалось, что обвал не так уж велик и ему удастся выбраться в главный штрек. Там, наверное, тоже завалило, но это не страшно. Главное, там должен быть воздух и вода прибывает не так быстро. Он надеялся отсидеться в одном из колен. Можно и сутки ждать, пока помощь не придет.

Время от времени он взглядывал вверх в надломившуюся кровлю, похожую на вспоротое брюхо акулы. Трещина зияла, как пасть дракона. Он работал осторожно, боясь потревожить нависшую над ним

смерть. Периодически он мягко и нежно, словно лицо любимой девушки, ощупывал оскалившиеся края отверстия. Дрожащие пальцы чуть касались влажно блестящих слоев угля. Ему хотелось проверить, насколько прочно держится верх, но он опасался нового обвала.

Когда он продвинулся на несколько метров в глубь завала, сверху хлынула вода. Сильная струя сбила его с ног, и он упал навзничь. Он смотрел вверх и ждал, когда обрушится потолок. Но кровля держалась. Внезапно вместе с водой были выброшены несколько камней, и один из осколков угодил ему в лицо. Сильный удар пришелся от переносицы к виску, и он потерял сознание. Забой, черные стены, журчащая вода и желтый свет фонаря растворились во тьме...

Сергей широко распахнул дверь. Он задержался на пороге и сказал растерянно и недоумевающе:

— Эрик, я не смог взять пробу. Будь я проклят, если мне понятно, почему я не смог этого сделать...

Ему никто не ответил. В комнате царил хаос. Вся мебель была свалена у одной стены, даже помост с Эриком оказался передвинутым туда. Под окном лежал Кармин, широко раскинув руки. Сергей склонился над ним. На бледном черепе доктора проступали крупные капли пота, его открытые глаза смотрели сквозь Сергея невидящим взглядом.

— Артем Иванович! Доктор! — позвал его Сергей. Кармин молчал.

— Эрик! Что случилось? — он бросился к помосту. Эрик лежал, не отрывая неподвижных глаз от какой-то точки на потолке. Внезапно лицо его исказилось, и он глухо вскрикнул. Grimаса боли свела судорогой мышцы рта. Сергей видел, как темная полоса пересекла его лоб. Из синей она стала багровой и, прервавшись в нескольких местах, окрасилась кровью. Эрик застонал и посмотрел на Сергея. Зрачки расширились, словно кто-то рывком раздвинул диафрагму фотоаппарата. Через них хлынули сознание и вопросы. Под окном с оханьем сел Кармин.

Сергей обернулся и увидел, что лоб его рассечен так же, как и у Эрика, длинным красным рубцом.

— Что здесь произошло? — удивленно спросил он.

Кармин прошелся по комнате и, подойдя к Эрику, стал прощупывать у него пульс.

— Что произошло? — повторил он вопрос Сергея, рассматривая свою руку, покрытую водяными пузырями. — Я просто убедился в присутствии космических пришельцев на нашей земле. К нам пожаловал могучий далекий разум, который может делать с нами все, что угодно.

— Я не согласен, — прошептал Эрик, с трудом шевеля губами,

ГЛАВА V

— Не хочется мне тебя отпускать, — сказал Ермолов, отодвигая заявление Карабичева. — У меня есть очень веские основания. Во-первых, ты нужен здесь. Правительство принимает экстраординарные меры, чтобы вскрыть причину ЭВН. Организована целая армия ученых, занимающихся этим вопросом.

— Пока безрезультатно, — заметил Андрей.

— Вопрос слишком сложен. Мы оказались безоружными. Все оказались безоружными. Ведь это дьявольское излучение не поддается никакой регистрации никакими приборами.

— Кроме человека.

— Да. Но тем не менее нельзя терять уверенности. Мы найдем источник излучения. Для этого нам нужны такие специалисты, как ты.

— Я не могу, — тихо сказал Карабичев, глядя в одну точку. — А кроме того, почему нужно работать именно здесь, ведь это явление можно изучать в любой точке земного шара. За время поездки я смогу...

— Ничего ты не сможешь, — перебил Ермолов. — Во-вторых, ну что там, в этом письме? Это же бред какой-то. Ничего конкретного.

— Мы все сейчас как в бреду.

— Ты даже не знаешь, где ее искать. По штемпелю

лю на конверте ничего нельзя сказать. Письмо может быть брошено где угодно. Да и она сама пишет, чтобы ты пока не приезжал. Послушай моего совета, отложи на время.

— Не могу. Я знаю, что ей очень плохо. Она может погибнуть.

— А что ты будешь делать с Машей здесь, в Москве?

Карабичев невесело помолчал.

— Я решил, что поручу ее вашим заботам,— сказал он.— Она — интересный пример почти полной психической трансмутации, и наш институт должен заняться этим вопросом.

— Гм.

— Лицо, голос стали другими. Она теперь совсем не похожа на мою Марию.

— Косметика, диета? — спросил Ермолов.

— Диета? Да, она похудела, осунулась. Но главное в другом: это чужой мне человек. Характер, привычки, манера держать себя... Словом, худо.

— Да!..

Ермолов помолчал, поднял брови, потом вздохнул:

— Да, положеньице. Ну хорошо. Значит, решил ехать? Категорически настаиваешь?

— Да,— твердо ответил Карабичев.— Все равно вам придется посылать кого-нибудь на мыс Горн. Вот и пошлите меня. В Бессано я долго не задержусь. Одиннадцатого из Марселя уходит «Лангедок» в Буэнос-Айрес. Я уже все разузнал.

— Ну что же. Действуй, как считаешь нужным... По-моему, все это, конечно, глупость. Нужно сидеть в Москве и ждать, пока не изменится обстановка, но насчет мыса Горн — это идея... Ты хоть язык-то знаешь?

— В пределах допустимого.

— М-да... — промычал Ермолов. — Ну ладно... Только смотри, чтобы одиннадцатого был в Марселе!

— Обязательно! Двадцать второго в Буэнос-Айресе и двадцать пятого — на мысе Горн.

Через неделю Карабичев выгружался в порту

Бессано. Было раннее утро. Солнце играло на мостовой, густо усеянной чешуей рыб. Краснорожий великан грубо выхватил из рук Андрея его ношу и помчался по ступеням, ведущим в город. Андрей едва поспевал за ним. В его уши врывался торопливый говор портовых рабочих, визг кранов, завывание моторов. Неправдоподобно яркие южные краски слепили глаза. Временами он ощущал чужие души, горячие и тяжелые, как нагретые утюги.

Носильщик вывел его на пустынную улочку, обсаженную миртами. По пыльным камням пешеходной дорожки бродили большие тощие собаки и маленькие грязные ребятишки. Утренний воздух наливался зноем.

Из открытых окон через тонкую сетку доносился звон посуды, восклицания, смех. Кто-то играл на гитаре, негромко себе подпевая. Женщина ругалась, выкрикивая гортанные проклятья. По улице проехал автомобиль — явный экспонат исторического музея.

Возле гостиницы они остановились. Небольшой двухэтажный домик был обвит плющом и обсажен деревьями так густо, что напоминал зеленый грот. Карабичев расплатился, и великан ушел, гордо неся могучую голову, покрытую рваной грязной шляпой.

Только теперь, разглядывая из окна своего номера крыши соседних домов, Карабичев понял тяжесть задачи, за решение которой он взялся. Найти Марию в таком большом городе, ничего о ней не зная, будет нелегко. Бросив взгляд на красные тонкие и толстые трубы, плывущие в солнечном мареве, Андрей вздохнул и подошел к столу. Он вынул конверт с письмом и принялся рассматривать уже много раз виденные строки. Мария писала:

«...со мной стряслась большая беда. Мне стыдно и тяжело об этом писать, я до сих пор не могу прийти в себя. Я думаю, почти уверена, что это связано с появлением космических пришельцев, о которых сейчас все вокруг твердят. Мое положение ужасно, и меня спасает только вера, что оно не продлится вечно. Я хочу и не могу видиться с тобой, находясь в этом состоянии. Поэтому прошу не разыскивать

меня, не тратить сил и здоровья. Все равно помочь мне нельзя. Остается только ждать и надеяться. Я бы никогда не рискнула написать тебе письмо, если бы не надеялась...»

Карабичев свернул листок треугольником и спрятал в карман. Съев завтрак, принесенный толстым кельнером, он вышел из гостиницы.

Карабичев шагал по незнакомому городу. Все вокруг казалось удивительно новым и одновременно давно виденным. Здесь, в центре Бессано, было чище и уютней, чем в порту. Но уже в ста шагах от своей гостиницы Карабичев наткнулся на нищего, сидевшего на асфальте. Безногий протягивал ему грязную записочку. Карабичев, не разобрав слов, нацарапанных на бумажке, торопливо обронил монету в алюминиевую кружку. Калека молча проводил его взглядом багровых глаз.

Мужчины и женщины торопливо проходили мимо Карабичева. Люди заходили в магазины и выходили оттуда, прищвартовывали автолеты к вышкам стоянок, люди смеялись, изредка переругивались. Негривычный, мягкий говор раздражал Карабичева, суетливые жесты обитателей Бессано казались ему театральными. И только изредка, попадая в сферу влияния отдельных прохожих, Карабичев чувствовал, что они такие же, как и он.

Вскоре он стоял перед домиком, в котором было слишком много стекла и прозрачного пластика. А металла и бетона, ушедшего на ограду, хватило бы на небольшой завод. Зелень здесь не любили: посреди двора в песке рос чахлый куст эмэи. Карабичев нажал входную кнопку и через несколько минут уже находился в обществе хозяина дома. Он протянул ему рекомендательное письмо известного советского ученого. Пока сеньор Риоли разбирал каракули письма, Андрей рассматривал его. Холеный, худой, умный. Легким движением руки хозяин предложил Карабичеву выпить густой темно-красной жидкости из высокого прозрачного сосуда. Андрей послушно проглотил ледяную влагу. Сеньор Риоли заговорил. Продолговатое лицо его расцвело приветливыми мор-

щинками. Изредка в свою речь он вставлял русские слова. Карабичев понимал его довольно легко.

— Лахутин просит оказать вам содействие. Но в чем? Здесь написано весьма неясно. Может быть, вы будете любезны?..

Карабичев рассказал.

— В Бессано триста тысяч жителей, — сказал Риоли, — из них — сто восемьдесят тысяч женщин, старух и девочек. Вы понимаете, что...

У Риоли была привычка не договаривать фразу. Это за него должен был делать собеседник. Но Карабичев молчал, и профессор заговорил снова:

— Конечно, мы сможем дать объявление по радио и в газетах. Нам пойдет навстречу администрация города. Сейчас такое трудное время...

— Мне не хотелось бы поднимать шум и привлекать внимание прессы, — вставил Андрей.

Риоли удивленно взглянул на него.

— Дело в том, — замялся Карабичев, — она будет против. Она не хотела, чтобы мы сейчас встречались...

Профессор поджал губы.

— Тогда все сложнее, чем я предполагал, — сказал он. — Ну, пока не будем принимать какого-либо конкретного решения. Познакомьтесь с городом, осмотритесь, поживите у нас, а потом, может, что-нибудь и придумаем. Я в свободное от работы время буду вашим гидом и помощником. Миссия у вас очень трудная, вы сами это понимаете...

После разговора с Риоли для Карабичева настали дни, наполненные бесплодным поиском и разочарованием. Консультации в полицейском управлении ничего не дали. «Вы напрасно теряете время, сеньор Карабичев, — мягко сказал ему мэр, разводя пухлыми руками. — Если ваша жена сама не пожелает откликнуться, вам никто не поможет». Риоли собирал морщины вокруг переносицы и советовал не сдаваться. И Андрей не сдавался. Каждое утро выходил он из гостиницы и, бросив монетку безногому калеке на площади, отправлялся на розыски. Целыми днями бродил он по сиреневому от дыма городу, расспрашивал и разузнавал, но... люди улыбались, по-

жимали плечами в ответ и уходили. Карабичев хорошо изучил Бессано. Чистый чопорный центр с улицами богачей, где ультрамодные мамы с детьми мелькали за решетками в тени густых аллей. Шумный, оживленный в любое время дня и ночи торговый район, расцвеченный яркими красками реклам. Тяжелый, мрачный порт с заводами, холодильниками и массой озабоченного трудового люда.

Его уже начали узнавать. Некоторые раскланивались при встрече. Знание языка мало помогало ему. В Бессано господствовала какая-то невероятная смесь испанского и португальского, в которую усилиями многих поколений бессанских мореплавателей были добавлены словечки и ругательства всех языков мира. Если бы не возможность понимать людей без слов, Андрей давно бросил бы свою затею. Только с Риоли, владевшим литературным языком, он мог кое-как объясняться.

— Как видите, — говорил ему профессор, — возникновение «эффекта дубль-ве» на Земле сопровождается не только отрицательными явлениями.

Как-то они сидели на веранде открытого кафе, откуда был виден спуск в порт и темное море. Риоли только что вернулся из-за города, где находился его институт. Он был в костюме из матовой ткани, способной кондиционировать воздух.

— Кстати, о космических пришельцах, — сказал он Карабичеву. — Экспедиция на Тихий океан вернулась с нулевым результатом. Район, указанный вашими учеными и американцами, совершенно безлюден. Там ничего и никого нет.

— Неужели? — в глазах Карабичева зажегся огонек. Тема была научная и, следовательно, интересная.

— Да, — сказал Риоли, взмахивая руками, словно собираясь взлететь. Похоже, он был очень доволен провалом экспедиции. — Ну, конечно, сразу же нашлись новые объяснения. Карлос Карлос утверждает, что наши соседи по галактике сидят на дне океана и выделяют свои штучки под водой. Для них, дескать, глубина в пять тысяч метров — плевое дело. Может, это и так, а может, и нет. Ясно одно: обста-

новка в мире изменилась и непрерывно меняется из-за наличия «эффекта дубль-ве».

Риоли улыбнулся. Мимо неслышной тенью проплыл официант. Море на горизонте почернело. Зажглись желтые огни. Прохожие за оградой кафе уже не торопились. Ранее заглушенная и придавленная деятельным шумом дня, зазвучала музыка. Сильнее запахли цветы. Звонче застучали женские каблучки. Ясный свет дня переродился в густо-фиолетовые сумерки.

— Пойдемте, мне хочется пройтись, — сказал Карабичев.

Таинственный приступ вечера нагнал на него тоску. Неясная мысль, еще не явившись на свет, взволновала его.

— С удовольствием, — сказал Риоли.

Они вышли из кафе, сохраняя «дистанцию вежливости» — расстояние, на котором человек не подвергался воздействию соседа. Гуляя с Риоли, Андрею часто хотелось нарушить эту дистанцию, чтобы проверить свое мнение о профессоре. Но что-то ему мешало.

— А мне кажется, — бодро говорил Риоли, шагая с Карабичевым, — что нет никакого смысла разыскивать пришельцев из космоса.

— Почему?

— Здесь много причин, — сказал Риоли. — Во-первых, их нельзя найти, а во-вторых, их не следует находить...

— Я вас не понял, — сказал Карабичев.

— Могу разъяснить, если вы меня будете слушать... Эта красавица никакого отношения к вашей жене не имеет. Она давно работает в отделе мужской галантереи у Бриессу.

Карабичев кивнул головой.

— Да, да, я весь внимание, — сказал он со вздохом.

— Чем порочны рассуждения Карлос Карлоса? — спросил Риоли, рассекая тростью темный, пряно пахнущий воздух. — Своей многозначностью. Космические пришельцы могут сидеть на дне, могут, как ми-

кробы, носиться в воздухе, быть невидимками и так далее. И такие, с позволения сказать, теории уже есть... Но где они, эти пришельцы? Кто их зафиксировал? Если это материальные объекты, они должны попасть или под микроскоп, или в радиоприемник, или в колбу химика, или в прибор физика. Но пока никто ничего не уловил. Ни один прибор, ни один глаз их не засек. Нет ничего, кроме странного каприза, названного «эффектом дубль-ве». Но это все в людях, внутри них, а не вне. И поэтому я утверждаю, что на Земле нет космических пришельцев, нет наших братьев по разуму, которые приземлились в Тихом океане или невидимками носятся по воздуху. Их нет, понимаете?

Риоли остановился, повернулся и в упор посмотрел на Карабичева.

— Хорошо. Ну, а что же? — с нетерпением спросил Андрей.

— Итак, на Земле нет никого, кроме человека. Речь, понятно, о мыслящих. — подытожил Риоли. — Теперь дальше. Что же? Почему? И так далее... Видите ли, мне представляется такая простейшая схема возникновения «эффекта дубль-ве». Вспомним некоторые эпизоды эволюции. Протоокеан жизни. Суп, в котором началась варка белка. Кусочки студня, способные к обмену веществ. Я говорю утрированно. Надеюсь, все ясно?.. Протокоацерваты, коацерваты, первая клетка, ассоциация клеток... Стоп! Вот здесь водораздел. От клетки к организму. От единицы к множеству. От кустарного одиночества к специализированному сосуществованию! Выгодно, понимаете? Природе выгодно! А то, что выгодно природе, то закон. Вот и получилось так, что был одинокий беспомощный протокоацерват, который должен был все сам делать — и переваривать пищу, и реагировать на свет и на звук и на присутствие ядовитых веществ, и... так далее. А стал — могучий подвижный ассоциат, у которого возможна специализация тканей и клеток, развита система управления, отрегулирован обмен веществ. Природе оказалось выгодным объединить разрозненные клетки в мощный живой

организм, и это произошло. Возникло непрерывно развивающееся и самосовершенствующееся древо эволюции, на котором эти ассоциации клеток образовали много ветвей, а человек, как он сам считает, увенчал его верхушку. Насколько мне известно, у природы на этот счет он мнения не спрашивал.

— Так. Дальше, — сказал Карабичев. Мысли Риоли отвлекали его от невеселых размышлений.

— В том-то и дело. А как же дальше? Неужели природа поставила крест на древе эволюции? Неужели мы больше не будем развиваться? Похоже, что наши органы не меняются. Новых видов людей не возникает. Мы становимся все слабее, изнеженнее. Да и животный мир тоже не создает новых видов. Значит, придется засыхать древу эволюции?

— Но... — начал Карабичев.

— Погодите, — перебил его профессор. — Я скоро кончу. Существует железный закон биологии: то, что не изменяется, материально, вещественно не изменяется. — гибнет. Человек не меняется материально. В течение тысячелетий он все такой же, несмотря на его научные и технические успехи. Следуя этой биологической логике, мы должны признать: да, человек, как единица живой материи, обречен на вымирание. Но природа добра и милостива. Возможности ее неисчерпаемы. Она подсказывает путь к спасению. Он — в человеческом обществе. Если человек, сам по себе, как некоторая биологическая отдельность, увядает, то общество в целом прогрессирует и развивается. Но общество людей не стало единым организмом. Это груда сырого материала, из которого еще предстоит слепить Большого человека. И природа подбирается к нему, к этому Большому человеку. Ваш коммунизм — тоже своеобразная попытка создать организм из отдельных индивидуальностей...

— Ну, профессор, так толковать коммунистическое общество!.. Это прежде всего не организм, а...

— Простите, Андрей, я ни в коей мере не хотел касаться политики. Да и не в том дело: природа ищет!

Что мешает людям? Непонимание. Язык — не со-

вершенный метод общения. Он не выражает и миллионной доли наших состояний, и люди остаются непонятыми, обманутыми, уходят в себя, возникает недоверие, зависть, хитрость и т. д. — все пороки, характерные для современной цивилизации.

Для того чтобы человечеству объединиться, нужен новый метод общения. И вот он возник — это «эффект взаимонаводки», или ЭВН. Как? Я не знаю. Но космос здесь ни при чем. По-моему, дело в эволюции. Человечество достигло того этапа развития, когда возможно появление особого взаимопроникающего излучения. Это излучение характерно для всех людей, независимо от возраста, пола, интеллекта, национальности...

Вот почему я говорю, что его нельзя найти. Мы никогда не найдем его, потому что ищем его вне нас, а оно заключено внутри нас.

— Значит, по-вашему, люди должны быть объединены в один общий организм Большого человека, как некогда протоклетки объединились в первый многоклеточный организм? — спросил Карабичев.

— Примерно да.

— Но ведь это же чушь, профессор! Человек не клетка и не может ею быть. Когда вы говорите, что коммунисты стремятся к созданию такого организма-общества, вы просто смеетесь над нами! Вы пророчествуете полное уничтожение индивидуальности. Заверяю вас, что я не хочу быть мочкой уха вашего Большого человека. Да в моей стране никто не захочет быть ею. Мы люди, и наш девиз «Свободный в свободном». Свободный человек свободного коммунистического мира...

— Ая-яй! — покачал головой Риоли. — Какой темперамент! Какая живость мышления! Но... полное отсутствие логики и... самокритичности. Напрасно вы сердитесь. Вы уже давно клетка с явно выраженной специализацией. Вы ученый? Значит, вы не мочка уха. Вы кусочек мозговой извилины будущего Большого человека. Скажите, вам легче от этого? Дело в очень простом. Специализация и дифференциация все больше разделяют членов человеческого общества.

Богатый не понимает бедного, рабочий хозяина, механик инженера, судья экономиста, артист математика, крестьянин рабочего и т. д. Люди разъединены, разделены, разбросаны. А что же их объединяет?

— У нас есть объединяющая идея. Коммунизм.

— То у вас. А у нас нет. Наше общество — это руки, ноги, глаза будущего Большого человека. Их нужно еще собрать и составить из них организм так, чтобы он заработал. Мне кажется, что «эффект дубль-ве» является первым этапом синтеза Большого человека. Сначала полное взаимопонимание друг друга, а потом слияние всех людей в единую общечеловеческую систему. — Карабичев фыркнул. Риоли рассердился. — А знаете ли вы, что именно СССР сейчас обвиняется в экспансии своих идей с помощью нового типа излучений? Что бы ни кричал Ватикан, обещающий второе пришествие, а «эффект дубль-ве» работает в основном на коммунистов. Из-за этого «эффекта» только в Бессано обанкротилось около двадцати крупных фирм. Да и что в нем плохого? Не нужно представлять себе будущего Большого человека слишком примитивно. Конечно, люди не совсем клетки, и они не будут лепиться друг к другу, хотя их физическое сближение не исключено. Представьте себе тот момент, когда число людей на Земле достигнет десятков и сотен миллиардов. Тогда, наверное, люди окажутся прижатыми друг к другу, как зерна в мешке. От человека никуда нельзя будет сбежать.

— Есть другие планеты и другие миры, — заметил Андрей.

— Ерунда! Там повторится то же самое. Наши способности в этом отношении безупречны. Нет, сеньор Карабичев, что вы там ни говорите, нужно объединяться. Объединяться не только пролетариям, но и всем людям независимо от каких-либо мерок, и объединяться не только идейно, но и материально. Должен быть создан организм — общество, имя которому Большой человек. Представим себе, — разглагольствовал Риоли, — такое совершенно новое человеческое общество. Люди тесно связаны друг с другом. Общество представляет из себя живое су-

щество из нескольких миллиардов клеток, где каждая клетка — человек. Каково же место правительств в таком обществе? Правительство, управление, регулирование — кибернетические функции нервной системы. Значит, мозг. По сути дела, сейчас наше правительство также выполняет роль мозга в современном обществе. Правда, не всегда удачно. В Большом человеке все будет иначе. Правители, их будет тогда значительно меньше, окажутся так тесно и непосредственно связаны с каждым человеком в отдельности, что любое изменение в состоянии отдельного индивидуума моментально отзовется в нервах этого гигантского организма. Причем пассивных, равнодушных, себялюбивых клеток в мозгу Большого человека не останется, так как их место будут сразу же занимать активные добросовестные соседи. Осуществится мечта народов: чтобы власть предрежающие на своей шкуре испытали боль и тяжесть народной жизни. Смертная казнь членов общества тогда станет для них ампутацией собственных живых тканей. Война — глупым самоубийством. Насилие — противопоказанной мерой, ведущей к ослаблению...

— Потрясающая картина! Кошмар, который не хотелось бы увидеть во сне! Это же диктатура похуже фашистской! — воскликнул Карабичев.

— Ничего подобного! — вскричал профессор. — Допустите на миг подвижность клеток, то есть переход с одной функции на другую, и вы...

— Как я могу допустить подвижность, если вы только что провозгласили их узкую специализацию и конкретную закреплённость в каком-то одном месте? Разве клетки кишок могут стать клетками глазной сетчатки?

— В Большом человеке — могут, — твердо ответил Риоли.

— Ну тогда... — развел руками Карабичев. — Вы создаете его из нереального материала.

— Почему? На Земле нет людей незаменимых.

— Неправильно, они есть.

Они еще долго спорили, шагая по ночным улицам Бессано.

Запахло морем и гниющей рыбой: они подошли к порту.

— Может, я не прав, вернее, не совсем прав, — сказал Риоли, — схема моя расплывчата и неверна, и я во многом заблуждаюсь, но я твердо верю в одно.

— ? — Андрей внимательно посмотрел на морщинистый лоб, под которым горели темные умные глаза.

— Я верю в бесконечное и непрерывное развитие природы, в частности в эволюцию живого мира. Я не согласен, что человек — венец всего сущего на Земле. Кто так говорит, тот хочет надеть не корону на человека, а дурацкий колпак на природу, на ее возможности. Я верю, что природа не остановится на человеке и пойдет дальше. Такие поиски неизбежны: в человеческом организме никаких радикальных изменений уже не происходит. Дальнейший источник сил человека — в обществе. Эволюция постепенно подводит человека к созданию новой формы общества. Ваш коммунизм потому так неодолим, что в нем разгадан один из последующих этапов эволюции. И дело совсем не в его справедливых и утешительных принципах, как вы любите говорить. Ваши идеи увлекают людей, потому что они правильно предвосхищают будущее. Вот. Предвосхищение будущего — в этом сила любой идеи в науке. Но не следует останавливаться на полпути. Большой человек должен быть создан самой природой. И «эффект дубль-ве» — первая ласточка на пути его создания. Кстати, свои соображения относительно взаимонаведения с точки зрения эволюции живого мира я уже направил в Объединенный совет по изучению этого явления.

Карабичев только плечами пожал: в рассуждениях Риоли все было логично, кроме бесчеловечных обобщений и выводов. Но переубедить его безумно трудно: тут уже вступили в силу консервативное упрямство крупного ученого и предрассудки, вытекающие из его идеологии.

Они шли по плохо освещенной улочке предместья. Из полуоткрытых дверей домов на улицы вырывались снопы света и голоса. Щелканье кастаньет сменялось заунывным пением. В пятнистых тенях де-

ревяев прятались женские фигуры. За оградой кто-то плакал. Карабичев почувствовал непонятную тревогу, ему хотелось осознать ее причину, но мешал Риоли. Профессор шагал по тротуару, как цапля, высоко поднимая ноги, и все говорил и говорил.

На перекрестке темнела небольшая группа людей. Над ней возвышался человек в сутане, то вздымавший руки к небесам, то прижимавший их к тощей и плоской груди, на которой елозил большой серебряный крест. Он торопливо выкрикивал слова, и Карабичев ничего не понял. Риоли послушал немного и криво улыбнулся.

— Предсказывает второе пришествие, — сказал он.

Карабичев рассмеялся.

— Видите, вот и еще одно толкование «эффекта взаимонаводки», — заметил он, обращаясь к Риоли.

Они прошли еще несколько шагов и снова остановились, привлеченные странной сценой. Перед навесом сгрудились уличные зеваки. Освещенный ржавым светом лампы, по ковру ползал человек. Тускло блестела обнаженная черная грудь. Запрокинутая голова мерно покачивалась в такт хриплой речи. Пронзительный взгляд черных глаз скользил по толпе, ничего не видя и не понимая. Изредка человек вскакивал и, простирая руки вперед, выкрикивал слова, обозначающие, по-видимому, приказы и повеления. Толпа встречала их смехом.

— Он совершенно нормальный человек — сказал Риоли. — Здоровый, умный... Я его знаю. Но горькая чаша ЭВН не минула и его. Тело его здесь, а чувственная информация к нему поступает откуда-то из Индии. Он там работает погонщиком слонов. Наши голоса он слышит и одновременно слышит тех, с кем он работает. Он видит нас и видит своих слонов, лес, какую-то реку. Причем то, второе ощущение у него сильнее и ярче первого. Фактически он живет там, а не здесь. Соседи и бездельники приходят послушать его, иногда смеются... Он все время рассказывает о том, что с ним происходит.

— Вот еще один аргумент против вашего обще-

ства-организма. И это только цветочки, — сказал Карабичев.

Риоли не понял, при чем тут цветочки, и Карабичеву пришлось длинно втолковывать ему русскую поговорку. Они шли довольно долго молча. Улицы становились все темней и уже, люди попадались реже. Встречавшиеся имели жалкий, порой просто подозрительный вид. Мужчины прятались в тени домов. Там, в темноте, их голоса раздавались угрожающе глухо. Женщины вели себя вызывающе. Их неприкрытое стремление выставить напоказ остатки былой красоты навело Андрея на страшную мысль. Он понял, что эта догадка зрела в нем в течение всего вечера. Потрясенный, он спросил у Риоли:

— Скажите, в Бессано много публичных домов?

Профессор, методично переставлявший свои тощие ноги, остановился, будто наткнулся на невидимую стенку.

— Я не понимаю, почему... — сказал он, растерянно уставившись на Карабичева.

Андрей молчал.

— Вы думаете, что она там?! — воскликнул Риоли.

Вот она, догадка! Сначала в человеке живет только предчувствие ее, а потом как-то сразу является она и все ставит на свои места. Несвязанные концы сплетаются, намеки, недоговоренность становятся понятными, вывод поражает своей очевидностью. «Ах, какой я дурак, не видел этого раньше! А может быть, ошибка?.. Нет, слишком многое получило сразу свое объяснение, слишком многое...»

Риоли помолчал, потом церемонно сказал:

— Я не могу составить вам компанию в этом рискованном предприятии. Моя репутация...

— Я не требую от вас такой жертвы, сеньор Риоли. Но не могли бы вы мне показать...

Риоли огляделся по сторонам.

— О, мы так далеко забрели! Здесь я ничего не знаю. Пойдемте в центр, — сказал он.

Они быстрыми шагами двинулись прочь из темных, дурно пахнущих портовых улочек.

— Я здесь живу! — воскликнул Карабичев.

— Ну что же, вам недалеко будет возвращаться, — осклабился Риоли, пожимая ему руку.

Профессор ушел. Карабичев оглядел площадь. Одинокие фигуры изредка пересекали ее темно-серый пятиугольник. Было поздно, и рекламы гасли одна за другой.

Отсюда до гостиницы было совсем близко, и Андрей подумал, что хорошо бы возвратиться в номер, посмотреть «Голос Бессано»...

Внезапно он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он оглянулся и никого не увидел. По правую руку, под фонарем запертого кафе, темнел мешок, сброшенный прямо на тротуар. Андрей подошел к нему и почувствовал, что «мешок» смотрит напряженным взглядом прямо ему в глаза. Прежде чем Андрей сообразил, «мешок» покачнулся и с глухим ворчанием покатился прочь, отталкиваясь от земли руками. Это был нищий. Он уже узнавал Карабичева, с удовольствием получал от него монетки, но каждый раз с руганью уползал прочь. Может, ему не нравилась внешность иностранца, отличавшая Карабичева от остальных жителей Бессано? Вероятнее всего, это был просто недостаточно воспитанный бродяга...

Карабичев пересек площадь и свернул на одну из пяти выходящих на нее улиц. Он остановился перед домом, на который ему указал Риоли. Окинув прощальным взглядом изгибающуюся верблужьим горбом мостовую, нажал кнопку звонка. Ему показалось, что по серому тротуару ползет какая-то тень. Он хотел разглядеть ее очертания, но дверь распахнулась и его впустили в дом.

В большой светлой гостиной сидели трое мужчин и с ленивым видом перелистывали альбомы с медными застешками. В глубине комнаты виднелась стойка, над которой возвышалась мадам. Путаюсь и краснея, Карабичев изложил цель своего прихода. Мадам подняла кверху черные, похожие на пнявки брови.

— Русский? Мария? Нет, такой не бывало. Я по-

нимаю, я все понимаю. Но ни одна из моих девушек не говорила, что она так чувствует. У них там разные... переживания. Но никто не говорил, что она стала русской женщиной. Такого не случилось. Впрочем, вы сами можете переговорить с ними. Есть свободные...

Карабичев торопливо отказался и пробкой вылетел из помещения. Только на свежем воздухе он почувствовал себя увереннее. «Не очень-то мы привыкли к подобным ситуациям», — подумал он, смущенно улыбаясь про себя.

Но нельзя было останавливаться на полпути. Он должен был либо изгнать страшное подозрение, либо подтвердить его. И он пошел к следующему дому, который находился в нескольких десятках метров от первого, указанного Риоли. Ему снова показалось, что вслед за ним, прячась в тени, поползла серая тень. Он оглянулся, остановился. Движение и шорох сзади прекратились. Карабичев махнул рукой и решил не обращать внимания.

Во втором доме его встретили не очень любезно. Пришлось подниматься по лестнице на третий этаж. Там, в длинном полутемном коридоре, сновали полуодетые мужские и женские фигуры. Вопросы Карабичева никто не понимал, и он уже хотел было бежать, когда появился хозяин этого «предприятия». Маленький, аккуратно причесанный человечек очень развеселился, услышав просьбу Карабичева. Ситуация казалась ему невероятно смешной.

— Ваша жена? Ваша жена? — переспросил он несколько раз. — Но, к сожалению, ничего подобного у нас не происходило, — заключил он, приглаживая напояженные усики.

«К счастью. К счастью, сукин ты сын», — подумал Карабичев, притрагиваясь к шляпе.

Выходя, он стал свидетелем отвратительной сцены. На лестничной площадке какой-то пьяный верзил избивал девушку. Запрокинув на перила голову, она почти не сопротивлялась, только изредка вскрикивала. Распущенные длинные волосы запутались в крашенных прутьях.

Не раздумывая, Андрей резким движением отшвырнул пьяницу. Тот покатился вниз. Андрей помог девушке подняться. Она была невероятно тощей и жалкой. Два объемистых синяка закрывали пол-лица. Униженно бормоча слова благодарности, девушка ушла. Андрей огляделся. Поле боя было свободным. Противник сбежал. За это время не отворилась ни одна дверь. Очевидно, здесь это было в порядке вещей. Андрей вздохнул, ругнул проклятый капитализм и зашагал вниз.

Он вышел из дома и, дойдя до перекрестка, остановился в нерешительности. Куда идти? От фасада дома, рядом с которым он стоял, кто-то отделился и стремительно метнулся к нему. Андрей вздрогнул и застыл, как парализованный. В следующий миг он ощутил несколько коротких и болезненных толчков в правом боку. На него пахнуло перегаром спирта и застарелым запахом рыбы. Он упал и, падая, услышал крик. Кричал нападавший на него верзила. Андрей видел, как он выронил нож, схватился за бок и рухнул на мостовую рядом с ним. Андрей закрыл глаза. Увиденное не удивило его. Сейчас его ничто бы не удивило.

Забытье было прервано возгласом Марии:

— Андрюша, Андрюша, ты жив, мой мальчик?! — только голос ее был по-незнакомому грубым и чужим. Пальцы скользнули по лбу Андрея и, задержавшись на глазах, осторожно подняли веко.

Андрей не удивился тому, что Мария рядом с ним. Она должна была быть рядом, раз ему так плохо. Он открыл глаза и огляделся. Марии, конечно, не было. Неподалеку распластался пьяный верзила. Прямо над Андреем склонился безногий нищий. По морщинистому лицу, обросшему седой щетиной, текли слезы. Андрей с ужасом видел, как толстые потрепавшиеся губы калеки зашевелились и из них вырвались слова:

— Андрюша, Андрюшенька...

— Нет! Нет! Только не это! — закричал Андрей, теряя рассудок и сознание.

Сеньор Риоли проснулся с трудом. Видеофон го-

тов был взорваться от возбуждения. Сигнальные лампы вспыхивали и гасли. Звонок трещал. Сдерживая зевоту, профессор включил аппарат.

Через несколько минут из разговора с начальником полиции он понял, что с Андреем случилась беда. Да, он, конечно, знает этого иностранца. Да, рекомендательное письмо адресовано именно ему. Это не подделка. Да, он сейчас выедет.

— Самое странное во всем этом, дорогой профессор, — говорил судебный медицинский эксперт профессору Риоли, — что совсем не очевидно, кто на кого напал. Ваш подопечный имеет три ножевых ранения в правом боку, не смертельных, но достаточно тяжелых. Напавший на него бандит скончался от сильнейшего шокового состояния. Причем он непрерывно жаловался на страшные боли в правом боку, в том же месте, куда был ранен русский. Произведенное голько что вскрытие показало, что в районе печени у покойного образовались тромбы и произошла закупорка сосудов. Таким образом, нанося удары ножом другому, он убил себя.

— Почему вас это удивляет? — спросил Риоли. — У нас богатая практика в этом отношении. Сколько было случаев, когда избивающие ощущали всю боль наносимых ими ударов! Бандит нанес несколько быстрых ударов, сработал «эффект взаимонаводки», и напавший ощутил рану в своем боку. Наверное, там было больное место, и нервный импульс вызвал конвульсию, которая привела к шоку и к смерти. Попади он ножом в спину, возможно, для него все бы сошло гладко. Ничего, кроме боли, он бы и не почувствовал...

— Мы живем в справедливое время, — насмешливо заметил эксперт.

— Именно. Причем справедливость становится как бы материальной. Ее можно пощупать руками.

— Или ощутить в своем боку?

— Возможный вариант.

Риоли вошел в палату. Карабичев лежал с плотно закрытыми глазами, заметно оттененными нездоровой синевой. Изредка вместе с прерывистым дыха-

нием из его рта вырывались слова. Профессор прислушался. Речь шла о жене Марии, о каком-то безномом с площади Святого Себастьяна и о... глупости. Карабичев даже в бреде ругал себя, он не мог простить себе какой-то ошибки.

Риоли вышел из клиники. Занималось утро. Теплый радостный свет разливался по улице. Небо было чистым, воздух — свежим. Риоли вздохнул и проворкотал:

— Все будет хорошо. Справедливость и эволюция восторжествуют!

Внезапно он увидел человеческий обрубок, приютившийся под оградой больницы. Не тот ли это нищий, о котором бредил русский?

— Ну-ка, иди сюда, — поманил он пальцем калеку.

Униженно кланяясь и заранее благодаря «доброе сеньора», тот заковылял к Риоли.

— Ты знаешь сеньора Карабичева? — спросил профессор. Нищий недоуменно посмотрел на него и переспросил:

— Карабиччо?

— Да, — кивнул Риоли.

Щека у нищего дернулась, по лицу побежали жалкие и горькие складки. Он отвернулся, и фигурка его сразу стала еще меньше, будто его сразу придавило к земле. Раздвинув лакированную листву олеандров, он пропал в иссиня-черной тени.

— Андрей, Андрюша! — как слабый вздох донеслось до Риоли.

Риоли с усилием зажмурился, провел ладонью от глаз к носу, точно снимая невидимую паутину.

Яркое свежее солнце уже начало припекать. Ослепительные ракушечниковые стены хранили влажность ночи. Они казались голубоватыми. Грязный голубь клевал высушенный окуроч...

Профессор Риоли возвращался домой.

Проезд на Виа Грассо был перекрыт, и шофер свернул в узкий переулок. Запахло жареной мак-

релью, оливковым маслом. Ноздри защекотал чад уличных жаровен. Полоски чистой голубизны и веревки с бельем делали небо похожим на старый матросский тельник.

Машина все петляла узкими темными улочками. Наконец она выскочила на широкую мостовую, где ходили трамвай и автобус.

Старый открытый трамвай дребезжал и раскачивался, как моряк в незнакомом порту. Риоли здесь никогда не бывал. Он с живым интересом склонился к автомобильному стеклу. Когда Риоли заметил в конце улицы толпу, он не удивился. Ему только на миг показалось, что все стало зыбким и нереальным. Он опустил стекло. Запах гниющих овощей сразу же забил все остальные. Уличный гам тоже стал отчетливее. Гудки машин, детские крики, сварливая брань женщин. Постепенно сквозь этот шумовой фон начал прорезываться смутный, быстро нарастающий рокот.

И тут только Риоли понял, в чем заключалась та необычность, которую он подсознательно почувствовал. Она была в толпе, вернее, сама толпа была ею. Риоли с удивлением подумал, что первый раз за все это время он видит так много близко стоящих друг к другу людей.

«Неужели все опять стало как прежде? — подумал Риоли. — Нет никакого «эффекта дубль-ве» и опять можно безбоязненно подходить к друзьям?»

В ветровое стекло уже видны были лица идущих навстречу людей. Они были спокойны и сосредоточенны. Замасленные комбинезоны, пыльники с темными пятнами, яркие косынки, большие береты, черный глянец волос. Толпа заняла всю улицу от тротуара до тротуара. Трамвай стоял. Пассажиры высунулись до пояса из никогда не знавших стекол окон. Кондуктор сидел на подножке и ел белую булку с маслинами. Шофер Риоли тоже затормозил и вышел наружу. Профессор остался в машине. Толпа раздалась, обтекая, и вновь сомкнулась, как большая спокойная река, которая легко и осторожно

обходит камни, но гневно сметает плотины и завалы, кипя холодной водой. Она, казалось, закружила и понесла Риоли. Он завертелся в водоворотах, постепенно растворяясь и сливаясь с бегущим потоком.

За то время, пока мускулистые загорелые люди локоть к локтю прошли мимо Риоли, он понял все. Он стал каждым из них и всеми ими сразу. Он общился к их силе и заботам. Ощутил сам — именно ощутил, потому что знал об этом и раньше, — убожество темных лачуг, плач неумытых детей, влажный жар зажатой в кулак монеты. Последней монеты.

Как на испорченном телеэкране, мелькали смещенные гротескные кадры. Длинные очереди у биржи труда, сколоченные из фанерных ящиков города, высокие немые ворота завода, закрытый шлагбаум порта, лохмотья в темной арке моста. Станки, лопаты, кучи мусора, порталные краны, пароходные трапы, гнущиеся под тяжестью грузчиков, — все пронеслось мимо, просачивалось сквозь сердце и мозг.

Рабочие прошли. Риоли вновь стал самим собой. Но в нем еще жило ощущение единства и силы, которые минуту назад полностью поглощали его. Риоли долго искал подходящее слово, но так и не придумал его. Прозвенел звонок трамвая. Кондуктор завернул маслины в газету. Вернулся на свое место шофер.

— Здоровые ребята, а, сеньор?

Риоли не ответил. Он искал нужное слово. Оно нашлось само, точно выскользнуло откуда-то и легло в нужную ячейку.

— Солидарность, — неожиданно сказал Риоли.

— Это уж точно, сеньор. Скоро эта штука перестанет существовать. Люди смогут, наконец, спокойно жить.

— Я не о том... Я о солидарности.

— Да ведь и я о солидарности, сеньор!

Риоли подумал, что никакой «эффект дубль-ве» или любой другой не смог бы разобщить этих людей. И, наоборот, вряд ли бы он смог их спаять сильнее.

«Эволюция и революция — это единый про-

цесс», — подумал Риоли и вздрогнул. Ему показалось, что эти слова кто-то внутри него произнес голосом Карабичева.

Машина выскочила на прямую, как стальная линейка, автостраду. Запахло магнолией, лимоном, миртом. Как всегда, неожиданно открылось море. Оно млело в серебряной неге жидкого солнца, дрожащего на голубой зыби.

Белая линия прибоя окаймляла пляж. Купающихся было немного. Черная и серая галька казалась прохладной и влажной.

«...За то, что все сольются реки когда-нибудь в морскую гладь...» — вспомнил Риоли строки поэта.

ГЛАВА VI

Уже не раз, возвращаясь домой и проходя мимо комнаты Арефьева, Ружена замечала под дверью бледную полоску света. Однажды она остановилась и прислушалась. Ей показалось, что в комнате Арефьева раздается негромкое жужжание.

Ружена спустилась вниз, взяла ключи и, возвратившись, открыла дверь в кабинет Сергея. «Я была права, там кто-то есть», — подумала она, входя в комнату. На пыльный, давно не метенный пол падал рассеянный розовый свет, но в лаборатории никого не было. Светился усилитель биотоков мозга, задвинутый Сергеем в дальний угол комнаты. Остальные приборы мертвой грудой лежали на темных столах. «Странно, — подумала Ружена, — его же никто не включал?»

Девушка выдвинула аппарат на середину комнаты и повернула регулятор настройки. Большой и малый излучатели засветились еще ярче. Жужжание перешло в радостное гудение. «А ведь прибор работает без питания», — подумала Ружена, увидев небрежно брошенные на пол провода. От этой мысли ей стало жутко. Она еще немножко покрутила рукоятку, торчавшую на блестящем пульте. Расплывчатый

поток света превратился в густой лимонный луч. Гудение оборвалось. В комнате зазвучала нежнейшая музыка, печальная и далекая. Будто кто-то очень одинокий пел о неизвестном мире. Удивленная девушка привстала на цыпочки и заглянула в излучатель...

Неожиданное чувство глубокого удовлетворения и счастья охватило ее. Тело стало необыкновенно легким, почти невесомым.

Девушка опустила на стул, подставив лицо и грудь желтым лучам, льющимся из рефлектора.

— Как хорошо! — пробормотала она.

Постепенно комната, приборы и усилитель, волчком вертевшиеся перед ее глазами, исчезли из поля зрения, из памяти и сознания. Исчезла и она, Ружена Миракова, аспирантка Института телепатии, двадцати трех лет от роду.

Осталось только удивительное непонятное чувство призрачной легкости.

Ей казалось, что миллиарды невидимых ниточек, прикрепленных к телу, тянут в разные стороны и она становится все больше и больше. Было ясно, что сейчас произойдет что-то совершенно удивительное.

Прекрасный, чистый восторг наполнил душу Ружены Мираковой. Она увидела, — но это не то слово, которым можно передать ощущения Ружены, — она познала за сотые доли секунды жизнь своей планеты. Познала одновременно все многообразие чувств и мыслей человечества, весь его сложный и противоречивый дух. Себе она казалась невероятно большой, раздутой до чудовищных размеров. И в то же время она понимала, что где-то, в самой глубине, она остается прежней маленькой Руженой, но в ней кричали миллионы новорожденных детей и хрипели сотни тысяч умирающих, толпы людей смеялись и плакали, работали, отдыхали, думали, играли... Все они определялись одним словом — люди, и все они жили в ней.

Ощущать их в себе, в своей душе было большим неповторимым наслаждением, и оно убивало Ружену. Боль короткими молниями пронизала ее тело, обнимавшее Землю...

Длинный Щапов сердился и недоумевал. Он хмыкал, тряс головой и пожимал плечами.

— В чем дело, пресветлый? — спросила его маленькая пухлая соседка по комнате. Она на секунду оторвалась от микроскопа и, подняв очки, смотрела на Щапова усталыми бледно-голубыми глазами.

— Понимаешь, Тата, мне кажется, что я сошел с ума.

— По-моему, это произошло гораздо раньше, чем тебе стало казаться.

— погоди, не остри, — он повертел в руках только что проявленную пленку и в сотый раз посмотрел сквозь нее на свет. — Знаешь, вчера, отправляясь на съемку, встретил в коридоре Миракову, эту аспирантку Ермолова. У меня был с собой аппаратик, и я предложил ей сфотографироваться. Больно подходящее освещение, косые лучи, пятна света на полу. Она девушка покладистая, согласилась. Уж я ее щелкал на все лады. И в фас, и в профиль, и на фоне окна, и в тени, и на солнце. Целую пленку извел. А сегодня проявил — и... вот.

Щапов протянул Тате пленку. Девушка просмотрела ее и удивленно спросила:

— Ты фотографировал пустой коридор?

— Вот именно!

Девушка покачала головой.

— Слушай, Щапов, у меня есть знакомый хороший психиатр. Галлюцинации, бред наяву — его специальность. Он тебе поможет.

— Иди сама к своему психиатру!

В эти дни Ермолов сильно изменился. Черные брови изогнулись еще стремительнее и круче, пытаясь сорваться и взлететь со лба. Безумные желтые глаза прожигали собеседника нетерпеливым пламенем.

Три больших видеофона занимали четверть кабинета, и с них не исчезали человеческие лица. Ермолов говорил одновременно с несколькими сотрудниками, сидевшими в комнате и на экранах «видиков». Ермолов бурлил и пенился, как действующий вулкан.

Сергей Артамонович, старший инженер по оборудованию института, долго не мог пробиться к Ермолу. Он уже было решил пойти к директору, но внезапно у Ермолова выдалось несколько свободных минут.

— В чем дело, Сергей Артамонович? — спросил Ермолов, закуривая и пуская синие кольца сквозь солнечный луч, пересекавший комнату.

Инженер замялся.

— Вот какое дело, Иван Иванович, — сказал он, медленно подбирая слова. — Я хотел поговорить с вами относительно этой аспирантки, Мираковой...

— А что такое?

— Она работает по ночам.

— Как?

— Да уж не знаю как, только работает. Вчера я был дежурным и проходил по коридору. Вижу свет в сто восьмой комнате, подергал ручку — закрыто, постучал — не отвечают. Вдруг появилась Миракова. Она так внезапно вышла, что я даже, признаться, немножко испугался. «Что делаете?» — спрашиваю. «Работаю, — говорит, — у меня непрерывный опыт». — «Какой опыт, — говорю, — два часа ночи». — «Да вот так», — говорит. Нужно сделать ей внушение. А если есть необходимость работать по ночам, пусть получит специальное разрешение от дирекции...

— погоди, Сергей Артамонович, — перебил старик Ермолов. — Ты что-то путаешь. Сто восьмая комната не Мираковой. Это помещение этого... как его... Арефьева. Он сейчас в отпуске.

— Тем более, — сказал инженер. — И вообще я тебе скажу, Иван Иванович, эта девушка производит какое-то неприятное впечатление. Что-то с ней такое...

Старик повертел в воздухе пальцами, пытаясь передать свою мысль яснее.

— Постой, сейчас, — быстро сказал Ермолов, крутнувшись на кресле. Он потянулся к одному из видеофонов и включил его. — А вот и сто восьмая, — сказал он. — И там действительно что-то происходит.

Они увидели излучатель Арефьева, наполнявший комнату желтым светом. Спinoй к зрителю сидела маленькая девушка, запрокинув голову на спинку стула. Виднелся чистый выпуклый лоб и копна золотистых волос.

— Миракова! Ружена! — позвал Ермолов. Девушка не шевелилась, руки ее безжизненно висели вдоль тела.

— С ней что-то... — пробормотал Ермолов, взглядывая на старика.

Сергей Артамонович встал. К этому времени в кабинете Ермолова уже набралось человек шесть народу. Все они с испугом разглядывали изображение на экране.

— Пошли, — быстро сказал Ермолов, выключая аппарат.

Они не пошли, а побежали по гулким коридорам института. Каково же было их удивление, когда они увидели Миракову, медленно направлявшуюся по сверкающему пластику пола в свою комнату. Ермолов окликнул ее, но она уже прошла в дверь. Они ворвались следом.

В комнате царило молчание. Слой пыли лежал на всем. Ружена стояла и смотрела на безмолвные приборы, у которых не светились шкалы и сигнальные лампочки.

— Ружена!

Девушка повернулась. Ермолова поразила бледность ее лица. Казалось, Ружена постепенно узнавала их, и несмелая улыбка тронула ее губы.

— Что с тобой только что было? — спросил Ермолов.

Брови ее недоуменно поднялись, губы приоткрылись. И вдруг, круто повернувшись, Сергей Артамонович выбежал из комнаты. Повинуясь какому-то импульсу, все бросились вслед за ним. Последней вышла Ружена и медленно пошла за ними.

Остановившись напротив комнаты с цифрой «сто восемь», Ермолов резким ударом ноги распахнул дверь.

Из усилителя Арефьева лилось желтое сияние.

Напротив аппарата на стуле полулежала Миракова. Широко открытые голубые глаза подернулись смертельной пеленой.

Ермолов резким движением схватил девушку за руку, но, ощутив ледяной холод тупа, выронил ее. Рука глухо стукнулась о дерево стула.

— Она мертва, — облизывая внезапно пересохшие губы, сказал он.

И тогда все обернулись назад и, предчувствуя что-то еще более ужасное, стали всматриваться в даль длинного институтского коридора. Их искаженные лица будто одеревенели. Они ждали.

Сначала никого не было. Коридор как коридор. С левой стороны — окна во всю стену, с правой — двери в лабораторные помещения. Ослепительно белый потолок, пластик пола в розовых крапинках. За окном — верхушки деревьев, вентиляционная вышка и подъемный кран для мелких работ на институтском складе.

Но вот на повороте появилась женская фигурка и медленно двинулась к ним. Это была она.

Когда девушка подошла и они увидели, что перед ними Ружена Миракова, у кого-то вырвался судорожный всхлип. Только Ермолов, бросив быстрый взгляд на тело, лежавшее на стуле, громко спросил:

— Что это значит, Ружена?

Девушка улыбнулась своей несмелой улыбкой и зашевелила губами. И здесь все поняли, что они не слышат ее слов. Звуков не было. Мысли Ружены проникали прямо к ним в мозг.

— Я умерла, Иван Иванович. Я умерла три дня назад.

С криком отчаяния и страха ринулись они к девушке. Их руки встретились в воздухе. Несколько секунд они сжимали и ощупывали ладони и пальцы друг друга. Наконец Сергей Артамонович не выдержал. Вскрикнув «о боже ж мой!», старик пробкой вылетел из комнаты. Ермолов и другие последовали за ним. Они бежали, как мальчишки, спасаясь от кошмара, ставшего явью. Но вот бег сменился торопливым шагом. Возле кабинета Ермолова они оста-

новились. До сих пор никто не сказал ни слова. Вокруг них постепенно образовалась толпа сотрудников. Молодежь с интересом наблюдала странное поведение своих руководителей. Ермолов достал большой клетчатый платок и вытер со лба капли пота. Кое-кто стал поправлять сбившиеся галстуки и расстегнутые воротнички.

— Немедленно... совещание... всех научных сотрудников, — выдохнул Ермолов и скрылся в своем кабинете.

Толпа не расходилась. Передавался странный, нелепый слух. Люди возбужденно переговаривались.

— Видишь, Тата, — говорил Щапов крохотной блондинке с серыми глазами, — твой психиатр никак не может мне пригодиться. Я не сомневался в научной объективности фото пленки и был совершенно прав.

Кто-то предложил пойти и проверить, как обстоит дело. Толпа ринулась на третий этаж, где находились комнаты Арефьева и Мираковой. Но по распоряжению Ермолова вход в коридор был перекрыт, и жаждущие сенсации остались ни с чем. Напрасно всматривались они в матовую поверхность дверных стекол. Ни малейшего движения за ней не обнаруживалось.

В это время в кабинете Ермолова шло бурное совещание. Ермолов обрел свой обычный деловой вид.

— Конечно, мы выглядели смешно, — сказал он, — спасаясь бегством от... этой милой девушки. Но у нас были основания для тревоги. Факт смерти Мираковой еще не нашел своего объяснения. Мне представляется, что причина в этом проклятом излучателе, который и посейчас работает в комнате Арефьева. Так что наше бегство было своевременным. Иначе... иначе могло бы случиться несчастье, размеры которого трудно себе вообразить. Но мы ученые, и совесть ученого обязывает нас исследовать это загадочное явление. Однако проводить такое исследование надо осторожно, соблюдая, если можно так выразиться, основные правила техники

безопасности, хотя нам, конечно, неизвестно, какие меры предосторожности здесь можно предпринять.

После долгих споров решили передать тело Мираковой медикам. Много противоречивых мнений вызвал излучатель Арефьева. Одни предлагали немедленно уничтожить его, другие — поместить в изолированную камеру. Не придя ни к какому твердому решению, договорились оставить все как есть, но вызвать из отпуска Арефьева. Пусть он сам разбирается в причудах своего аппарата.

Институт гудел, как потревоженный улей. Люди не принимались за работу, до хрипоты обсуждая проблему призрака Мираковой. Некоторым удалось прорваться на третий этаж и увидеться с Руженой. Они возвращались расстроенные и молчаливые.

...Стены института рухнули, и за ними обнаружился прекрасный черный мир. Камни были звериными голосами, а колба Вюрца стала двоиться и троиться, как заурядная хромосома. Солнце потухло, словно его отключили от городской сети, и Земля заняла его место. Люди чувствовали огонь под ногами и поэтому ходили босиком. Природа была распластана на столе исследователя, подобно лягушке, и откупалась бриллиантами за свое освобождение. Счастье имело форму волчка, которым пренебрегали даже пеленашки...

Сумасшедший день Ермолова на этом не кончился. В конце дня ему принесли письма от Карабичева. Иван Иванович вскрыл заграничный конверт и быстро заскользил по строчкам.

Карабичев писал, что жену свою он отыскал в очень тяжелом и жалком положении. Подробности обещал рассказать по приезду. Винер Риоли, которого рекомендовал Лахутин, оказался чудесным человеком. Сейчас Карабичев заболел и валяется в больнице, надеется скоро выйти. Письмо он пишет с одной целью — ему хочется поделиться с Ермоловым очень важными соображениями.

«У меня сложилось твердое убеждение, — писал Карабичев, — что наш многоуважаемый Иван Павлович, составивший карту распространения «эффекта

дубль-ве», не прав. Дело в порочных предпосылках. Побывав здесь, в Бессано, я провел ряд наблюдений, которые навели меня на мысль о возможной ошибке в рассуждениях Ивана Павловича. Как он рассуждал?

Он считал, что главным параметром, характеризующим взаимонаводку, является ее мощность. И эту мощность он измерял расстоянием, на котором два человека начинали ощущать друг друга. Чем оно больше, тем, дескать, и мощность больше. На первый взгляд правильно. А в действительности все наоборот. В Бессано, по расчетам Ивана Павловича, «эффект дубль-ве» раз в пять больше, чем в Москве. И правда, здесь начинаешь чувствовать другого на расстоянии в два-три метра, а в Москве только — с полуметровой дистанции.

Но дело не в одном расстоянии. Важна еще интенсивность ощущения. В Бессано эффект возникает на большом расстоянии, зато он слабее московского ровно в пять раз. Таким образом, мощность излучения следовало определить, измеряя интенсивность его, а не дальность действия. Это соображение заставило меня пересмотреть карту Ивана Павловича.

Дорогой научрук, я пришел к потрясающим выводам! Источник излучения находится не в Тихом океане, возле мыса Горн, как думали мы раньше. Он расположен на юго-восток от Москвы, примерно в полутора тысячах километров от нее...»

ГЛАВА VII

Высоко вверху возник огромный диск. Он распался на тысячи хрустальных, вложенных друг в друга кругов. В центре диска родился огонь, ослепительный, сверкающий и нежный. Преломляясь в бесчисленных гранях, он наполнился тончайшими оттенками невиданной красоты. Отраженные мириадами зеркальных плоскостей лучи слились в единый радужный поток света, который упал на Сергея, подхватил его и куда-то понес на упругих теплых волнах.

Он нес его к славе, признанию, безоговорочной победе. Сергею грезились долгие часы совещаний и обсуждений, когда стоишь на трибуне с поднятой головой, скромный, горделивый, все понимающий. Затем долгие месяцы снисходительного разъясняющего отношения к другим, долгие годы почета, прочного уважения, непоколебимого авторитета...

Сергей взглянул на Эрика. По лицу того нельзя было сказать, слышит ли он фанфары славы, гремевшие в ушах Сергея. Вертикальная складка меж бровей показывала, что Эрик чем-то озабочен. Сергей вопросительно хмыкнул. После долгого молчания Эрик поднял глаза.

— Вообще это смешная штука, — задумчиво сказал он.

— Ты о чем?

— Ну посуди сам. Это какая-то сложнейшая и вместе с тем простая, как дважды два — четыре, система. Природа отражена в человеке, она «записана», если позволительно так выразиться, в виде чувств, мыслей, воспоминаний...

— Не путай, память и мысль — категории, свойственные только живому. Мертвой природе они неведомы.

— Ну хорошо, в форме ощущения. Природа отражена в человеке, в его чувствах. Это как бы первая ступень. Человек отражен в биотозе в виде импульсов, переданных каким-то субквантовым биополем. Это уже вторая ступень. Возможно, что...

— У нас будет столько хлопот со второй ступенью, что до третьей мы не доберемся, — беспечно отмахнулся Сергей.

— Да, конечно, но ты меня не понял, — сказал Эрик. Его глаза, казалось, совсем растаяли на бледном лице. — Чем выше ступень отражения, тем выше самостоятельность воспринимающего объекта. Вот в чем штука. Например, человек по отношению к камню...

Сергей напряженно всматривался в Эрика.

— Для этого нужно, чтобы биотоза была способна самостоятельно перерабатывать информацию. Ко-

дировать сигналы, помнить, сравнивать и так далее, — сказал он.

— А почему ты думаешь, что она этому не может научиться? — заметил Эрик. Он говорил равнодушно и негромко; казалось, все это очень мало его занимает. Только по странной прозрачности глаз Сергея догадывался, что его друг пробивается сквозь какую-то мучительную умственную преграду.

— А зачем ей это нужно? — подумав, спросил Сергей.

— Такой вопрос не имеет смысла. Это то же, что спросить у природы, зачем она создала мыслящего человека. Здесь играет роль автоматика необходимых и случайных процессов...

Эрик помолчал. Он смотрел в окно, и Сергей смотрел туда же. Там, как маяк, светилась биото́за. Сергею свечение биотозы казалось ослепительным, обжигающим, как лучи экваториального солнца. Эрик смотрел и будто не видел мерцающего сияния, проникавшего сквозь стекла.

— Я боюсь, — сказал он, ворочаясь на своем ложе, — боюсь, как бы биото́за не стала по отношению к человечеству...

— Чем? — спросил Сергей.

— Тем же, чем люди стали по отношению к мертвой природе.

Доктор, утонувший в кресле и дыму, встрепанул:

— Возможно ли это? Биото́за создана людьми, и ее существование определяется общим потенциалом напряжения вашего гипотетического биополя, генерируемого человечеством...

— Люди тоже созданы природой и живут на ее иждивении, — тихо возразил Эрик, — но это не мешает им активно вмешиваться в дела мертвой и живой материи. Биото́за, если она приобретет самостоятельность, тоже может захотеть что-нибудь изменить.

Сергей с сожалением посмотрел на Эрика. Такой ясный глубокий ум и... такая трусость мысли.

«Время взлететь, — подумал Сергей. — Время

оттолкнуться от сырой земли и умчаться ввысь, глядя, как расплываются лица и слезы провожающих...

— Ладно, — сказал он, вставая, — я поеду.

— Сейчас? — спросил Эрик.

— Да, старик, нельзя терять ни минуты.

— Может, подождать до утра? — неуверенно спросил Эрик.

— Нет, надо торопиться. Биотоза развивается, каждое мгновение можно ожидать нового фокуса.

— Да, да, поезжайте, Сережа, — вмешался доктор, — расскажите всем там, в чем дело, и возвращайтесь побыстрее... Я побуду с Эриком.

— А к семье не потянет?

— Это уже не ваша забота. Действуйте и за Хоккай-Рох не волнуйтесь. Здесь все будет в порядке.

Сергей подошел к Эрику и взял его руку.

— Слушай, Серж, — сказал Эрик, поморщившись, — я еще не знаю сам, но... Но мне не очень нравится эта штука... — Он ткнул пальцем в окно. — Я не хочу капать тебе на мозги и прочее. Но нужно быть объективным. Мы не должны переоценивать наш успех. Понимаешь? Так что ты там не зарывайся, ладно?

— Ладно, ладно, не тревожься, дружище, — Сергей крепко стиснул руку Эрика.

Он быстро загрузил в багажник автолета папки с наблюдениями, фото пленки, диапозитивы, магнитофонные ленты, сел в машину и вылетел в крошечную мглу. Небо и земля были почти одинакового густого черного цвета.

Автолет скользил над землей на высоте тридцати метров. Сергей с нетерпением посматривал на стрелки, вздрагивающие на освещенных циферблатах.

«Прежде всего сделать сенсационный доклад. Раскрыть всем глаза. Это будет как взрыв бомбы!.. Большой ученый совет и специалисты со стороны... Затем — подать двенадцать авторских заявок по биотозе на наше с Эриком имя...

Впрочем, сначала заявка на открытие. Ведь это открытие! ...Пару больших статей в центральной прессе, одно-два интервью и... Все будет отлично...

все будет хорошо... Наконец-то настоящее, подлинное открытие! Это вам не беспочвенное исследование влияния бесконечных влияний... Это настоящее! Великое! Ради этого стоило жить, мечтать, ошибаться... Жила, золотоносная жила!.. Хватит ходить у науки в пасынках!.. Держитесь, ползучие эмпирики!»

Через четыре часа Сергей подлетел к Москве. Хотя было раннее утро, автолеты на главной трассе шли в три этажа, и Сергей с трудом пробился на нужную магистраль. Он оставил машину во дворе, уложив ее тяжелое тело на влажный асфальт, и бегом поднялся на свой этаж.

Отца дома не было. Квартира сохраняла теплый душный воздух ночи, запах табака. Все окна были закрыты, вентиляция отключена.

Сергей распахнул окна, включил кондиционку и полез под душ. Крупные холодные капли забарабанили по волосатой груди. Смуглая кожа натянулась и затвердела. Сергей сладко ежился, сплевывая искристые фонтанчики. Через десять минут он сидел в кресле, приятно расслабленный, и прислушивался, как по телу пробегают маленькие горячие молнии.

Город уже проснулся и заработал во всю свою миллионную людскую и машинную мощь. Похоже было, что он и вовсе не спал. Сергей слушал гремящие звуки жизни, врывающиеся в окна, и думал о том, что вот он, маленький человек, одна десяти-миллионная часть энергичной подвижной массы, живущей и работающей в городе, через какой-нибудь час станет известен всем. Всем, кто ходит, мыслит, понимает. Он представил себе, как миллиарды людей в разных местах и в разное время оставляют на миг свои дела — за станком, в конторе, в поле и в лаборатории, за рулем и на отдыхе — везде. И все лишь для того, чтобы услышать его имя.

Короткие и длинные радиоволны, пульсируя, передадут сигнал, сообщение, в котором будет его имя и имя Эрика. Этот сигнал помчится по земному шару, извлекая у людей вздох восхищения. Из этого города, из его неистребимой каменной, машинной и человеческой силы родится новая сила, новая мощь.

И все это делает он, маленький человек, одна десятиллионная клетка города, непризнанный деятель науки...

Внезапно ему пришла озорная мысль. А что, если он никуда не пойдет и никому ничего не скажет? Придет ли тогда в движение сложный механизм жизни?

Сергей подумал и решил — придет. Тайна биотозы станет известна. Не он, так Эрик, не Эрик, так кто-то другой. Люди в конечном счете всегда решали проблемы, которые ставили перед собой.

Почему сбываются мечты? Потому что мечта — это первый ориентировочный план работы в интересующем человека направлении. И если люди составили план, они начинают его выполнять... не сегодня, так завтра...

Внезапно до слуха Сергея донесся шум. Кто-то звал на помощь. Сергей схватился за шершавые края кресла, но не сдвинулся с места. Он прислушался. Крики на мгновение стихли, потом вновь донесся всхлипывающий, причитающий голос. Где-то стонала и плакала женщина.

Сергей подхватил брюки и побежал к двери. Одной рукой он нажал кнопку замка, другой — попытался натянуть штанину. Дверь распахнулась, брюки упали на пол. Сергей отшвырнул их, выбежал на лестничную площадку. Никого не было, звуки доносились сверху, с четвертого этажа. Сергей возвратился, натянул брюки, накинул куртку и побежал наверх, перескакивая сразу через две ступеньки.

У открытых дверей четверста пятой квартиры стояла женщина и судорожно втягивала воздух. Плечи и грудь ее дрожали от сдерживаемых рыданий. Серые волосы, завитые в замысловатые букли, повисли паклей. Около нее сустились двое — старик и девушка. Девушка держала в руках стакан с водой. Зубы женщины цокали о стекло, выбивая громкую дробь. Вода тонкой прерывистой струйкой текла по подбородку, срывалась вниз мелкими блестящими каплями.

— Что случилось? — отрывисто спросил Сергей.

Старик, говоривший женщине что-то утешительное, посмотрел на Сергея. В руке у него была зажата свернутая трубкой газета, отчего лицо знаменитой актрисы на фотографии стало длинным и удивленным.

— Муж у нее умер, — объяснил он.

— От чего? — машинально спросил Сергей.

— От смерти, — сердито сказал старик и повернулся к нему спиной. Сергей хотел подойти ближе, но побоялся действия «эффекта наводки». Ему не хотелось погружаться в толкие волны человеческой беды.

— Да уж теперь время такое... — неопределенно протянул старик. — Ты уж не расстраивайся, милая.

— Может, милицию вызвать? — быстро проговорила девушка со стаканом, осторожно заглядывая внутрь квартиры.

— А сегодня ночью просыпаюсь и смотрю — а он у меня на постели сидит... — Женщина опять зарыдала, громко и обиженно.

— Я пойду посмотрю, — решительно сказала девушка и, протиснувшись между женщиной и створкой двери, вошла в переднюю.

— Ты поосторожней там! — крикнул ей старик вдогонку.

— А где ее муж? — тихонько спросил Сергей.

— Сказано тебе, умер муж. Вчера схоронили.

Сергей почувствовал, что голова у него идет кругом.

— А о ком же она говорит? — спросил он, собираясь с мыслями.

— Да о нем же, о муже! Фу, бестолковый! Видно, давно дома не был?

— Признаться... — начал было Сергей.

Но в это мгновение из квартиры пулей вылетела девушка. Она размахивала пустым стаканом.

— Кошмар какой-то! — воскликнула она и застучала каблучками вниз по лестнице. — Покойник!

— Как покойник? — удивился Сергей.

Женщина с подозрением посмотрела на него.

— А вы разве не слышали? — осторожно спросила она.

— Да он отсталый, — вмешался старик, — ни о чем таком не слышал.

Женщина помолчала.

— Теперь такое бывает. Не у всех, правда, редко, но случается. Муж умер, я его похоронила, поехала к сестре в Каширу, а вернулась домой и вижу его на том самом месте, где он упал. Что со мной было!.. Казалось мне, что я схожу с ума, так порой страшно становилось. И нет его, и здесь он, вот под рукой.

Сергей с ужасом смотрел на женщину.

— В этом... нужно разобраться, — пробормотал он.

— А что разбираться, жизнь дала трещину на всю планету, — философски заметил дед.

— Как я теперь жить буду, сама не знаю, — горестно сказала женщина, — мне в комнату зайти страшно.

Сергей вздрогнул, представив весь ужас создавшегося положения. Он наклонил голову и быстро вышел из комнаты.

В тот же день Ермолов подвергся темпераментной атаке Сергея. Арефьев настаивал на созыве Большого ученого совета с приглашением всех комиссий Академии наук и комитетов, занимавшихся вопросами взаимонаводки.

— Я должен иметь какие-то реальные гарантии, что ваше сообщение представляет собой высокий научный интерес, — холодно говорил Иван Иванович, рассматривая Арефьева.

Парня словно подменили. Куда делись меланхоличная сдержанность, спокойствие, выдержка, таившая насмешку над собеседником? Сергей рвался в бой. Почему? Что случилось?

— Единственная гарантия — совесть ученого. То, что я могу сообщить, должно стать достоянием общечеловечности...

— Почему? Почему бы нам сначала не заслушать вас в узком кругу?

— В узком кругу хорошо слушать анекдоты, — грубо сказал Сергей. — А я буду говорить о вещах, которые должна знать вся наша страна, весь мир.

Ермолов подумал.

— Ну вот что, — сказал он, — у нас сегодня состоится расширенное совещание в Объединенном совете. Будем обсуждать методы борьбы с телепатическими явлениями на земном шаре. Там будут многие ответственные товарищи. Будет и академия, и наши члены Ученого совета. В порядке исключения я тебя выпущу. Только будь краток. Через двадцать минут выезжаем.

Зал заседаний Объединенного совета был скучным большим помещением с обилием столов, кресел и люстр. Сергей сидел у стенки, у ног его стояли кинопроектор, заряженный пленкой, и магнитофон, на коленях лежала папка с докладом. Он возбужденно осматривался по сторонам. Много лысин, золотых оправ. Неторопливые движения. Полные уверенности в себе люди. Солидно, крепко.

«Сейчас вы у меня зашевелитесь», — злорадно думал про себя Сергей. Он не чувствовал страха, но пальцы его судорожно мяли обложку доклада, а сердце гулко колотилось.

После мучительно долгих минут объявления повестки дня слово предоставили Ивану Павловичу, профессору телепатии. Старик вышел на эстраду и развернул давно знакомую всем карту мира, где были нанесены области с различной интенсивностью «эффекта дубль-ве».

Иван Павлович рассказал об идее Карабичева. Профессор не торопился, тщательно закруглял фразы, и Сергей чувствовал, как в нем закипает желчь.

— Итак, если мы будем измерять мощность «эффекта взаимонаводки» не расстоянием, на котором он действует, а силой его действия, то максимум

придется не на Тихий океан, как мы ранее предполагали, а попадет вот в эту точку.

Указка профессора скользнула на юго-восток от Москвы и очертила маленький кружок.

— Сейчас этот район нами обследуется. Найдем ли мы там что-либо, я не знаю, но проверить гипотезу Карабичева мы должны.

Сергей встал. Голос его, хрипловатый и срывающийся, прозвучал неожиданно громко:

— Я могу ответить на этот вопрос.

Члены совета зашушукались. Арефьев вышел к столу президиума и стал рядом с Иваном Павловичем.

— Это наш следующий докладчик, — объяснил председатель.

— Пожалуйста, товарищ... эээ... Арефьев.

— Я постараюсь быть кратким, но тема большая и емкая. Если надоем, скажите — я сокращу свое выступление. Так вот, — сказал он, приближаясь к кафедре и наблюдая, как устанавливают проекционную аппаратуру, — чтобы не сбиться, я буду рассказывать все по порядку.

Человечество стало свидетелем стихийного изобретения. Такие вещи возможны в наше время, когда изобретатели являются узкими специалистами и не способны охватить изучаемый объект во всем многообразии проявляемых им свойств.

Два года назад Эрик Эрдман получил мутант морской водоросли, который обладал способностью синтезировать линейные полимеры из кислорода и углекислоты воздуха. Вы видите на фотографии цветок. Он носит название биотозы. Это и есть мутант.

Дальнейшую работу мы вели совместно — Эрдман и я. Мы хотели наладить промышленное производство биотозы, но дело не клеилось. Биотоза явно обладала ограниченными возможностями. Нам никак не удавалось получить хороший привес. Тему фактически закрыли, да мы и сами занимались ею спустя рукава. Но однажды нам повезло. В науке это бывает. Изредка. Случайно нам удалось найти оптимальные условия роста биотозы.

Товарищи, я вижу на ваших лицах вопрос и недоумение. Вы вправе спросить: при чем тут полимеры, биотоза? Я вас понимаю. Из дальнейшего вам станет ясна связь между «эффектом взаимонаводки» и тем, о чем я говорю. Наберитесь терпения...

Итак, мы установили, что биотоза растет в душном теплом помещении, наполненном... людьми. Почему людьми? При чем тут люди? На эти вопросы мы тогда не могли ответить. Сейчас мы уже знаем правильный ответ.

Но полгода назад нас интересовало одно: как вырастить биотозу в количествах, достаточных для анализов, проверки и промышленного синтеза. Уловив способность биотозы расти в непосредственной близости от скопления человеческих масс, мы стали использовать это свойство. Аквариумы с биотозой помещались в кинопанорамы, клубы, залы заседаний. Там биотоза, получив первый толчок, начинала путь самостоятельного развития. Дальнейший рост ее, как нам казалось, не зависел от наличия людей. Это подтвердилось в наших опытах.

Набрав несколько килограммов биотозы, мы выехали на биостанцию Хокай-Рох. И вот случилось чудо. При соединении нескольких кусков биотозы в один общий массив произошел как бы атомный взрыв в ее развитии. За несколько часов вес биомассы достиг свыше ста миллионов тонн. Она заполнила огромный котлован и поднялась вверх на высоту около ста метров. Вот ее фотография. Вы видите, что и сейчас биотоза сохраняет форму цветка с причудливой конфигурацией. Это произошло ночью 15 августа сего года. Прошу обратить внимание на эту дату, думаю, что она вам уже хорошо знакома. Затем резкое увеличение биомассы прекратилось. Сейчас она увеличивается в объеме, но это происходит чрезвычайно медленно.

В настоящее время в степи подле биостанции Хокай-Рох возвышается гора этого биополимера, которую издали можно принять за большой степной курган. Кстати, станция Хокай-Рох находится в тысяче двухстах километрах от Москвы и попадает как

раз в центр того кружка, который очерчен на карте Иваном Павловичем согласно гипотезе Карабичева.

По вашему оживлению я вижу, что вам уже понятна та мысль, которую я хотел высказать. Именно так! Биото́за в ее настоящем виде и есть тот таинственный давно разыскиваемый излучатель, который морочит голову всему человечеству.

Я не буду подробно останавливаться на том, как мы догадывались об этом. Скажу только, что нам помогли ночные съемки биотозы. Дело в том, что биото́за светится. На этих кадрах вы видите сплошное сияние, идущее от цветка. Ночью это великолепное зрелище. Но если внимательно взглядеться — лучше это сделать с помощью лупы, — то под поверхностью биотозы можно обнаружить миллиарды светящихся точек. Эти точки находятся в непрестанном движении и взаимодействии. Мы занялись статистическим определением светимости биотозы, короче говоря, подсчетом числа светящихся точек на отдельных участках ее и пришли к неожиданному открытию чудесных свойств этого полимера. Я не буду описывать ход наших умозаключений и эксперименты, подтвердившие их, а дам только выводы.

Первое: полимер, названный биотозой, обладает способностью воспринимать и фиксировать в виде определенных светящихся молекулярных ассоциаций все типы излучения, продуцируемые мозгом и нервной системой человека.

Сергей наклонился и включил магнитофон.

— Вы сейчас услышите, что думает по этому поводу Эрдман, — сказал он, обращаясь к залу.

После минутного шипения пленки голос Эрика сказал:

— О существовании единого биополя на земном шаре люди догадывались давно. Сегодня прямые и косвенные факты распространения телепатических сигналов являются объектом серьезного научного исследования. До настоящего времени была неясна природа этого явления. Работа над биотозой позволяет внести некоторую ясность. Мы предполагаем, что биополе носит субквантовый характер. Это означает,

что передача сигналов сопровождается субквантовыми переходами каких-то частиц и дырок с одного энергетического уровня на другой. Такое расщепление уровня порождает излучение, до сих пор не зафиксированное ни в одном из приемо-передаточных устройств, изобретенных людьми. Только человеческий организм в целом и его мозг в частности способны воспринимать такие волны. Движение сигнала в биотозе, или, как это еще называют, феномен-пси, имеет ряд особенностей. Распространение сигнала происходит практически мгновенно, не зависит от материала среды и не ослабляется с расстоянием, а может быть, даже увеличивается. Впрочем, я полагаю, что на большом отдалении от источника излучений возможно некоторое рассеивание. Нами установлено, что для создания телепатического сигнала требуется ничтожная затрата энергии. Это понятно, так как субквантовый переход составляет одну десятитысячную от обычного перехода электрона с орбиты на орбиту, а во-вторых, при движении сигнала в биополе происходит его усиление за счет резонансного наложения колебаний. Понятно также, что такое усиление носит неправильный флуктуационный характер...

Сергей отключил магнитофон. Все молчали.

— Резолюция. Первый пункт, — сказал Сергей, — хочу только повторить, что биотоза способна со скоростью света зарегистрировать все пси-сигналы, излучаемые человечеством. Итак, перехожу ко второму пункту.

Его можно сформулировать так: биотоза сама является излучателем второго рода. Получив сигнал, она возвращает его источнику усиленным или ослабленным. Процесс этот немного напоминает отражение волн от препятствия. Впрочем, такая аналогия слишком груба. Дело в том, что биотоза способна к переработке информации. Полученный ею сигнал отражается обратно не сразу, а через некоторое время, иногда в другом направлении. Это свойство биотозы названо нами неконтролируемой обратной связью, хотя уже сейчас есть подозрение, что подобная характеристика ошибочна. Таким образом, все,

что происходит в биотозе, немедленно отражается на людях. Она как бы за невидимые субквантовые ниточки дергает молекулы, из которых состоят нервы людей...

Пункт третий...

Сергей передохнул. Он чувствовал на себе взгляды сидевших в зале. Он смешался и замолчал. Зал ждал.

— Остальные пункты, — сказал он наконец, — являются выводами из первых двух. Существует полимер, называемый биотозой, который способен воспринимать, регистрировать и излучать обратно по своим собственным законам все сигналы, возникающие в субквантовом биополе земного шара. Поскольку люди являются приемо-передаточным устройством для таких сигналов, все они оказались с момента возникновения биотозы соединенными с ней прямой и обратной связью. Каждый человек и все человечество вместе «записаны» на биотозе в различных ее участках в виде ассоциаций возбужденных молекул. Геометрическое перемещение человека сопровождается движением этих ассоциаций на биотозе.

— Перемещается ли сигнал в биотозе, подобно тому как люди перемещаются по Земле? — громко спросили откуда-то сзади.

— Да... То есть нет, — Сергей улыбнулся и, собравшись с мыслями, продолжал: — Не нужно уподоблять биотозу модели Земли. Движение объекта и распространение импульса в биотозе не могут быть адекватны. Но как-то они связаны.

В зале постепенно нарастал шум.

— Мгновенное образование сотен тонн биотозы нарушает закон термодинамики! — крикнул кто-то.

— Объяснитесь яснее, — попросил Сергей.

Товарищ, произнесший реплику, встал, покраснел, затем побледнел и, запинаясь, сказал:

— Мгновенное образование сотен миллионов тонн биотозы за счет неорганических веществ, а не из мономеров, обладающих необходимым запасом энергии, должно было вызвать катастрофу.

— Биотоза — мутант водоросли. Мутант, который

быстро размножается. Так размножаются микробы, за какие-нибудь сутки в тысячи раз увеличивающие свою живую массу. Не нужно смешивать жизнедеятельность биотозы с неорганическим синтезом. Вы согласны?

Юноша хотел что-то возразить, но в зале зашумели:

— Вопросы потом! Пусть говорит! Не мешайте ему говорить!

— С вашего разрешения я продолжаю, товарищи, — сказал Сергей. — Итак, биотоза одновременно воспринимает всю чувствительную, психологическую и интеллектуальную информацию человечества, перерабатывает ее, хранит, сортирует и так далее. В биотозе можно наметить пять больших зон, соответствующих пяти чувствам человека. Однако в ней же есть еще около ста разных зон, значение которых для нас пока неясно. Эрдман предполагает, что это области подсознательного в человеке и области неиспользованных возможностей человечества. Товарищи! Биотоза — это мозг и душа человечества. В ней фиксируется одновременно вся многогранная жизнь людей. Там плачут новорожденные, прощаются умирающие, встречаются возлюбленные, расстаются уезжающие в путешествие, работают, отдыхают, спят и веселятся миллиарды людей. И все это регистрируется непрерывным движением огоньков под ее холодной поверхностью. Каждый человек как бы получил своего двойника, живущего в Душе Мира. Всякое изменение в человеке моментально сказывается на его двойнике в биотозе, и, наоборот, поведение двойника отзывается на человеке порою самым странным образом.

Как же объяснить все эти странности, которые не дают людям покоя, принося им и радости и огорчения? Очень просто.

При сближении людей на небольшое расстояние их двойники в биотозе также сближаются. Начиная с определенной дистанции молекулярные скопления в биотозе начинают обмениваться энергией и как бы объединяются в общую структурную единицу; обра-

зую сложный колеблющийся комплекс. Это сразу начинают ощущать на себе живые люди. Им кажется, что сосед, с которым они находятся в контакте, влез им в душу, в мозг, в тело. В этом суть «эффекта дубль-ве», он объясняется простым замыканием молекулярных ассоциаций в Душе Мира.

Товарищи! Пятнадцатого августа наблюдались из ряда вон выходящие вещи. Их происхождение теперь понятно. Когда мы соединили куски биотозы в один, создав тем самым критическую массу, необходимую для цепной реакции роста, излучение всех людей, существующих на земле, обрушилось на биотозу, как водопад. Молекулярное возбуждение распространялось по биотозе хаотично. При этом происходили столкновения ассоциаций. Энергия их взаимодействия была настолько велика, а излучение так сильно, что в отдельных случаях живые объекты меняли характеристику своего нервного излучения.

У биотозы есть одна особенность. Воспринимаемое излучение и излучение двойников зависят от расстояния. Чем дальше находится человек от станции Хокай-Рох, тем более размыт ассоциат, тем слабее обратный импульс. Это значит, что по мере удаления от Души Мира ее влияние на людей уменьшается, хотя радиус воздействия увеличивается. Как видите, ошибочность первой гипотезы получила свое окончательное объяснение.

Несколько слов о псевдовоскрешении... Дело в том, что, когда человек умирает, в Душе Мира сохраняется запись его интеллектуально-эмоциональной сущности. Однако поскольку приток энергии со смертью прекращается, эта запись остается неподвижной, то есть темной. Но если к месту смерти приближается живой человек, его двойник в биотозе возбуждает молекулярную «душу» мертвеца, и та начинает выдавать обычное для нее характеристическое излучение. Мертвец «воскрес». Но «живет» он только в сознании окружающих. И вообще с течением времени такая «молекулярная душа» на биотозе постепенно должна исчезнуть, так как хаотическое воздействие соседей приведет к разрушению структуры ас-

социата. Можно сказать: мертвецам смертельно вредно общение с живыми людьми.

Товарищи! Я вижу ваше нетерпение. У вас, наверное, уже готовы тысячи вопросов. Отвечая на них, я объясню остальные особенности Души Мира. В заключение, как один из изобретателей Души Мира, я хочу высказать следующее: наша эпоха получила великое приобретение. И мы должны его сберечь. Я верю в Душу Мира!

Сергей замолчал. Молчал и зал.

Наконец кто-то спросил:

— Каковы подтверждения, реальные подтверждения ваших слов?

Сергей улыбнулся и пожал плечами.

— Я вам покажу кино, — сказал он, — дам наши результаты опытов, расчеты и наблюдения. Если этого вам будет мало, поедem в Хокай-Рох и будем наблюдать вместе...

— Погодите, — перебил его Ермолов. — Скажите, какой самостоятельностью обладает Душа Мира, я хочу сказать, что мы можем от нее ожидать?

— Я не знаю, — твердо заявил Сергей.

— Всего, чего угодно, — насмешливо бросили реплику из зала.

— Тише, не мешайте! Пусть говорит.

— Товарищи, — голос Сергея зазвенел, — не требуйте от меня невозможного. Я рассказал все то, что нам удалось узнать в результате кропотливой работы в Хокай-Рох. Все, что я буду говорить дальше, — только мои домыслы. Они могут осуществиться, но могут оказаться и в корне ошибочными и неправильными. Мы считаем, что биотоза развивается. Мне кажется, что по сравнению с людьми она обладает иными способами переработки информации. По-моему, она начинает приобретать элементы самосознания. Например, совсем недавно я пытался отрезать кусок биотозы для анализа...

— Душу Мира-то ножом! Для этих ученых нет святынь, — заметил старичок ученый, ехидно покашливая.

— Мне не удалось взять пробу, потому что биото-

за... не захотела! Душа Мира воспротивилась насилью.

По залу прокатился шепоток. Ученые качали головами.

— У меня такой вопрос, — раздался глубокий сильный голос. Его владелец смотрел на Сергея спокойно и серьезно своими небольшими серыми глазами. — Как вы считаете, представляет ли ваш полимер опасность для общества, для жизни отдельных людей, для нашего строительства, ну не сейчас, а, положим, через несколько лет? Ведь вы только что сами сказали, что она развивается и прогрессирует.

Сергей подумал.

— Душа Мира сама по себе беспомощна, — сказал он. — Сила ее заключается в способности влиять на отдельных людей и на все человечество. Моральные качества биотозы определяются теми людьми, которые на ней «записаны». Я не думаю, что возможен какой-либо антагонизм, но... всего предвидеть нельзя. Я верю в лучшие качества Души Мира. До сих пор она приносила только благо.

— Ну, это еще как сказать!

Сергей возмутился.

— Как вам не стыдно, товарищи! Душа Мира объединила миллионы людей, исчезли недоверие, обман. Жить стало проще и радостней. Разве это не счастье?!

Мощный гул голосов покрыл его слова. Они не слушали друг друга, эти спокойные величавые мужи. Они высказывали свою реакцию непосредственно и эмоционально. Стучали по столу, жестикулировали, смеялись. Ермолов повелительным жестом успокоил зал.

— Нужно изучить, нужно все детально исследовать, — сказал он, — а затем мы подумаем, что делать с Душой Мира. Если все так, как доложил Арефьев, придется созвать Всемирный конгресс и на нем решать...

Люди понемногу успокаивались. Начались выступления отдельных членов совета по докладу Арефьева.

Сергей не слушал. Он словно выключился. Ему казалось, будто он много работал, очень устал и теперь сидит отдыхает. «Не поняли, не оценили», — с тоской думал он.

Домой он вернулся поздно, вконец измученный. Напряжение спало, осталось серое усталое равнодушие. «Если б рядом был Эрик... Почему они так враждебно и холодно отнеслись ко мне? Или это мне показалось? Но как все это непохоже на то, о чем я мечтал... Как все глупо!..» Внезапно Сергей почувствовал прикосновение к плечу. Сзади стоял отец. Лицо его было бледным и усталым.

— Я слышал тебя... твоё темпераментное выступление, — сказал он. — Что и говорить, учудили вы штуку! Здорово... Но как ты сам ко всему относишься? — он неопределенно повел рукой в воздухе. — Нравится ли тебе самому?..

Сергей вскочил.

— Очень нравится, очень, — сказал он порывисто. — Ведь это то, о чем мечтали люди. Единство, взаимопонимание, общение без лжи, без обмана. Абсолютное доверие, никаких преград между людьми.

Отец полулег в кресло и задумчиво смотрел на сына.

— Ведь это же осуществление самых смелых мечтаний! — возбужденно говорил Сергей. — Возможен ли сейчас брак без любви, без полного взаимного проникновения человеческих чувств, без совершенного взаимопонимания? Нет, невозможен. Возможно ли сейчас то моральное одиночество, на которое физически обречен каждый человек? Нет, ибо в своих соседях он находит не только слова, но и непосредственные чувства, которыми он может жить так же, как живет своими собственными. Люди стали неизмеримо богаче, масштаб их чувств возрос от единицы — я, до пятиллиардного человечества — мы. Покончено с извечной тоской, с лозунгом «каждый умирает в одиночку». Люди стали братьями физически, материально, ощутимо.

Сергей осекся. Он был в страшном возбуждении. Отец внимательно смотрел на него, словно видел впервые.

— Успокойся, — негромко сказал он. — Такие дела нужно обсуждать с ясной головой.

Сергей ухмыльнулся. Отец прошелся по комнате.

— Ваша биото́за, или Душа Мира, как вы ее называете, — сказал он, — с чем я в корне не согласен, ибо душой мира может быть только общность людей, занятых разрешением великой и благородной задачи, есть, попросту говоря, биологический автомат сложной конструкции. Этот автомат воспринимает все имеющиеся у человечества знания, чувства, мысли и как-то их там перерабатывает. Он обладает материальной и логической автономией, что позволяет ему с помощью излучения корректировать деятельность отдельных людей и целых сообществ. Таким образом, люди нежданно-негаданно получили этакое контролера, который вмешивается в их личные, глубоко индивидуальные планы, контролирует их эмоции и мышление. Мало того, оказывается, она, ваша Душа Мира, подвержена своим, присущим только ей, особенностям развития. Она быстро эволюционирует. Очень быстро. Пойми меня правильно, я уже сейчас согласен с теми, кто считает биотозу гениальным изобретением. Это величайшее достижение современной науки. Но оно стихийно. Оно неуправляемо. В этом его вред. Атомная энергия тоже была великим достижением своего времени. Но она могла принести людям и смерть, ужасную смерть. Тогда она являлась стихийной, неуправляемой силой.

Наше общество отличается тем, что мы строим его сознательно. Мы управляем нашим будущим. Мы создаем его своими руками, и нам не нужна корректировка автомата, хотя бы и такого умного и сложного, как ваша Душа Мира!

— Но почему? — воскликнул Сергей. — Д. М. обобщает опыт четырех миллиардов людей! В ней заложены великие моральные принципы. Неужели

она глупее и хуже какого-нибудь отдельного человека? Почему ты думаешь, что...

Он замолчал.

— Договаривай, — сказал отец. — Я понял твою мысль. У власти должен стоять человек. Только человек, а не сверхмощная кибернетическая машина или ваша биотоза. Ибо только человек может понять свой народ, его нужды и надежды. Правительство меняется, народ остается. Но всегда у власти будут стоять люди с теплой человеческой душой, с красной кровью, с верой в сердце, со всеми их недостатками и достоинствами.

Они помолчали.

— Ваше изобретение надо использовать, — продолжал отец. — В нем много полезного и нужного людям. Но, до тех пор пока это вещь в себе, она вредна. Недаром все наши силы, силы наших предков и детей вложены в то, чтобы будущее сделать управляемым. Оно неизвестно и многозначно. Очень трудно просмотреть что-либо достоверное сквозь темную завесу времени. Нужно отдать жизнь за то, чтобы оно было таким, каким его видели герои прошлого. А вы развязываете мешок с чертом, и он садится нам на шею! В определенном отношении вы преступники. Вас извиняет только неожиданность, которая присуща любой научной работе. Но вы породили чудовище. Вам же надлежит отыскать противоядие. Не исключено, что вам придется уничтожить свою Душу Мира и начать создавать что-то новое...

— Нет! — крикнул Сергей. — Ни за что!

Отец подошел к нему и взял его за руку.

— Ты вот только что говорил с большим подъемом о прекрасном воздействии «эффекта взаимонаводки» на людей, на человеческое общество и т. д. А Ермолов в своем выступлении доказывает совсем обратное. Десятки тысяч семей оказались разбитыми из-за «эффекта дубль-ве». Люди, ранее любившие и уважавшие друг друга, не могут находиться рядом. Ермолов утверждает, что поскольку общение между людьми идет алогичным путем, исчезает возможность

сознательного контроля над поступками. Люди потеряли уверенность в себе, в своих действиях и реакциях. В жизни появилось слишком много неожиданного. Все это сказывается на производительности труда, общей дисциплине и моральной атмосфере нашего общества. Возьми хотя бы это псевдовоскрешение! Ведь оно всех вышибает из седла. Невероятная путаница и хаос. Зачем нам нужны эти призраки?

— Что вы все прицепились к призракам? — закричал Сергей. — Чего вы боитесь? Они же никому ничем не угрожают, не говоря уже о том, что они со временем деэволюционируют и исчезнут!

— Моральная атмосфера общества, в котором мы живем, — сказал отец, — не позволяет...

Его перебил щелчок видеофона в передней. Сергей вышел в коридор и увидел на экране лицо Ермолова.

— Приезжай немедленно в институт, — сказал главнаучук. Глаза его были суровыми и далекими.

Из кабинета Ермолова Арефьев выбежал, не дослушав его объяснений. Он бросился на третий этаж.

Сергей взбежал по ступенькам и, оттолкнув дежурного, широко распахнул дверь в сто восьмую комнату. Он уловил какой-то миг, когда комната была совсем пуста. Это было совсем коротенькое мгновение, но оно казалось бесконечным. Излучатель не работал. Из него был вынут центральный кристалл. Пыль серой кожей одевала столы. Из щели в шкафу высунулся лист бумаги и мелко дрожал под порывом воздуха, ворвавшегося с Сергеем.

А потом он увидел Ружену. Она, узнав его, тихо улыбнулась. Она будто только что отключила свои приборы и собиралась идти домой.

Девушка провела руками по голове. Волосы рассыпались по ее плечам. В комнате было сумрачно, рассеянный вечерний свет слабо освещал предметы, а Ружена сверкала, озаренная дневным солнечным светом. «Еще один парадокс, — машинально подумал

Сергей. — Оказывается, в этой Душе Мира время не работает синхронно с изображением».

Он долго сидел, обхватив руками колени. Потом поднял страшные воспаленные глаза. Ермолов, включивший видеофон, увидел пустую комнату, посреди которой чернела фигура Арефьева.

— Я хочу обнять тебя, — сказал юноша хрипло. Комната молчала.

— Я хочу обнять тебя, — повторил Сергей.

Ермолов вздохнул и отключил экран.

Когда Ермолов вновь включил видеофон, в сто восьмой никого не было.

Потрясенный, ослепленный Сергей шагал по вечерним улицам Москвы.

...В небе распластался огромный зеленый дракон с распоротым брюхом. Покрытые слизью кишки спускались на землю, обвивая шеи прохожих. Люди корчились в конвульсиях, хватая ртом воздух, насыщенный ядовитыми испарениями. Почва морщилась и собиралась в складки, как кожа гиппопотама. Города исчезали, словно пылинки, сдуваемые ветром. Земной шар вспыхнул и сгорел. От него осталось большое багряное облако. Кто-то большой осторожно взял огнедышащий клубок и опустил на дно стакана, наполненного холодной чистой влагой.

Когда тепло превратилось в грязь, его выплеснули во вселенную. Закружившись бесконечными спиралями, серый комок материи унесся в будущее...

Сергей ничего не замечал вокруг себя. Он машинально отмеривал шаги по пустеющим мостовым Москвы.

ГЛАВА VIII

День был жемчужным. Солнце пробивалось сквозь туманную дымку. Лениво били фонтаны. Огненные канны подернулись черным налетом. Подстриженная трава газонов пожухла и побелела. Лишь

в густой тени платанов она казалась сочной и свежей. В стеклянных стенах огромного, несколько старомодного здания замер призрачный сизый город.

Эрик сидел на белой садовой скамейке и, щурясь от тяжелого рассеянного света, задумчиво чертил прутиком по влажному золотистому песку. В числе других экспертов специальной комиссии ООН, собравшихся на этом конгрессе в Москве, Эрик должен был вынести приговор Душе Мира.

Документация, связанная с деятельностью биотозы, уже заполнила две комнаты. Полки архивов прогибались под тяжестью канцелярских папок. Каждые полчаса почтовые автоматы доставляли тюки писем, посылок, телеграмм. Вычислительный центр едва успевал обрабатывать всю эту обильную информацию. Машины работали днем и ночью, без перерыва, отыскивая итоговый алгоритм общественного мнения.

«С одной стороны, холодные, спокойные и беспристрастные машины, — подумал Эрик, — с другой — горячие, пристрастные, взволнованные люди!» Он вспомнил, какое впечатление произвел на членов комиссии доклад биоморфолога Брастрема. Швед выступил в первый же день заседаний. Говорил он тихо, спокойно, но как-то уж очень весомо и убедительно. Время от времени он включал эпитрон и иллюстрировал свою мысль графиками, диаграммами, всевозможными таблицами и сводками.

— Известно, — говорил швед, — что содержание углерода в живых организмах варьируется от 0,1 до 26 процентов живого веса. Так, ряска содержит 2,5 процента углерода, колокольчик — 10,2, лишайник «Кладония» — 21,8, пресноводная улитка — 1,70, речной рак — 7,49, пчела — 12,30, мышь — 10,77, кошка — 20,56 и т. д. Содержание углерода может значительно изменяться в пределах одного вида в зависимости от пола, стадии развития и др. Так, личинка бабочки капустницы содержит 7,79 процента, куколка уже 9,41, а взрослая форма — 19,40. Для растений основным источником углерода является углекислый газ воздуха, животные же получают угле-

род главным образом за счет пищи — всевозможные белки, жиры, углеводы.

Обратимся теперь к биотозе. На сегодняшний день ее живой вес составляет свыше ста миллионов тонн. Откуда же взялось необходимое для создания такой массы биополимера количество углерода? К сожалению, мы не знаем, какое место занимает углерод в составе биотозы. Но если содержание углерода в водоросли *Opaliinariaos medium*, которое, как известно, составляет около десяти процентов, не изменилось в процессе мутаций, то мы получим чудовищную цифру: десять миллионов тонн углерода отняла биотоза у атмосферы. В пересчете на углекислый газ это составляет свыше сорока миллионов тонн.

Посмотрим, какие это будет иметь последствия.

Прежде всего изменится климат. Как известно, углекислота атмосферы задерживает тепловые лучи, создавая тем самым тепличный эффект. Обедненная атмосфера вызовет снижение среднегодовой температуры Земли. Растениям придется перейти на голодный паек, что неизбежно скажется на урожаях. Одним словом, на Земле биотоза серьезно нарушает углекислотное равновесие и может повлечь за собой серьезные последствия.

Когда швед кончил, многие члены комиссии потребовали немедленного уничтожения биотозы.

Эрик понимал, что они пришли сюда уже с готовым решением, а Брастрем лишь укрепил его. Даже Эрик был смущен сухой и прямолинейной логикой шведа, хотя и видел, что тот преувеличивает.

Выступил советский климатолог Поляницын.

— Уважаемый председатель, уважаемые члены комиссии, товарищи, господа, — сказал Поляницын, — мне бы хотелось несколько дополнить содержательное выступление шведского коллеги. Насколько мне известно, в атмосфере содержится две тысячи триста миллиардов тонн углекислоты. Поэтому весь углекислый газ, который отняла у атмосферы биотоза, едва составит одну тысячную долю процента ее первоначального запаса. Такая ничтожная убыль никак не отзовется на углекислотном равновесии, мы даже не

сможем ее зарегистрировать. Одно это сводит на нет все опасения коллеги Брастрема. Но с вашего позволения я несколько продолжу свою мысль.

В настоящее время при одном только сжигании горючего в атмосферу выбрасывается шесть миллиардов тонн углекислоты. Этого вполне достаточно для создания еще ста пятидесяти таких Душ Мира. (Смех.) Кроме того, два миллиарда тонн поставляет сельское хозяйство. Вот вам еще полсотни биотоз. (Смех.) Достаточно одного лишь извержения такого вулкана, как Котопахи, чтобы восполнить отнятую биотозой углекислоту атмосферы. Никаких климатических, термодинамических, физико-химических и биологических потрясений Душа Мира не вызовет. Вопрос ее существования — это прежде всего моральный вопрос. Так давайте и решать его как моральный, этический вопрос, не отклоняясь в сторону. Благодарю за внимание.

— Комплекс проблем, которые поставила перед нами так называемая Душа Мира, — сказал польский социолог Данишевский, — вырастает в идею биологического коллективизма. От этой идеи не так-то просто отмахнуться, ее нельзя отрицать огульно. Только вскрыв источник развития, диалектическое единство позитивных и негативных аспектов, мы можем либо принять, либо отвергнуть ее, а тем самым и решить судьбу Души Мира. Растущее в человеческом обществе чувство коллективизма с одной стороны вызывает стремление к полному взаимопониманию, с другой — порождает неизбежную противоположность: желание сохранить индивидуальность. Эти же тенденции мы наблюдаем и во взаимоотношениях человеческого общества с Душой Мира. Я не ошибусь, если скажу, что требование уничтожить биотозу на девяносто процентов вызвано теми психологическими эффектами, которые она принесла своим появлением. Но ведь это только одна сторона проблемы! Биотоза же раскрыла нам и другую сторону, показав новые пути общения, продемонстрировав новые аспекты творческого единства людей.

Недавно в Варшаве в один и тот же день были

зарегистрированы три авторские заявки на новый способ метеоритной защиты планетолетов. Все три заявки совпадают между собой до мелочей. Как показала проверка, авторы заявок даже не подозревали о существовании друг друга. Это не случайное явление. Биополе, наведенное тремя работающими в одном направлении мозгами, отраженное и преломленное в спонтанных излучениях биотозы, объединило на какой-то момент изобретателей. Я не уверен, что каждый из них в отдельности смог бы найти нужное решение. А каких высот достигла теперь медицинская диагностика! И этим мы тоже обязаны Душе Мира. Вернее, прежде всего врачам, которые вместо опроса пациента самоотверженно погружаются в мир его ощущений. Душа Мира вызвала к жизни синтетическое искусство. Это ей мы обязаны нашим восхищением шедеврами современного творчества поэтов и музыкантов, музыкантов и художников, художников и ученых.

Как видите, проблема не так уж проста. Конечно, мы можем уничтожить биотозу. Но нам никогда не удастся забыть о том, что она существовала. Никакое искусственное забвение и замалчивание здесь не помогут. Человечество рано или поздно вернется к биотозе. Конечно, на ином уровне исследований, чем сейчас, но вернется. Не разумнее ли будет поэтому вообще снять с повестки роковой вопрос: быть или не быть? Давайте попытаемся оградить себя от вредных влияний биотозы, но сохраним все то ценное, что она с собой принесла. (Всеобщие аплодисменты.)

— Душа Мира — это знамение господне, — сказал фра Кариолли, представитель Папской академии. — Люди, руководимые провидением, принесли нам чудо. Душа Мира зовет заблудившихся под сень святой матери римско-католической церкви. Храмы полны молящихся. Те же, кто в греховной гордыне поднимают меч на цветок господень, внемлют гласу сатаны. Не человеческим рукам сокрушить Душу Мира. Господь предупредил дерзких, лишил их памяти и рассудка. Так будет со всяким, кто посягнет на промысел божий. Еще в греховном Вавилоне... (Пред-

седательствующий призвал фра Кариолли говорить по существу.)

— Я далек от религии, — начал свое выступление профессор права Саламанкского университета Ортегос, — но я хотел бы получить объяснение многим странным явлениям, которые имели место в последний период. Эти явления опрокидывают наши понятия о причинности. Не буду голословным. Я зачитаю один полицейский протокол.

«17 апреля с. г. в 9 часов 30 минут в полицию явился сеньор Карада, директор ссудной кассы № 17 банкирского дома Лопец, и показал, что прошедшей ночью проснулся в странном беспокойстве. Одевшись и выйдя в коридор, он заметил под дверью комнаты, в которой находился сейф, полоску света. Карада хотел было вернуться в комнату, чтобы взять револьвер, который всегда лежал у него под подушкой, как дверь раскрылась. Карада, прижавшись в темный угол, увидел высокого усатого человека с глубоким шрамом на лбу. Человек держал в одной руке фонарик, а другой запихивал за пазуху пачку банкнотов. Когда вор прошел мимо Карады, тот бросился в комнату, схватил револьвер и быстро вернулся в коридор. Там никого не было. Дверь комнаты была закрыта. Карада открыл ее и бросился к сейфу. Набрав одному ему известный шифр, он отворил сейф и с удивлением обнаружил, что все деньги на месте.

Сеньор Карада допускал возможность галлюцинации, вместе с тем убедительно просил на ближайшую ночь выделить для охраны сейфа караул. Карада мотивировал свою просьбу тем, что в сейфе в настоящее время находится крупная сумма, которая до ее сдачи в банк нуждается в усиленной охране. Учитывая вышеизложенное, в дом сеньора Карады были направлены два карабинера. В ближайшую же ночь они задержали при попытке взломать сейф высокого мужчину средних лет (брюнет, цвет глаз желто-зеленый, нос прямой, особые приметы — глубокий шрам на лбу). Задержанный оказался неким Хозе Капаско, ранее привлекавшимся к суду за торговлю героином. На вопрос, посещал ли он дом сеньора Карады про-

шлой ночью, Капаско ответил отрицательно и привел веские доказательства своего алиби. На вопрос, бывал ли он вообще когда-нибудь в этом доме, Капаско ответил утвердительно. У задержанного были обнаружены электрический фонарь фирмы «Уарлоу», инструменты для вскрытия сейфов и нож-наваха».

Я бы мог, — сказал Ортегос в конце своего выступления, — привести еще ряд подобных примеров нарушения причинно-следственных связей. Очевидно, Душа Мира, читая преступные мысли, предупреждает заинтересованных лиц об опасности.

— Ерунда! — стукнул ладонью по столу доктор физики Лиональ Зото. — Хозе Капаско тщательно обдумывал предстоящую операцию. Отраженная биотозой телепатема совершенно случайно попала в мозг заинтересованного лица. Сотням людей, я в этом уверен, снился в ночь с шестнадцатого на семнадцатое сон, что какой-то бродяга запикивает за пазуху пачку банкнот, но лишь сеньора Карада этот сон заставил вскочить с постели и, обливаясь холодным потом, выглянуть в коридор. (Смех.) Биотоза делает тайное явным и заставляет людей держаться друг от друга на почтительном расстоянии. Незачем обожествлять физико-химические процессы и курить мистический фимиам вокруг случайных флуктуаций субквантового поля. Биотоза предсказывает будущее! Душа Мира — вещь Сивилла! Какая чепуха! Биотоза предсказывает то, что сознательно или бессознательно ей открыли люди. Я знаю, что много разговоров ведется о предсказаниях биотозой будущего. Якобы оно проецировалось на каких-то особо одаренных людей. Я бы назвал их просто психопатами. Я не верю в такие предсказания. Но даже если они имели место, то конструкции будущего, возникающие в процессе экстра-сенсорной деятельности биотозы, суть неверная экстраполяция настоящего. У Души Мира нет души. Она не мыслит, как не мыслит электронно-счетная машина. Деятельность биотозы вызывает смуту в психике отдельных людей, она мешает нормальной жизни общества. Поэтому необходимо раз и навсегда уничтожить эту пресловутую Душу Мира. И уверяю

вас, господа, ничего мы от этого не потеряем. Решительно ничего! Меньше будет на земле истеричек — и только. (Смех, аплодисменты.)

Эрика не покидало ощущение, что, несмотря на всю эту горячую полемику, судьба биотозы предрешена. Прокурор требует высшей меры, защитник настаивает на оправдании, судьи склоняются то в ту, то в другую сторону. И все знают, что подсудимый будет осужден.

— Леди и джентльмены, — сказал престарелый английский философ Горальд Уэбст. — Если позволите, я зачитаю вам один отрывок.

«Я проснулся в 1.00 и примерно до пяти непрерывно был с доктором Оппенгеймером. Конечно, он чувствовал себя напряженно, хотя его ум работал со свойственной ему необычайной ясностью. Я попытался скрыть от него явную озабоченность его помощников неопределенностью метеорологических условий. К 3.30 мы решили, что нам, может быть, удастся произвести взрыв в 5.30. К 4.00 дождь прекратился, но все небо было покрыто густыми тучами. С течением времени наше решение становилось все тверже.

За две минуты до установленного по расписанию момента взрыва все легли лицом вниз, ногами к месту взрыва.

...По радио стали объявлять, сколько времени осталось до взрыва, это делалось для другой группы наблюдавших испытание и участвующих в нем. Напряжение быстро возрастало по мере приближения назначенного момента и перехода от минут к секундам. Каждый в этом помещении знал об ужасных скрытых возможностях, которые, как они думали, не были исключены. Ученые чувствовали, что их вычисления должны быть правильны и что бомба должна взорваться, но в душе у каждого была немалая доля сомнения.

Оппенгеймер почти не дышал. Он держался за столб, чтобы сохранить равновесие. Последние несколько секунд он пристально смотрел перед собой и затем, когда человек, объявлявший время, закричал «Время!» и все осветилось колоссальной вспышкой

света, за которой вскоре раздался низкий раскатистый рев взрыва, напряжение на его лице сменилось выражением огромного облегчения. Некоторые из наблюдателей, стоявших сзади убежища, были сбиты с ног воздушной волной.

Напряжение в комнате разрядилось, и все начали поздравлять друг друга. Каждый чувствовал: «Вот оно!»

В убежище царило чувство, что все имевшие отношение к рождению этой новой силы, посвятят свою жизнь тому, чтобы она всегда использовалась во благо и никогда — во зло».

— И менее чем через год эта безмерная и грозная сила была использована во зло, — старый худенький лорд задрал вверх подбородок, отчего жилы на сморщенной шее резко обозначились. Он был похож на древнюю и мудрую рептилию. Он замолчал, медленно обвел глазами зал.

— Можно ли остановить бешено вращающийся маховик? — тихо спросил престарелый философ. — История — это маховик, это спиральная галактика с крутыми ветвями витков. Биотоза пришла по воле случая в наш мир. Но случайность — это проявление необходимости. Взорвав биотозу, мы не избавимся от нее, как не избавились от водородных бомб, перестав их испытывать. То, что приходит в мир, не уходит из него, прежде чем исчерпает себя до конца. И биотозе тоже еще суждено претерпеть свою мучительную эволюцию.

Я только что ознакомил вас с историческим документом. То было грозное время, когда человечество стояло на грани катастрофы. Но разве могло бы оно в тот момент повернуть назад и вычеркнуть из памяти годы напряженного труда и поисков? Потомки выживших и переживших пикадон* хранят память о небе, превратившемся в кратер, о людях, улетевших со светом и превратившихся в тени. Люди не ответственны

* Весь комплекс последствий взрыва атомной бомбы. (Япон.).

за прошлое, но, живя в настоящем, они творят будущее. Какое бы решение вы ни вынесли, помните, что творите будущее своих детей.

В наступившей тишине можно было уловить, как поют электронные машины. По их панелям перебежали разноцветные огоньки, группировались в созвездия, рассыпались, творя торопливую и бесстрастную игру.

Выступление Эрика было, пожалуй, самым коротким:

— Мы не имеем права сейчас физически уничтожить биотозу, потому что никто не может предсказать последствий такого акта. Мы связаны с Душой Мира обратной связью, и гибель биотозы может вызвать серьезное психическое потрясение всего человечества. Поэтому путь к ликвидации нежелательного влияния биотозы проходит через длительное исследование свойств и характера развития этого биологического образования.

...Эрик взглянул на часы. Перерыв кончился. Пора было возвращаться в зал. Он встал и, прихрамывая, зашагал к подъезду.

ГЛАВА IX

Эрик устал. Устал от советов, заседаний, совещаний, прёсс-конференций.

Надоела лающая, воркующая, шелестящая речь иностранцев, осточертела большая дионная люстра во Дворце науки. Ее методичное покачивание нагоняло на Эрика центробежную дремоту: все вокруг раскручивалось быстрее и быстрее, пока не уносилось прочь, и Эрик оставался один в пустом темном зале. В такие минуты только гулкий бас Ермолова мог извлечь его из сонного оцепенения.

И все же они приняли, наконец, решение. Пожалуй, они сделали все, что могли. Но именно это, по мнению Эрика, было плохо. Они изложили свое решение на трех печатных листах и постарались ничего не упустить. Главный вывод был: отыскать путь

к ликвидации биотозы. Правда, делать это рекомендовалось лишь после предварительного исследования свойств и особенностей удивительного полимера, но так или иначе биотоза была признана объективно вредной. В специальную международную комиссию вошло около тысячи биологов, химиков, физиков, философов. Эта армия с трудом понимавших друг друга людей должна была подробно изучить биотозу и все возможные социальные, экономические и психические аспекты ее существования.

Эрик только головой покачал, когда впервые увидел комиссию в полном составе. Зал был наполнен старыми и молодыми, лысыми и кудрявыми, черными, белыми и коричневыми людьми. «Большому кораблю — большое плавание, — подумал Эрик, — правда, тихим ходом...» Эта мысль не выходила у него из головы во время затянувшихся выступлений по различным мелким организационным вопросам. Когда очередь говорить дошла до него, Эрик сказал:

— Мы потеряли слишком много времени на оценку ситуации. Боюсь, что это необратимо. Биотоза развивается, и темпы ее развития не имеют прецедента. Она растет, увеличивается в объеме, совершенствуется. Процесс ее развития не прекращается ни на минуту. Статистические данные показывают, что расстояние, на котором реализуются ЭВН, уменьшается, а сила ЭВН возрастает. Это значит, что излучатель, в данном случае биотоза, все точнее и сильнее возвращает сигналы, полученные от людей. Развитие биотозы, как показал опыт, идет скачками. Каков будет следующий скачок, трудно представить, он может быть самым неожиданным. Поэтому мы должны постараться возможно быстрее провести намеченные исследования. Мы должны либо найти способ изолировать биотозу, либо применить обычные... средства ликвидации.

Речь Эрика, казалось, произвела определенное впечатление. Но затем последовало тридцать выступлений, в которых поддерживалось его предложение ускорить исследование, и он решил сбежать от этой говорильни.

Он жил возле бассейна. Из распахнутого окна была видна тонкая пленка, натянутая на алюминиевые штоки. Сквозь нее просвечивали зеленая морская вода, белые камни искусственного пляжа, загорелые тела купающихся. По утрам Эрик усаживался на подоконник и усиленно тер электромассажной щеткой свое распухшее колено. Кожа на сгибе ноги отливала багряным румянцем. Видеофон был давно отключен от сети, и можно было не торопясь предаться приятной операции массажа. Ласково-успокаивающе пофыркивал моторчик: «Дж-дж-дж...» На уровне окна пролетали пестрые автолеты, за их стеклами мелькали веселые загорелые лица. Мальчишка внизу бросил камешек в открытое окно первого этажа и прятался теперь в чахлом скверике от гнева полной раскрасневшейся женщины.

Жизнь шла обычной чередой. Казалось, что никто и не думает о биотозе. Даже он последнее время думал о ней реже. Биотоза стала чужой, она была раздета, и ее наготу созерцали тысячи посторонних глаз. Не то чтобы Эрик был тщеславен и ревнив, но почему-то ему было неприятно думать о биотозе. Словно биополимер в чем-то не оправдал возложенных на него надежд, провалился на каком-то очень ответственном экзамене.

Иногда Эрик заходил к отцу Сергея. После исчезновения сына Арефьев-старший не очень изменился, только немного потускнел. Они молчали, пили кофе, курили. Иногда Эрик рассказывал о работе комиссии, о биотозе. Арефьев-старший курил трубку, покачивал головой, и было непонятно, согласен ли он с тем, что говорит Эрик, или, наоборот, осуждает.

Эрика вызвал к себе Ермолов.

— Комиссия готова к вылету в Хокай-Рох, — сказал он.

Эрик кивнул.

— Вы поедете с первой партией.

— Хорошо.

В радостном настроении он вернулся домой. От тоскливых состояний и раздумий не осталось и следа.

Он приехал в аэропорт рано. День был холодным

и серым. Пластиковые плащи членов комиссии отливали серебром и чернью. Но настроение у Эрика было отличное. Резкий сырой воздух казался ему бодрящим напитком, спутники — милыми славными ребятами.

Ермолов, провожавший и напутствовавший ученых, нахмурился, заметив возбуждение Эрика, и сказал:

— Только не зарываться. Не будьте легкомысленны.

Распрощались они сердечно. Автолеты поднялись в воздух...

Хокай-Рох напоминал укрепленный район времен последней мировой войны. Эрик громко расхохотался, когда увидел окруживший биотозу глубокий бетонированный ров, провололочные заграждения, радарные установки, походившие на аэропланы первых лет авиации.

— У вас специализированное воображение, — сказал он коменданту этого лагеря Хохрину. — Неужели вы думаете, что биотоза может куда-нибудь сбежать?

— Чтобы предотвратить возможную агрессию... — пролепетал смущенный толстячок.

Он был когда-то директором одного крупного зоопарка. Для Эрика навсегда осталось тайной, как такому человеку поручили организацию обеспечения первых научных исследований биотозы. Возможно, у кого-то деятельность биотозы ассоциировалась с поведением диких медведей. Но нельзя же основывать административную деятельность на таких шатких логических связях!

Первая партия исследователей состояла из ста двадцати ученых. Из них человек пятнадцать Эрик знал по имени, человек двадцать — в лицо, с остальными был не знаком и никогда ничего о них не слышал. Но его знали все, и это до некоторой степени облегчило положение.

— Где все они разместятся? — спросил он у Заозерского, молодого известного биохимика, назначенного руководителем первой партии.

— О, не беспокойся! Все подготовлено. Смотри, — он указал на строения, разместившиеся у подножья биотозы. Эрик не узнал биостанции, на которой они с Сергеем пережили столько волнующих минут. Здание было достроено и ввысь и вширь. Теперь это был целый институт. Во дворе громоздилось множество легких построек, увенчанных антеннами и трубами вентиляционных установок. Заглянув в окно такого строения, Эрик обнаружил там лаборанток в белых халатах, микроскопы и рентгеноаппараты. Эмалированные и хромированные доспехи науки салютовали своему полководцу. Эрик с осуждением поджал губы, но ничего не сказал.

Приезжие побросали элегантные чемоданы, саквояжи и ящики с оборудованием и бросились к биотозе. Эрик с Заозерским немного отстали и медленно пошли вдоль рва. Эрик шел, смотрел и думал, что биотоза, пожалуй, мало изменилась с момента их последнего свидания.

Разве что запах стал чуть резче. Что это за газ? Интересно, догадались ли они исследовать его состав?

— Душа Мира... — донеслось до него, — великолепно...

Эрик с удивлением посмотрел на Заозерского. У того влажно блестели глаза, бледное лицо выражало неподдельное восхищение.

Биотоза была действительно прекрасна. Великолепный гигантский цветок лежал на земле, раскрыв упругие лепестки навстречу небу. Он горел холодным мерцающим огнем. И этот огонь был живым.

«Они все полюбили биотозу, — подумал Эрик. — Они все ее полюбят. Ведь она так хороша. Но... как сказал этот толстяк, директор зоопарка, мы все живем здесь как на вулкане».

Он внимательно всмотрелся в биотозу и внезапно понял, в чем она изменилась. Его опасения были не напрасны. Биотоза не только выросла. Она изменилась качественно. Исчезли рыхлые неопределенные комковатые участки, затянулись темные провалы на ее склонах. Очертания Души Мира приобрели предельно четкую форму цветка. В ней не осталось ни-

чего лишнего, казалось, наступил момент полной гармонии содержания и формы.

После осмотра биотозы ученые возвращались притихшие и смущенные. Всем ясно стало, что действовать нужно осторожно и обдуманно. Очень осторожно.

— Этот комендант не такой тюфяк, как нам показалось с первого взгляда, — сказал Заозерский, рассматривая протоколы наблюдений. — Он не сделал ни одной глупости по отношению к биотозе. А это уже умно.

— Так что же получается, все эти рогатки и барьеры сделаны им для защиты биотозы от людей, а не наоборот? — спросил Эрик.

— Точно. Он охраняет биотозу от птиц и грызунов, от насекомых и паразитов. В засушливые времена он даже... поливал ее.

— Вот как? Кто же его надоумил?

— Собственная инициатива; впрочем, лучше спросить его самого.

Заозерский соединился с комендантом.

— Петр Михайлович, кто вам посоветовал поливать биотозу?

— Да знаете, так как-то спокойнее, а то, когда она на солнце сохла, больно на душе муторно становилось. А так и ей свежо и людям легче.

— Понятно. Благодарю вас.

Эрик и Заозерский переглянулись. Эрик улыбнулся, а биохимик только вздохнул.

— Ладно, посмотрим, что здесь наука наработала.

В течение пяти часов партия Заозерского обрабатывала данные, полученные небольшой группой ученых, поселившихся на Хокай-Рох еще до приезда первой партии. Ими руководил советский биофизик Титорский. Они успели собрать огромный материал по исследованиям свойств биотозы. Но их работа проходила как бы вокруг чего-то главного. Может быть, потому, что комендант не разрешил поставить ни одного прямого опыта на полимере. Он свято соблюдал семнадцатый параграф временной инструкции по обращению с биополимером, в котором категорически

запрещалась постановка экспериментов. Причем самое удивительное заключалось в том, что, когда Эрик просмотрел инструкцию, такого параграфа там не оказалось.

— Титорский значительно облегчил нашу задачу. Нам не нужно проводить кучу нудных экспериментов. Завтра установим приборы и сразу приступим к основному, — сказал Заозерский.

Благодаря работе группы Титорского им не пришлось изучать динамику изменения объема, фотографировать флуктуации свечения биотозы или определять интенсивность газообмена. Заозерский смог сразу же приступить к исследованиям биопотенциалов, возникающих в полимере. Опыт был простым. Восемь серебряных пластин с припаянными проводниками накладывались на разные участки биотозы. Для более плотного контакта на каждую пластину помещался небольшой груз. Эрик, устанавливавший электроды, немного волновался. Но все сошло отлично.

Вся измерительная аппаратура была установлена за бетонированным рвом. Эрик сильно устал, ползая по скользким лепесткам биотозы.

Отирая лоб, он сказал Заозерскому:

— Страшная это штука, биотоза!

— Почему? — удивился Заозерский.

— Так. Страшная...

Они помолчали. Каждый о своем. Однако раздумывать было некогда. Эксперимент показал, что биотоза живет интенсивной электрической жизнью. Величина токов для материалов подобной структуры оказалась необычайно большой.

— В живой материи не может быть таких токов, — сказал биофизик Суренога, разглядывая снятые с потенциометров кривые.

— Такое впечатление, будто в ней проложены медные провода и по ним пропускается ток, — добавил кто-то из присутствующих.

Феномен аномальных биотоков заинтересовал ученых, и они углубились в его детальное изучение. Хохрин ходил вокруг биотозы, следуя за очередным ис-

следователем, закреплявшим серебряные пластинки на поверхности полимера.

— Ради бога полегче! — кричал он снизу и морщился, словно электроды касались его обнаженного сердца. — Эй, вы, товарищ, мистер, господин! Не нажимайте так сильно!

Эрик углубился в обработку данных. Картина была интересной, но непонятной. Заозерского интересовал вопрос, как можно связать биотоки Души Мира с «эффектом взаимонаводки». Несмотря на большой статистический материал, эта связь оставалась неразгаданной, если она вообще существовала.

— В чем дело? — спросил у Эрика Заозерский.

Они стояли на террасе и наблюдали, как итальянцы играли в пинг-понг. Самым резвым оказался шестидесятилетний профессор Терма. Он вел двенадцатую партию без поражений.

— Нужно решаться, — ответил Эрик. — Сначала анализ, потом синтез. Биотозу нужно анализировать. Ее нужно резать. Только поняв структуру этого полимера, можно надеяться, что мы поймем его функции. Все остальное — пустая возня.

— Но ведь уже была попытка? И кажется неудачная?

— Да, попытка была. Но... там были особые обстоятельства. Арефьев мог в конце концов ошибиться.

— Это, наверное, очень опасно, — заметил Заозерский.

— Я тоже это чувствую, но никак не могу понять почему. В конце концов чем это может повредить нам, людям?

Вопрос остался без ответа. Заозерский молчал.

— Чем это может повредить всем людям и нам в том числе? — говорил на вечернем совещании Норка Дерди, венгерский химик и философ. — Мы должны попробовать. Если биотоза ставит эксперименты над людьми, почему человек не может ответить ей тем же? Имеем мы право на эксперимент или нет?

— Дело не в праве, — возразил Заозерский. — Речь идет о возможных последствиях активного воз-

действия на биотозу. Разве мы знаем, с чем имеем дело?

— Заколдованный круг! Для того чтобы узнать биотозу, нужно ее анализировать. Но, для того чтобы анализировать, нужно знать, что такое биотоза! — рассмеялся Суренога. Разгорелся спор. Эрику вспомнились бесконечные дебаты во Дворце науки.

— Завтра мы попытаемся взять пробу, — внезапно сказал он.

Это было неожиданно для него самого. Но авторитет создателя Души Мира был для всех непререкаем. Заозерский с интересом посмотрел на Эрдмана.

— Этот опыт имеет два аспекта, — сказал Эрик. — Во-первых, чисто научный. Нужно знать, что представляет собой сейчас биотоза. Во-вторых, социальный. В этом случае речь идет о пресловутой самостоятельности биотозы. Действительно ли она способна на самооборону, сопряженную с опасностью для людей, или она, попросту говоря, всего лишь медуза, функции которой связаны с гоносферой. Мы должны проверить.

Категорическое заявление Эрика вызвало сначала недоумение, а затем бурную дискуссию. Но Эрик знал, что его слово сняло ответственность со всех присутствующих ученых, в том числе и с руководителя партии Заозерского...

Под утро, задолго до рассвета, Заозерский зашел в комнату Эрика. Молодой ученый сидел перед открытым окном и смотрел на светящуюся громаду биотозы. Одеяло на постели Эрдмана было нетронуто.

— Волнуешься? — спросил Заозерский.

— Нет, — спокойно сказал Эрик. — Вспоминаю. Оказалось, есть что вспомнить...

Запах дыма сигареты Эрика смешивался со свежим воздухом утра, плывущего в окно.

— А что Арефьев? Его так и не нашли? — неожиданно спросил Заозерский.

— Нет.

— А в чем там дело? Я ведь знаю только по слухам о ваших... зловключениях.

Эрик молчал. Было видно, что ему трудно говорить.

— Не подумай, что я любопытствую... — заметил Заозерский.

— Я не думаю, — быстро прервал его Эрик. — Просто так вышло. Сережа... он был очень неровный. Очень сильный и очень слабый. В той ситуации, в которой он оказался, удары пришлось по его слабым местам.

Эрик помолчал, потом тихо заметил:

— Мне иногда его здорово не хватает. Хотя в последнее время мы сильно не ладили, но он...

Эрик не досказал, Заозерский вежливо помолчал.

— Так как же наш сегодняшний эксперимент? — бодрым голосом сказал Заозерский. — Может, отложим?

Эрик посмотрел на него.

— Нет, — сказал он, подумав. — Надо действовать. Все равно этот эксперимент неизбежен.

Надо действовать!

...Операцию должен был произвести робот АИ-27. Маленький легкий автомат напоминал школьный ранец, помещенный на узкие металлические гусеницы. Ученые у пульта управления, установленного прямо в поле, со смешанным чувством тревоги и надежды наблюдали за движениями робота. Когда он тронулся, Эрик поднял руку, словно хотел остановить машину, и тут же смущенно опустил ее. Оператор, передававший команду, с удивлением посмотрел на Эрдмана и отвернулся.

Машина легко катилась по пыльной дороге, блестящая хромированными суставами металлических рук. Тусклое солнце лоснилось на ее оранжевом колпаке. «В Москве сейчас уже глубокая осень, — неожиданно подумал Эрик, — листопад. А здесь лето в разгаре».

Он оглянулся по сторонам, словно боясь, что кто-нибудь услышит его мысли. Но все молча наблюдали за движением робота. Здесь собралась почти вся партия, прилетевшая из Москвы, да еще кое-кто из обслуживающего персонала.

— Лезет, чертяка! — пробормотал Хохрин.

Автомат вскарабкался на биотозу и легко заковылял по затейливым узорам полимера. Машина добиралась до участка, намеченного программой. Для проверки было выбрано место с самой высокой интенсивностью биотоков.

«А где же Кармин? Где доктор? — вдруг подумал Эрик. — Ах да, он должен прибыть со второй партией, вместе с Ермоловым».

— Даю команду, — глухо сказал оператор и нажал клавиш. И тотчас упал со своего круглого сиденья.

Эрик сначала услышал крик, затем ощутил боль. Но перед тем как пришла боль, была доля секунды, миг, в течение которого он успел увидеть, как падали и бежали стоявшие рядом с ним люди. Искривленные лица, развевающиеся белые халаты, искривленные в судороге тела застыли, повисли в воздухе в странных, причудливых позах. Вот Терма рвет на себе воротник, вот Заозерский, широко раскрыв рот, кричит пронзительно и тонко. Хохрин крупными заячьими прыжками унесся в степь.

Затем нахлынула боль. Эрик упал, потом встал, снова упал. Теперь он уже никого не видел. Когда он дополз до пульта, в глазах его была мгла, которая дробилась на тысячи солнечных брызг. Некоторое время Эрик не мог найти нужный клавиш. Он ударил сразу по всем кнопкам. Робот должен был взорваться, но Эрик уже не слышал, как это произошло.

Он был без сознания не больше двух минут. Еще не успела осесть пыль, поднятая ногами бежавших. Робота на биотозе не было. Эрик встал, опираясь на металлические поручни пульта. Кто-то стонал. Эрик увидел, как, крихтя и охая, поднимается оператор. Из степи возвращались ученые, усталые и грязные. Двое несли на руках тело старого итальянца.

— Терма умер, — печально сказал Хохрин.

Эрик велел положить профессора на землю. Послушал сердце — оно не билось.

Один за другим ученые уходили на станцию. Никто ничего не говорил. Приехали рабочие и увезли пульт

на низкой широкой платформе. Эрик рассеянно смотрел вслед машине. Он чувствовал себя неплохо, совсем хорошо, в его теле не осталось и следа недавней мучительной боли. Он думал о том, что ему пора ехать. Четкое и ясное желание уехать всецело завладело им. Он с удивлением оглянулся по сторонам. Что он здесь делает? Ведь он подводит коллектив отличных людей. Им так нужен биохимик! Ему нужно немедленно ехать. Он заторопился на станцию, на ходу снимая с себя халат.

На станции царило оживление. Научные работники, лаборанты, механики и рабочие с озабоченным видом сновали по двору, готовясь в дорогу. В вестибюле станции громоздились чемоданы и саквояжи всевозможных окрасок. Откуда-то появились совершенно незнакомые люди и, уложив тело профессора Термы в цинковый гроб, увезли его с собой. Соотечественники профессора проводили товарища до автолетней стоянки и, вернувшись, с удвоенной энергией стали собирать свои вещи.

Эрик уже кончил укладываться, когда пришел Заозерский. Он долго наблюдал за торопливыми и точными движениями Эрика и молчал.

— Я остаюсь, — внезапно сказал Заозерский.

— Здесь?

— Да.

Эрик молча запер чемодан и затянул ремни.

— Ну, счастливо, — сказал он, пожимая руку Заозерскому.

— Я рад был познакомиться, — сказал тот.

Когда Эрик выходил, Заозерский окликнул его:

— Послушай!

Эрик вернулся.

— А ты бы не хотел...

— Остаться с тобой?

— Ну да, — Заозерский поморщился и погладил горло рукой, точно что-то мешало ему дышать.

Эрик улыбнулся.

— Ты шутишь? Меня же ждут!

Заозерский рассмеялся.

— Ну да, конечно. Поезжай. Я пошутил.

Машин не хватало, и на автолетной стоянке образовалась толпа. Люди курили, смеялись, болтали. Когда подлетел очередной автобус, никто не тронулся с места. Машина пришвартовала к стойке, двери распахнулись, и водитель сказал:

— Пожалуйста, садитесь.

Тогда из толпы вышла группа людей и не торопясь двинулась к трапу. Эрик посторонился, пропуская их. Он знал, что им надо возможно быстрее уехать из Хокай-Рох. Их ждали еще сильнее, чем его.

— Следующий — через двадцать минут, — сказал рядом молодой веселый голос. Это был Суренога.

— Вам далеко? — спросил Эрик.

— Домой, в Бухарест.

Когда подошел следующий автолет и Эрик садился в него, кто-то внезапно сказал, указывая на горизонт:

— Смотрите, что это?

Громада Души Мира лежала на земле в лучах вечернего солнца тяжелым черным облаком.

— Как что? — удивился Эрик. — Биотоза!

После приезда в Москву Эрик, не заезжая на старую квартиру, отправился в Кунцево. Он шагал по широкой оживленной магистрали, ярко освещенной лампами солнечного света. Проспект назывался Лунным и вел к Москве-реке. Не доходя до широких мраморных ступеней, спускавшихся к набережной, Эрик повернул к высокому зданию, спрятанному в глубине темного двора. Огромные окна на всех этажах здания наливались ровным молочным светом.

Эрик оставил свой чемодан в вестибюле и поднялся на третий этаж. В большой светлой комнате его уже ждали люди в белых халатах. Молодая женщина провела его в комнату, сверкавшую снежной белизной умывальников, зеркалами и никелированными кранами. Эрик довольно долго мыл руки, потом смазал их йодом. Когда он был готов, его одели в костюм, в котором незащищенными остались только глаза, и повели по длинному коридору.

— Это больной? — спросил Эрик, указывая на продолговатый предмет, накрытый простынями.

— Да.

Через пятнадцать минут Эрик сделал экспресс-анализ опухоли. Она оказалась доброкачественной. Эрик вышел из операционной. Хирург начал сращивать рассеченную ткань.

Эрик шатался от усталости, и ему не хватило сил отбиться от какой-то женщины, которая набросилась на него в вестибюле. Она лепетала слова благодарности, по щекам ее текли слезы. Эрик сел в кресло и с удивлением посмотрел на нее.

— Зачем вы все это говорите? Я выполняю свой долг, да и, кроме того, не я ведь делал операцию.

Женщина подошла и сказала:

— Мне хотелось, чтобы вам было приятно. Но...

Она как-то потускнела и забилась куда-то в угол.

Эрика отвезли на отведенную ему квартиру. Ему очень хотелось спать, и сквозь сладкую дремоту он видел, как рождается прозрачный осенний день. Люди озабоченно торопились к своим машинам. Эрик провожал глазами яркие пятна их одежды, он видел голубой блеск луж и слышал веселый свист обгонявших машин. Он слышал дыхание своего провожатого, и чувство покоя, глубокого удовлетворения охватило его. Скорее даже, это походило на уверенное ожидание радости.

Квартира Эрика была небольшой и удобной. Эрик почти мгновенно заснул на огромной постели.

С этого дня жизнь Эрика потекла удивительно равномерно и однообразно. Но он, казалось, не замечал, что ему должно быть скучно. Каждый день он ходил на работу. Присутствовал при операциях, анализировал препараты и с каждым днем делал это все лучше и лучше. Дома вечерами он много работал над книгами по медицине и многому научился, встречался со многими людьми, занимался спортом, ходил в театры. Родителям своим, жившим в Одессе, он регулярно отправлял магнитофонные телеписьма. От них приходили спокойные назидательные ответы. Ему доставляло большое удовольствие, вставив магнитную пленку с телеинформацией в аппарат, смотреть на

лица отца и матери, слышать их голоса. Старики, как всегда, были чем-то обеспокоены и хотели оградить любимого сына от всяких действительных и мнимых невзгод. Эрик стремился утешить их, подробно рассказывая о своей работе, о диссертации, которую начал писать. Успехи Эрика на работе были значительны. Он разработал новые оригинальные методы диагностики и чувствовал, что каждая победа пролагает путь к другим, еще более блистательным.

Как-то произошло событие, которое на время всколыхнуло его будничное спокойствие. Однажды ночью, перед самым рассветом, он вскочил с постели в страшном возбуждении. Быстро оделся и выбежал на улицу. Неделью назад выпал первый снег, но было тепло, снег подтаял. В темноте на сером фоне сияли черные раны луж. Дул сильный влажный ветер. Огни солнечного света, притушенные на ночь, горели неверным тусклым светом. Где-то над крышами высоких домов неслись рваные дымные облака, напоминавшие грязные тряпки.

По улице бежали люди. Их было много, этих молчаливых черных фигур, кое-как одетых, но они не толкались, не мешали друг другу. Они спешили деловито и целеустремленно. Человеческая толпа быстро скатывалась вниз по мраморным ступеням.

Эрик увидел багровый отсвет. На набережной горело большое многоэтажное здание. Эрик знал эту образцовую школу-интернат. Вскрикнув, он бросился бежать к школе.

— Меня не удивляет, что мы спасли детей, — говорил Эрик на другой день кому-то из соседей. Он пристально рассматривал свои изодранные в клочья домашние туфли. — Но... почему я не простудился, а? Девять часов с мокрыми голыми ногами...

--- Нервное возбуждение. На войне не бывает насморка.

— Так-то оно так, — протянул Эрик, — но хотя бы легкая ангина должна быть, а?

До этого случая ему часто хотелось уйти в серый зимний парк и долго бродить по холодным и мокрым аллеям. Может быть, он сидел бы на набережной

и смотрел, как спит свинцовая Москва-река, закованная в красный гранит. Может быть, он стоял бы на новом мосту, и электробусы, проезжавшие мимо, дышали б на него горячо и торопливо. Может...

Но теперь ему захотелось ощущения резкого и неожиданного. Вид бланков экспертизы, почерк главврача вызывали в нем смятение. В нем возникло ощущение смутное, как сон, зыбкое, неустойчивое, неверное. Зубная боль сердца, она накатывала волнами и уходила, оставляя сожаление и ожидание нового приступа.

Эрик торопливо вышел из больницы. На улице автопогрузчики собирали снег. Грязный асфальт, похожий на растерзанную шкуру леопарда, блистал тысячами бриллиантовых блесков. В солнечных лучах красным фонарем горел чудом уцелевший дубовый лист. Эрик слышал, как в хаосе звуков проскакивает знакомая мелодия. Просвистели один за другим три автолета. Не то! Кто-то похвалил погоду и щелкнул замком, складывая сферический зонтик. Не то! На углу проспекта Чернышева стояли корзины с яблоками. Они пахли тонко, неуловимо, влекуще. Но и это было не то!

То была мелодия, безнадежно потерянная в рокоте и запахах толпы, в шуме города, в блеске неба...

Внезапно Эрик увидел дверь. Вернее, здание, а в ней дверь. Она помещалась как раз между Большим универсальным магазином и стоянкой прогулочных автолетов. Здания эти были блестящие и современные, а дверь — старая и невзрачная, безнадежно отсталая дверь. Вдобавок ко всему над ней висела надпись, сделанная масляной краской и покрытая стеклом. Это было уж совсем смешно и трогательно. Короткая незатейливая надпись «Кафе «Сардинка». Эрик толкнул дверь и вошел. Несколько шагов по ступенькам вниз, и через узенький проход он попал в большое полутемное помещение. На забранных решетками окнах неподвижно повисли длинные тонкие шторы с рисованными от руки рыбами, креветками, морскими звездами. Эрик присел за столик и осмотрелся вокруг. Зал был оформлен в виде грота на мор-

ском дне. По стенам ползали лангусты, у ног колыхались водоросли, в которых плутала мелкая морская живность. На выходе из грота расплывалось зеленоватое сияние — там, как призрак, застыл буфет, похожий на потонувший корабль, обросший ракушками, затянутый илом. Из угла комнаты слышалась прозрачная стеклянная музыка. Ломались хрупкие сосульки, дробился свет в гранях белого кристалла. Эрик был один в этом странном помещении, и ему стало немного жутко.

Он привстал со стула.

— Не уходите, я сейчас, — раздался негромкий голос.

Над входом вспыхнул свет, и рисованный осьминог зашевелился. Маленький человечек, белый, седой, с сероватой кожей лица, подплыл к Эрику.

— Что вам угодно заказать?

Тон человечка был нежный и умиленный. Что-то просящее и ожидающее заключалось в его голосе. Мелодия прошлого, мелодия забвения снова зазвучала в ушах Эрика. Из руин, обломков и пепла нужно было восстановить что-то очень знакомое и дорогое. Это была мучительная противоестественная работа. Настоящее самоистязание.

— Ладно, — наконец сказал Эрик. Он взмахнул рукой, словно этим движением можно было прогнать мысли. — Принесите бутылку коньяку.

Человечек радостно взметнулся. Его синюшные щечки заалели, глаза благодарно расширились. И он исчез.

Эрик с некоторым удивлением посмотрел ему вслед. Тот своей энергичной экспрессией нарушил мир задумчивых покачиваний и шевелений на льняных волнах. Но, может быть, так и полагалось поступать в этом Синем гроте, который почему-то называли «Сардинкой»?

— Пойдемте, — человечек коснулся локтя Эрика.

— Куда?

— Туда, где вы будете пить, — он указал на заросший ракушками корабль.

Эрик поднялся и прошел через зал. На корабле оказался искусно декорированный бар. Эрик сел на высокий стул, бутылки и рюмки стояли прямо перед ним, на стеклянной доске стола.

— Я отлучусь, — сказал беленький человечек, — а вы можете начинать. Здесь найдется все для самого изысканного вкуса. Благодарю вас.

Он прошел через заднюю дверь бара и скрылся в темном коридорчике. Эрик взял бутылку в руки. Она была пыльной и грязной. Эрик осторожно провел по ней пальцем. Этикетка осыпалась темным коричневым порошком. Эрик открыл бутылку ржавым штопором и налил в рюмку золотисто-коричневую жидкость. Он выпил подряд три рюмки, закрыл бутылку и поставил ее на прежнее место, среди таких же грязных и старых бутылок.

Кто-то вошел в зал. Шаг его был размашистым и легким. Такой человек, вероятно, привык много ходить. Эрик услышал глубокое сильное дыхание. Новый посетитель сел у стойки рядом с Эриком. Уверенным движением он взял одну из бутылок и налил в стакан бесцветную жидкость. Эрик рассматривал его профиль, и мелодия утраченного прошлого загремела в нем, как набат. Выпив, незнакомец повернулся к Эрику и сказал:

— Тебя раньше здесь не было. Откуда ты взялся?

Эрик не сводил глаз с его лица, ему казалось, что сейчас остановится сердце.

— Что же ты молчишь? — сказал незнакомец и потянулся за следующей бутылкой. Этот жест был небрежным и грубым.

Эрик, глядя ему в глаза, пробормотал:

— Я тебя знаю.

Незнакомец внезапно успокоился и, с интересом рассматривая Эрика, сказал:

— Вот как... Хотя почему бы и нет? Мы все сейчас знаем друг друга. Но скажи, как тебя угораздило забраться в эту дыру? Ее же никто не замечает?

Напряжение Эрика ослабело. Мелодия утихла, она не умерла, нет, но звучание ее стало слишком слабым и далеким.

Незнакомец улыбнулся.

— Вижу, что случайно. Бывает, — отрывисто сказал он. — Меня зовут Капитаном, и я хожу сюда почти каждый день.

— Зачем? — спросил Эрик.

Капитан подумал.

— Я хожу сюда затем, чтобы понять, почему я сюда хожу. Это смешно... глупо. Наконец просто софистика, элементарная тавтология. Но... именно в этом вся суть. Когда я пойму это, я пойму все остальное.

Эрик мучительно сжал виски руками.

— Но почему же... ты мне кажешься таким знакомым? Капитан, скажи, а кем ты был... Как твое имя?

— Мое имя... Сергей Арефьев. А зачем оно тебе, разве оно тебе о чем-нибудь говорит?

Эрик покачал головой.

— Нет.

— То-то и оно. Я дорого бы дал, чтобы встретиться с человеком, который меня знает.

Из-за ракушек и снастей показался беленький старичок. Он приблизился к стойке и спросил:

— Довольны ли мои посетители? Хорошо ли вам?

— Ладно, ладно, — прервал его Капитан, — ступай.

Старичок медленно поковылял прочь.

— А тебя как зовут?

— Эрик Эрдман. Зачем ты с ним так?..

— Эрик... Эрдман, — повторил Капитан, покачивая рюмку в пальцах. — Да, это имя мне знакомо, как знакомы имена Дон-Кихот или Эйнштейн. Но в отличие от последних я не наполняю его никаким содержанием. Оно пусто, как эта рюмка.

Он еще подумал и тряхнул головой.

— Нет, не знаю я тебя, не знаю. А посему давай выпьем за наше знакомство!

— Нет. Я больше пить не буду.

— Ну как хочешь, а я выпью.

Карабичев считал, что с него довольно. Он хотел только одного — попасть поскорее в Москву. Он торопил и подгонял врачей, словно они могли ускорить заживление его раны. Ему удалось настоять на своем — его выписали раньше срока. Это была ошибка.

Первый же прохладный вечерний бриз свалил Карабичева с ног. Андрей был доставлен в уже знакомую больницу с двусторонним воспалением легких. Денег почти не оставалось, и за него платил Риоли. Этот высокий хладнокровный человек среди своих многочисленных занятий находил время регулярно посещать Карабичева.

Когда Андрей, начиненный антибиотиками по самую макушку, понемногу оправился, Риоли стал приносить ему, кроме фруктов, еще и новости из Большого Мира. Так Карабичев узнал о рождении Души Мира, о ее творцах, о чрезвычайно срочном конгрессе ученых, посвященном биотозе. Риоли приносил ему фотографии Хокай-Рох, показывал портреты Арефьева и Эрдмана, перепечатанные местным листком из советских, английских и немецких газет.

Карабичев был еще слишком слаб, чтобы разговаривать, но он с восторгом слушал неторопливую речь сеньора Риоли.

— Я ошибся, конечно, — говорил профессор, — но не в этом дело. Появление этого изобретения не случайно. Ведь при создании биотозы были преодолены тысячи препятствий, не правда ли?

Карабичев кивал головой.

— А следовательно, ее возникновение в какой-то мере не случайно, а необходимо, не правда ли?

Карабичев молчал.

— Вы, наверное, со мной не согласитесь, но я даже скажу, что оно предопределено, — голос Риоли прозвучал неуверенно.

Карабичев улыбнулся.

— Предопределено всем ходом развития человеческого общества. Биотоза была нужна людям — и она появилась. Когда-то людям была нужна паровая

машина, и они ее изобрели, не правда ли? А сейчас люди ставят эксперимент по проблеме «человек-общество».

Карабичев рассмеялся.

— Как только встану, я вам на все отвечу.

— Буду очень рад. Вам известно мое основное положение? Я повторяю. Для того чтобы наше общество стало человеческим, каждый член его должен измениться и во многом потерять черты человека, во всяком случае так, как мы его понимаем сегодня.

— Я помню, — хрипло говорил Андрей.

Риоли уходил, и Карабичев долго смотрел ему вслед. Он вспоминал их длинный разговор о страшном безногом калеке, который так поразил воображение Карабичева. Риоли убедительно доказал ему, что в этом случае все попытки его что-то понять будут бесплодны. Калека был психически неполноценным, и никакая схема чужого интеллекта и эмоций не могла быть четко отпечатана в этой сумеречной душе.

— Я предполагаю, — сказал тогда Риоли, — что ваша жена раздробилась на несколько... как бы это сказать... осколков. Она передала слепок своей души многим людям, в том числе и этому калеке. Бросьте свои поиски. Возвращайтесь домой. Когда все утихнет, пройдет некоторое время, и материальная основа вашей жены сама восстановит ее прежний моральный и логический облик. Вам нечего беспокоиться. Умейте ждать.

Однажды вечером, когда Андрей уже чувствовал себя совсем хорошо и начинал потихоньку мечтать о выписке, с ним что-то случилось. Он лежал в постели возле окна и со скукой рассматривал узкие длинные листья неизвестных деревьев.

Вдруг он ощутил мгновенную слабость и боль. Он испугался. «Что со мной? Рецидив?» Но боль, ворвавшаяся в его тело, нисколько не напоминала прежнюю унылую ломоту в плече. Эта боль, как волна, накрыла его всего, и он завертелся в ее невидимых вихрях. Потом она медленно соскользнула, оставив во всем теле сладкую размагничивающую негу. Пот, по-

крывший лоб Карабичева, высох, на щеках затеплился румянец. И вдруг Карабичев с ужасом ощутил, что вместе с этой волной боли из него уходит что-то самое важное, самое главное в его жизни. Вместе с ней уплывало его «я»; боль извлекла из каких-то таинственных глубин его сущность. А теперь на больничной койке оставалось лежать нечто, носившее имя Андрей Карабичев, но имеющее к нему самое отдаленное отношение.

«Душа Мира? — мелькнула мысль. — Но почему?» Ужас охватил Карабичева. Он вскочил с постели.

— Я не хочу! — крикнул он.

Голос его прозвучал в пустой комнате глухо и странно. Потом ужас исчез. Карабичеву стало хорошо и спокойно. Разве он болел, разве это он валялся на этой койке больше месяца? Какая глупость! Он должен идти. Карабичев оделся и вышел.

Карабичев вышел из больницы и зашагал по улице. Он знал ее название: Голубая Стрела, голубая — потому что она вела к морю, а стрела — потому что это единственная прямая улица в Бессано. Ему захотелось курить, и он достал спички, но сигареты так и не смог найти. Очевидно, их вынули в больнице. Роясь в карманах, он неожиданно нашел паспорт, машинально открыл его и увидел свою фотографию.

Он вспомнил Марию, свою московскую квартиру, старенький видеофон в передней, институт телепатии, Душу Мира, Ермолова, Арефьева — все в красках, движущееся, живое. Было еще что-то неопределенное, но тоже милое, близкое, волнующее. Карабичев хотел было и это расплывчатое темное воспоминание прояснить, но здесь на него снова нахлынула боль, неистовая, свирепая. Его перекосило, повело на сторону, словно пьяного. Болело все тело, кожа, глаза и даже, казалось, волосы. Скрюченными дрожащими пальцами Карабичев спрятал паспорт и зашагал по Голубой Стреле. С Голубой Стрелы Карабичев свернул на площадь и, обогнув муниципалитет, оказался в просторном старом дворе. Здесь уже было несколько человек, одетых в темные потертые одежды. Стран-

ные фигуры, подозрительные взгляды, быстрые ловкие движения.

Раздались чеканные солдатские шаги, и из темной арки-подъезда появился престарелый священник в сутане, а с ним двое молодых людей с ящиками на плечах. Карабичев подошел. Священник благословил их и начал проповедь. Для Андрея его речь была как сон, она то и дело становилась непонятной.

Священник говорил о высокой миссии, которая выпала на долю присутствующих здесь людей, говорил о добре и мире, в котором живет сейчас человечество, о законе божьем, который стал всеобщим... «И если в это святое время вам поручают такую тяжелую, мрачную работу, верьте — она нужна людям! Те, кого вам придется убивать, отмечены печатью дьявола. Они враги тела и духа человеческого. Пусть ваша рука будет тверда и душа не знает сомненья!»

Разглядывая рядом стоящих, Карабичев подумал, что их душа не знала, не знает и вряд ли будет когда-либо знать, что такое сомнение. Им вручили пистолеты и запасные обоймы. После этого все разошлись, не прощаясь и не оглядываясь.

Карабичев очень хорошо помнил, что ему было приятно держать пистолет в руках, ему нравился блестящий серый ствол и черная рубчатая рукоятка. Но все остальное было подернуто дымкой забвения.

Карабичев не помнил, где жил, когда выбросил ненужный ему пистолет. Время для него остановилось.

Однажды он брел темной кривой улочкой. В лунном свете камни мостовой казались подернутыми масляной пленкой. Из маленького кафе вышло трое высоких мужчин. О чем-то поговорив и посмеявшись, они пожали друг другу руки и разошлись. Самый высокий стал спускаться по лестнице, ведущей к пристани, и скоро растворился в черной тени. Лишь глухо постукивали его подкованные башмаки. Двое других подошли к Карабичеву и спросили у него спички. Карабичев постукал себя по карманам и развел руками.

Внизу прогремел выстрел. Раздался приглушенный стон. Карабичев не успел опомниться, как стояв-

шие около него парни повернулись и побежали туда, где прозвучал выстрел. Карабичев пошел за ними.

Он застал их наклонившимися над тем высоким, который ушел один. Он сидел, прислонившись спиной к ракушечниковому забору. В пятнистой тени листьев было видно, как он крепко зажимал левой рукой плечо.

— Видал, что, гады, делают? А? Готовят фашистский путч... — обратился к Карабичеву один из мужчин. — Эта сволочь терроризирует весь юг страны... Теперь и до нас добрались... Ну, мы им покажем!

— Ему очень больно? — спросил Карабичев.

— Запомни одно, парень. Пока тебе больно, ты человек! — неожиданно сказал сидящий.

Глядя в его искаженное бледное лицо, Карабичев словно прозрел. Ведь этому парню действительно очень больно! Наверное, в тысячу раз больнее, чем ему, Андрею Карабичеву. И он несет свою боль как знамя, как невидимый гордый стяг. Ради чего? Ради борьбы. Вот оно что... Вот он, индикатор сознания. Боль! До тех пор, пока она пронизывает твоё тело, ты сохраняешь сознание, ты мыслишь, ты остаешься самим собой. Сегодня бегство к радости и покою — это шаг к подлости.

Боль — вот твой якорь спасения, Андрей. Держись за нее двумя руками, впечись в нее зубами, не расставайся с ней, иначе... Иначе что-то неведомое закачает тебя на мелких волнах благополучия и самодовольства, и ты перестанешь быть человеком.

Карабичев шел по раскаленным мостовым. «Что я здесь делаю? Кто я?» Страх и страдание смешались в один мучительный клубок.

Все свои последующие переживания Карабичев разделял на две категории: прозрение и забвение. Прозрение сопровождалось приступами боли, доводившей его до головокружения и обморочного состояния. Забвение — сладкой одуряющей ленью. Первое было полно ярких, острых впечатлений. Забвение для Карабичева навсегда осталось загадкой. Это состояние сопровождалось появлением чувства спокойной глубокой уверенности в себе. Оно почти граничило с радо-

стью, но была в нем какая-то муть, неопределенность. Так смотришь сквозь залитое дождем стекло, за которым несутся машины, мелькают прохожие. Струи и капли искажают очертания предметов, уродуют линии и краски, все размыто, размазано, не названо...

В Хокай-Рох, наконец, пришла зима. Снег, липкий, тяжелый, лег на землю и растаял. Снова лег и снова растаял. Горячая живая земля сражалась с холодным небом, и от этой борьбы растекались смолистые речки, в воздух поднимался плотный бирюзовый туман.

— Эк его развезло! — говорил Карабичев своим спутникам, жадным взглядом пытаясь пробить густые клубы серого тумана, заволакивавшего долину.

Спутники молчали. Бледные сосредоточенные мужчины, серьезные женщины, юноши и девушки, заполнявшие этот тяжелый автолет дальнего следования, были погружены в себя, в напряженное состояние ожидания.

— Ничего не видно, — объявил водитель, — идем на посадку вслепую.

Они благополучно приземлились неподалеку от станции. Безмолвное здание мрачно смотрело на них слепым взглядом темных окон.

— А биотозу не видно! — сказал кто-то из прибывших.

— Да, — отозвался Карабичев, — туман сильный. Ну, пойдемте.

Захватив свертки, чемоданы и саквояжи, они зашагали по грязи к станции. Внезапно одна женщина остановилась и воскликнула:

— Смотрите, смотрите!

Она указывала рукой на свеженасыпанный холм земли. По глянцевым бокам его тянулись черные струи воды. На вершине холма была воткнута палка с неумело приколоченной дощечкой.

— Могила... свежая...

Карабичев склонился над могилой.

— Ничего не пойму... тушью от руки написано. Все смыто. Здесь лежит... Нет, непонятно. Ладно, пошли, там разберемся.

Во дворе станции было пусто и неуютно. Двери в дом были распахнуты. На ступенях подъезда валялись обрезки досок, куски проволоки. В углу двора стояло странное сооружение. Оно напоминало большой радиотелескоп. Решетчатый рефлектор диаметром в полтора метра, смоченный мокрым снегом, поблескивал тысячами красных бусинок, расположенных по спирали.

— Да ведь это рубиновые кристаллы! — раздался восхищенный голос. — Интересная штука, только зачем она здесь?

— На ней недавно работали. Смотри, Андрей, вот зачищенные концы, — пожилой мужчина показал на кабель, прикрепленный к распределительному щиту.

— Да, Иван Иванович, и этот провод приведет нас к ним.

Они вошли в дом гуськом. Их встретило молчание, пустые комнаты, запыленное оборудование, плесень на мокрых стенах, сор, обрывки бумаг.

— Вы слышите? — Карабичев остановился, поднял руку. Все замерли. В глухой тишине раздался отдаленный стук. «Так-так-так-так...»

— Движок! Энергия! — Карабичев уверенно пошел вперед.

На втором этаже в одной из комнат горел свет. Карабичев потянул ручку двери на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

В комнате не было окон. Стены и потолок ее были покрыты длинными рядами свернутой спиралью проволоки, на которой раскачивались крохотные рубиновые кристаллики. Всюду в беспорядке валялась радиометрическая аппаратура, приборы, панели с кнопками, батареи. У стен стояли три кровати, на одной из них кто-то спал. Из-под одеяла торчали ноги в грязных фрелоновых носках. В углу комнаты приткнулся письменный стол, за ним сидел человек и писал. Настольная лампа проектировала на стену в виде огромного косматого облака всклокоченную шевелюру. Человек не слышал ни скрипа двери, ни тяжелого, стесненного дыхания. Рука его легко бегала по желтым страницам лабораторного журнала.

Карабичев кашлянул. Человек вскочил. Он был в очках, маленький, небритый, бледный. В глазах его отразился ужас.

— Олег! — хрипло, с отчаянием воскликнул он. Спавший на кровати зашевелился и сел.

— Это кто? — спросил он, удивленно рассматривая Карабичева и его компанию.

— Что вам нужно?! — выкрикнул человек в очках. Карабичев выступил вперед.

— Простите нас за вторжение, друзья. Мы появились без предупреждения... но что поделаешь, нам нужно... хотя, быть может, мы сначала познакомимся?

Олег, оказалось, спал одетым. Он встал, сунул ноги в туфли и сказал:

— Отчего же, давайте знакомиться.

Человек с журналом удалился в угол комнаты. Очки его испуганно поблескивали из-за потенциометра.

— А у вас здесь совсем другая атмосфера, — сказал Карабичев, подходя к Олегу с протянутой рукой. — Как-то легко дышится, свободнее, что ли...

Олег, отпрянув, сделал несколько шагов назад.

— Только без этого! — воскликнул он. — Без рукопожатий! Называйте свою фамилию так!

Карабичев смутился и опустил руку.

— Карабичев Андрей Анатольевич, — покорно сказал он.

Остальные уже вошли в комнату и окружили его.

За прибором послышалось движение. Человек с журналом вышел из своего укрытия и остановился в трех шагах от Карабичева.

— Кем вы сейчас работаете? — спросил он. Голос у него был резким и повелительным.

— Я нигде не работаю, — ответил Андрей.

— Где и кем вы работали в начале этого года?

— В Институте телепатии, старшим научным сотрудником.

— Олег, слышишь, он все помнит! — радостно воскликнул очкарик, обращаясь к Олегу. — Я его знаю.

— Зачем вы сюда прибыли? — последовал новый вопрос.

Карабичев напряженно молчал. Взгляды присутствующих скрестились. Казалось, сейчас сверкнет молния. И она сверкнула.

— Эрик, это вы? — внезапно раздался хриплый бас. Из толпы вышел немолодой седой мужчина.

— Иван Иванович?! — изумился очкарик. — Вы тоже здесь?

— Да, милый, да. Мы совсем нормальные, здоровые люди. Мы помним, мы все помним и понимаем. Правда, это нелегко нам дается. А как ты, что ты...

Голос Ермолова дрожал. Плотина прорвалась, и люди бросились обнимать друг друга. Это были настоящие человеческие объятия. Восклицания, шутки, смех наполнили комнату.

— А мы-то боялись! От нее не таких шуток можно ожидать... Сейчас самому себе не доверяешь, не то что незнакомому гостю.

— А я тебя сразу узнал, да только борода твоя в заблуждение ввела...

— Знакомьтесь: Олег Заозерский, биохимик, единственный устоявший против Души Мира.

— Брось, Эрик, ей-богу, смешно!

— Моя жена, Мария.

— Мы приехали сюда, чтобы разнести твою биотозу в клочья!

— Как?

— Постойте! — внезапно закричал Эрик. Все замолчали. — А каким образом вы здесь? Как? Кто позволил?

Ермолов подошел к Эрику.

— Сначала боль, потом через рефлекс к сознанию. И все равно нелегко. Все время находишься в чертовском напряжении. А у вас здесь нам легче, — ответил Карабичев.

— Это защита, — сказал Эрик, указывая на спирали, усеянные рубиновыми кристаллами. Он помолчал. Потом поднял листки бумаги, исписанные неровным почерком.

— А это план, план атаки...

— Защита? Идея излучателя Арефьева? А где он сам? Так и пропал? — обрушился с вопросами Ермолов.

Эрик сжал челюсти так, что проступили белые желваки.

— Это очень тяжелый и долгий разговор, — сказал он.

— Ну ладно, отложим, если долгий... А ведь я тебя, Эрик, повсюду ищу... Присесть можно? — Ермолов сел на кровать.

— Да, рассаживайтесь, пожалуйста, товарищи. — Эрик смущенно развел руками. — Только у нас негде как будто...

Он обвел взглядом стены, точно видел их впервые.

Все рассмеялись. Легко, свободно, словно радуясь избавлению от какой-то страшной ноши. Впервые за много дней люди не ощущали боли, которой непрерывно подстегивали себя. И впервые за много дней можно было спокойно сидеть рядом с человеком, не опасаясь быть втянутым в неожиданный психический водоворот.

— Понимаете, ребята, какая штука получилась, — Ермолов развязал шарф. — Мы остались без специалистов. После того эксперимента все, кто имел хоть какое-нибудь отношение к биотозе, вышли из игры. Она их блокировала.

— Этого следовало ожидать. — Эрик уже обрел свое размеренное академическое спокойствие. — Мы с Олегом здесь разобрались...

— Ну и?.. — спросил Ермолов.

— Сработал элементарный защитный рефлекс. Биотоза замкнула определенные ячейки. Замкнула не думая, не мысля, как автомат, как счетно-решающая машина. Со всеми людьми она связана обратной связью. Нападение мгновенно показало ей, какие ячейки должны быть выключены. Вот она и работала.

— Более того, — пробурчал Заозерский, — она еще и допрос произвела.

— Какой допрос? — спросил Карабичев.

— Наше сознание для нее открыто, — ответил Эрик.

— Ну и что?

— Станный вопрос, — Заозерский пожал плечами. — У меня она узнала о вас, о Ермолове, о десятках людей, с которыми я был связан психической связью. Их она тоже допросила и заблокировала. Так она, что называется, обезвредила всю сеть, прихватив тысячи людей, никакого отношения к операции не имеющих: родственников, знакомых.

— Мы приблизительно так и думали, — сказал Ермолов.

— Кто это «мы»? — спросил Эрик.

— Чрезвычайный комитет.

— Есть такой комитет?

— Эх вы, кустари несчастные, да неужели вы думаете, что только вы тут, одинокие и заброшенные, спасаете человечество? Бедное это было бы человечество, если бы его судьба зависела только от вашего энтузиазма... Мы так и подумали, что биотоза механически выводит из строя людей. Потом установили, что влияние ее дальше биосферы Земли не распространяется... А дальше просто. Суточный спутник только и ждет приказа начать атаку. Туда же и боеголовки завезли. ООН единогласно разрешила эту меру в виде экстренного положения. Вы бы знали, что в мире творится! Я про подлецов говорю. И биотоза тут ни при чем. Столько нашлось любителей половить рыбку в мутной воде!.. Людям житья не стало, такое они творят.

— Я знаю, я видел, — тихо сказал Карабичев.

— Что ты там видел в своем Бессано! Есть дела похлеще. Так-то вот, ребята.

— Почему же вы медлите? Разнести ее к черту! — рубанул воздух кулаком Заозерский.

— Давно бы раздолбили... Да все не решаемся, не знаем, как это на психике людей отразится. Специалистов биотоза заблокировала. Посоветоваться не с кем. Вот и ищем повсюду, собираем наших людей.

— Но не все же они... Вот как мы с Олегом, в... рабочем состоянии, — сказал Эрик.

— Ну, это-то не беда! — Ермолов махнул рукой. — Были б живы. Мы их отправляем на спутник. Там они быстро в себя приходят!

И опять все рассмеялись, дружно, счастливо и весело.

— Значит, все, что мы тут сделали... было напрасно. — Заозерский махнул рукой куда-то в угол.

— Как же это напрасно! Да вы же замечательные люди. Да что я, по себе не знаю, чего вам стоило остаться самими собой! Напрасно! Вы же герои! Я уже не говорю про эту вашу защиту. Она еще, ой, как пригодится... Жаль, что Арефьева здесь нет. Вот забрали бы его — и в Москву. Там бы сообща все обмозговали — и за дело. Медлить больше нельзя. Тут у нас еще кое-какие пути намечаются, но об этом после...

— Так где же Сергей, Эрик? — спросил Ермолов.

— Нет больше Сергея, Иван Иванович. Вот все, что осталось от Сергея. — Эрик достал из кармана небольшой ролик магнитной проволоки.

МАГНИТНАЯ ЗАПИСЬ ГОЛОСА СЕРГЕЯ АРЕФЬЕВА

Две или три недели я не был дома. Сначала я ночевал на скамейках парков и в ожидальных залах аэропорта. Затем я уехал за город. Это спасло меня. Если б я остался еще некоторое время в городе, не знаю, что бы со мной было...

Я сошел на станции Светлое. Удачное имя придумали для этого места. Ровное зеленое поле с редкими березками открыто солнцу и ветру. На горизонте — веселый лес, подернутый осенней рыжиной.

Я прыгнул в наполненный бурой сырой листвой кювет, выбрался из него и зашагал к лесу. Я шел быстро и энергично, хотя торопиться мне было некуда.

Почувствовав усталость, я улегся на траве. Пахло

свежескошенным сеном. Воздух был по-осеннему прозрачен и легок. Я смотрел вверх. Небо казалось мне ситцевым шатром, а солнце — черной дырой. Я думал: почему солнце освещает землю, зачем оно это делает?

Я услышал треньканье какой-то певчей птички. Простенькая мелодия растворялась в солнечных лучах и пропадала. Ветер, прибежавший из леса, ласкал меня и что-то нашептывал. Напрягаясь, я пытался понять его язык, но он все время сбивался на невнятное доброжелательное бормотание. Я обессилел и заснул, и на лице моем было тепло солнца. Я спал долго и крепко и проснулся только под утро, когда небо стало едва заметно бледнеть и звезды растворились в нем, как сахар в молоке. Я продрог и долго не мог согреться, бегая по лужайке и хлопая себя руками.

Все, что происходило со мной потом, я помню плохо. Было много ярких минут и острых ощущений, но последовательность их была стерта из моей памяти, и я никак не мог разобраться, что было сначала, а что потом.

Помню себя в лесу, где царило грибное изобилие. Шляпки подосиновиков краснели на полянке, как капли крови, оброненные сказочным чудовищем. Я разрезал их толстые упругие тела и следил, как медленно синее на воздухе белоснежная мякоть. Скромные коричневые подберезовики на рябых ножках росли группами по двое, по трое. Я находил их в тени старых сосен, в густой траве, на обочинах оврагов. У этих грибов, казалось, не было излюбленного местожительства. На открытых местах, заросших мелкоколесьем и влажной густой травой, прятались маслята. Липкая лиловая кожица на их головках скрывала нежно-желтую упругую ткань, напоминавшую пух только что вылупившегося цыпленка. Сановитые беляки были эластичны и тверды, как мокрая древесина.

Особенно мне нравились опята, гроздьями облепившие старые пни в местах порубок и пожаров. Их тонкие стебли легко ломались, источая неповторимый грибной дух. Когда мне очень хотелось есть, я готовил себе грибное ассорти. Очищенные и мелко наре-

занные грибы я заворачивал в листья, облеплял сырой глиной и закапывал в яму. Потом я разжигал над ней костер. Минут через тридцать-сорок, разломив глиняную скорлупу, я извлекал дымящиеся куски грибного мяса.

Однажды я наткнулся на старый-престарый подберезовик, мшистая шляпка которого выгнулась вазой. В ней скопилась дождевая вода, на ее ртутной поверхности плавали хвоинки и листья. Я пил воду и видел облака у своих губ. Мне казалось, что я пью само небо. Оно было безвкусным и прохладным.

Время для меня остановилось. Оно растворилось в темном вечернем воздухе, в блеске звезд, в сладком запахе лесных полян. Я часами наблюдал, как раскачиваются верхушки двадцатиметровых сосен, как прокладывают себе дорогу кристальные ручьи леса, как поднимается веселое теплое солнце, чтобы согреть и напоить землю радостью...

Потом в моей памяти наступали мучительные провалы, когда не хотелось ничего...

Однажды я вышел к реке. Как замороженный, смотрел я в ее нахмуренное лицо. Была в ней тихая и чарующая раздумчивость. Я спустился к воде и увидел себя. Страшная физиономия с бородой. Безумные тоскующие глаза. Помню, что с отвращением отвернулся.

Я стал осматриваться по сторонам. Я задумался над тем, кто я и что я здесь делаю. Мое прошлое, мои злоключения замелькали передо мной, как кадры в кино. Я увидел себя со стороны, увидел Эрика, Ружену, биотозу, совет, конгресс... Припомнил все, и мне стало стыдно. Мне было стыдно не за себя, обычного, слабого, не очень хорошего человека. Мне стало стыдно за свои мысли, за свой интеллект. Высокие идеи, которым я поклонялся, красивые идеалы, о которых мечтал, рассыпались в прах от прикосновения корыстолюбивого эгоистичного желания. Я ничего не добился. Я сдал в самый ответственный момент, сбежал, как мальчишка, от упорной, тяжелой борьбы за наше детище — за Душу Мира. Случилось это потому, что все мои силы были уже израсходованы

ранее в многочисленных воображаемых битвах. Они думают, что меня подкосила смерть Ружены. В том-то и беда, что нет! Гибель Ружены — это тот камень, который обрушивает лавину. Но вначале лавина должна скопиться, иначе нечему будет падать...

Постепенно я превратился в заурядного бродягу. Несложные материальные потребности мои легко удовлетворялись. Я понимал, что продолжаю катиться по дорожке одиночества и отречения. Мне сладко было катиться по этой дорожке...

Но вот словно спала пелена с моих глаз. Унылое безразличие исчезло из моего тела. Я понял, чем мне надо заниматься. Пройдя километров пятнадцать по берегу реки, я пришел в порт. На маленький пароходный буксир набиралась новая команда. Я стал Капитаном. Работа у меня была несложная и нетрудная: я перевозил небольшие баржи, груженные стройматериалами или горючим, в пределах своего района. Однако работал я усердно и аккуратно. Я был классным Капитаном, хотя обо мне не писали в газетах.

Все это продолжалось до знакомства с «Сардинкой». Как-то я гулял по Кунцеву и случайно наткнулся на старинную дверь. Я долго стоял перед ней, раздумывая, войти или не войти. Какое-то воспоминание, намек на что-то очень далекое и теплое, шевельнулось во мне, и я вошел. С тех пор каждый приезд в Кунцево сопровождался основательным возлиянием в «Сардинке». Прошное возвращалось ко мне, я становился прежним Серегой Арёфьевым. Капитанская личина спадала с меня, как карнавальная маска.

Иногда в кафе бывали другие люди, но, как правило, они больше не приходили.

Однажды вечером там оказался один парень. Мы познакомились с ним. Когда я сильно опьянел, я узнал его и он узнал меня. Это был Эрик. Нас охватил такой ужас, что мы мгновенно протрезвели. И сразу разбежались. Я — на буксир, он — в свою больницу.

Но на другой день мы снова встретились в «Сардинке». Так продолжалось до тех пор, пока мы не

научились управлять своим сознанием, пока мы не стали уверенно держать память в своих руках. Вскоре мы отказались от помощи «Сардинки». Нам уже достаточно было одного усилия воли, чтобы наше «я» не ускользало от нас. Нелегкая работа, но мы ее сделали. Никогда бы мне не вырваться из плена, если бы не Эрик. Эрик! Только тогда я понял, кто такой Эрик! Все это время не он, а я светил отраженным светом...

Особенно опасна была ночь. Биотоза побеждала нас ночью. Приходилось с вечера заготавливать на утро список напоминаний и дел, которые возвращали нам память. Хорошо, что нас было двое.

Когда Эрик несколько дней не появлялся, я приходил к нему домой или в больницу. Он смотрел отсутствующим взглядом на меня и не узнавал. Дьявольская сила разъединяла нас. В его жизни, запланированной биотозой, не было места для меня, и он не помнил обо мне. Это была отличительная черта того страшного времени. Мозг перерабатывал только «полезную» информацию, то есть то, что относилось к области непосредственного «функционирования». Потеряв интерес к бесполезному, исключив его из сферы своего внимания, люди превращались в бездумных киберов.

Я выволакивал Эрика из психического омута, в который его погружала Душа Мира, и мы опять принимались за тренировки. В конце концов нам удалось разработать целый комплекс мыслей, ассоциаций и простых физических движений, обеспечивающих нормальное состояние.

Мы решили ликвидировать биотозу. Задача казалась на первый взгляд почти невыполнимой. Взорвать ее мы не могли. Это было смертельно опасно и грозило страшным психическим потрясением всему миру. Эрик убедился на своем горьком опыте, что значит трогать Душу Мира. Физическое уничтожение биотозы могло сопровождаться мгновенной гибелью или сумасшествием всего человечества. А время не ждало. Биотоза росла, совершенствовалась, развивалась. Она становилась сильнее и сильнее. Нужно бы-

ло торопиться. Каждый час сознания давался нам с огромным трудом.

— Для того чтобы уничтожить такого психического агрессора, каким является биотоза, — сказал Эрик, — мы должны вывести ее слабые места. Нужно ехать в Хокай-Рох.

В кратчайший срок наша экспедиция была экипирована. Мы взяли новейшее оборудование из брошенных, пустующих лабораторий. В Институте телепатии, покинутом всеми сотрудниками (уж тут-то Душа Мира постаралась!), я взял свой усилитель биотоков. Эрик хотел приспособить его для каких-то своих экспериментов.

Странно и дико было идти по пыльному грязному полу, некогда блиставшему чистотой, странно было видеть сор, запустение, хлам там, где каких-то три месяца назад толпились веселые жизнерадостные люди, что-то изобретали, о чем-то спорили.

Свой запыленный и слегка поржавевший аппарат я нашел в кабинете Ермолова. Запасные кристаллы были заперты в большом сейфе. Там же оказались два ящика с мелкими кристалликами рубина. Очевидно, Ермолов что-то собирался с ними делать...

Через несколько дней мы были в Хокай-Рох. Там мы нашли совершенно обезумевшего Заозерского, одного в пустой многоэтажной станции. Неделю мы «откачивали» его, пока не привели в божеский вид. Затем втроем мы взялись за работу...

И вот, наконец, мы поставили свой первый эксперимент... В основу его легла идея моего усилителя биотоков. Эрик рассуждал примерно так:

— В нашем случае твой излучатель играет роль экрана. Он должен сконцентрировать рассеянное излучение биотозы и вернуть его в виде прямолинейного пучка на тело биотозы. Этот участок Души Мира становится как бы замкнут на самого себя. Он выключается из общего потока энергии, рассеиваемой биотозой. Так ли это, мы должны проверить.

Опыт опасный, мы это знали. Но все, что ни делается с Душой Мира, опасно.

Я сказал, что буду проводить первый опыт. Эрик долго не соглашался, но это пустое, потому что никто не знает, где опаснее: стоять в стороне или находиться возле прибора.

И вот наступил этот день. Выпал снег, но здесь еще тепло. И он весь растаял. Эрик и Заозерский ушли, пожав мне руку. Я нацелил рефлектор на биотозу. Надел шлем со всеми штуками для эмоционально-физиологической записи, пододвинул микрофон поближе и... Я медлил. Задача у меня простая: проверить, пропускает ли рефлектор излучение биотозы, и подробно описать свои ощущения. Магнитная проволока уже шуршит у меня на коленях. Вот хлопнула дверь. Они ушли. Я бросил последний взгляд на туманную громаду биотозы и включил излучатель на полную мощность. Лимонный луч брызнул мне в глаза. А потом все исчезло...

Я шел по земле, где многое из того, что мы считали своим будущим, стало глубоким прошлым. Я знал, что давным-давно прошагали по этой планете и капитализм, и социализм, и коммунизм, и множество других общественных формаций, которым еще нет названия в наших словарях.

Почва была удивительно гладкой и плоской. Там, где я шел, она напоминала ровный пол, покрытый толстым ковром незнакомой мне, пружинившей под ногами травы. Светило солнце, на небе не было ни единого облачка. Мне было ясно, что геометрическая правильность окружающей меня природы вызвана ее искусственностью. Я шел очень долго, и ландшафт вокруг меня не изменялся. Нигде я не встречал ни рек, ни оврагов, ни лесов. Насколько хватал глаз, тянулась однообразная зеленая равнина. Солнце уже клонилось к закату, но темнее не становилось. С востока разливалось голубоватое сияние, оно все усиливалось, и, когда солнце скрылось, равнину освещал все тот же ослепительный свет.

Внезапно я увидел людей, парящих в воздухе. Они неслись с огромной скоростью на высоте семи-восьми метров над землей. Их было трое. Заметив меня, они резко отклонились от своего курса и направились

ко мне. Они были далеко от меня, и я не мог различить их лиц. Страшное возбуждение овладело мной, голова закружилась, и я упал лицом в пряно пахнущую траву, под которой блестела вода.

Я очнулся от резкого света, ударившего в глаза. Надо мной склонились люди. Сначала я подумал, что они совершенно голые, потом увидел на их телах трудно различимую, чуть поблескивавшую пленку. Она напоминала рыбу чешую. Люди были как люди. Высокие, статные, крепкие. Только совершенно безволосые. Без бровей, без ресниц. Они показались мне странными. Но я был бесконечно рад, что и после миллионолетий на Земле остались люди. Меня поразили их необыкновенно маленькие рты. Мужчины и женщины, окружившие меня, были очень похожи друг на друга. Казалось, передо мной братья и сестры. В них была какая-то еще непонятная мне красота. Они не разговаривали, только изредка переглядывались и улыбались.

Я застонал. Все сразу ушли, и надо мной склонился худой мужчина, по-моему глубокий старик, хотя держался он как юноша. Его пронизательный взгляд скользнул по моему лицу, телу, одежде. Мне показалось, что он остался доволен осмотром. Он улыбнулся мне. Резко очерченные маленькие губы раздвинулись, и я увидел рот, лишенный зубов. Это было совсем не уродливо. Я понял, что так и должно быть, что таковы люди далекого будущего. Мне хотелось пить, и я сказал об этом. Старика, казалось, поразили звук моего голоса. Он на секунду отодвинулся от меня. Затем осторожно провел рукой по моему лбу и щекам. Ощущение жажды пропало. По телу разлилась бодрость. Я смог сесть и оглядеться.

Передо мной было длинное просторное помещение, напоминавшее ангар. Сквозь стены проникал рассеянный свет. На подстилках, похожих на мою, лежали и сидели в самых разных позах люди. Они безмолвствовали. По резким поворотам голов, движениям рук я понял, что они общаются между собой неизвестным для меня способом. Присмотревшись, я заметил в них одну особенность. Никто не лежал на

подстилке так, как я, прижимаясь к ней. Они все висели в воздухе.

«Антигравитация», — мелькнула у меня мысль.

Я встал и пошел в конец ангара, где белел квадратный вырез выхода. Никто не удерживал меня, не обращал на меня внимания, только старик, которого я про себя назвал врачом, следил за мной.

Я вышел. Слева от меня выстроилось еще шесть ангаров. Я понял, что они спасают людей от яркого света небес, на которых не было солнца и облаков. Наверное, тонкие стены этих сооружений служили еще для каких-то целей. По их серебристой поверхности прыгали крупные красные искры.

Городок располагался на дне глубокой ложбины. Прозрачный ручей лениво петлял у моих ног. Местность была совершенно безлюдной. Вверху виднелись комья хорошо знакомой мне ядовито-зеленой травы. Она нависала над ущельем, как лава, словно грозясь затопить его.

Я увидел двух человек. Они появились над краем ложбины, описали в воздухе полукруг и скрылись в проеме, из которого я только что вышел. Я почувствовал, что должен следовать за ними. Но будь я проклят, если это было сделано по моей воле.

В ангаре царило оживление. Все повзлетали со своих мест и собрались возле темного предмета, напоминавшего стул. Я подошел к нему и сел, я понимал, что поступил правильно. На лицо мне надели маску, на голове закрепили блестящий металлический обруч. Затем врач осторожно вложил в мои ладони два холодных металлических стержня, от которых тянулись тоненькие проволоочки к поручням стула. Ничего не произошло. Я сидел и держал эти палочки, а они смотрели на корону, украшавшую мою голову. Они сбились гурьбой, и я внимательно их разглядывал. Теперь мне была ясна особенность строения их тел. У них не было привычных для меня округлых животов. Грудная клетка внизу оканчивалась провалом, переходившим в осиную талию. И вновь я понял, что это не уродливо, а так и должно быть.

Вдруг они оживились. Почти у всех широко раскрылись глаза. Странно было видеть на этих неподвижных лицах неподдельное человеческое удивление. Они переглядывались между собой, кивали и показывали головами. Казалось, они поняли что-то, непосредственно касавшееся меня. Затем меня освободили от маски и короны. Стул куда-то исчез. Все заняли свои места над подстилками.

Врач приблизился ко мне и положил руку на плечо. Мной овладела сонливость. Я сел, потом лег и заснул. Сон был легким и освежающим. Когда я проснулся, то увидел у своих ног сосуд, наполненный прозрачной жидкостью. Я подумал, что это вода. Выпил и понял, что ошибался: я вдруг почувствовал, что сыт, как после плотного обеда...

Ангар был почти пуст. Кроме врача, в нем никого не было. Старик подошел ко мне и улыбнулся. Признаться, эти ухмылки начинали меня раздражать. Если это все, на что способны люди будущего, то это не так уж много.

Я ткнул себя в грудь пальцем и сказал: «Сергей». Старик улыбнулся и кивнул головой. Я немного растерялся. Он взял меня за руку и повел в угол ангара. Там стоял стул, на котором я недавно сидел. Старик указал мне на металлический обруч. Затем что-то тронул на стуле, и я увидел на обруче себя, Москву, знакомые мне лица, Эрика, Ружену, отца, Лолу, какие-то непонятные волнистые линии вверху и внизу. Все неслоь и кружилось так быстро, что я не успевал следить.

Они записали всю информацию, которую хранил мой мозг, они знали обо мне все. Но как мне узнать хоть что-нибудь о них? Я их вижу, могу пощупать, но... Станные, необыкновенные люди будущего. В них есть необычная мягкость и ласковость. Может быть, это впечатление вызвано их молчанием, непрестанными улыбками, бесшумными движениями? Не знаю, но мне казалось, что я участвую в какой-то очень сосредоточенной пантомиме.

Вдруг мой старик обеспокоился. Метнув встрево-

женный взгляд на меня, он поплыл к выходу. Я выбежал за ним. Городок нельзя было узнать. Все население шести ангаров вылетело наружу. Люди сбились в толпу, если это выражение можно применить к людям, висящим в воздухе на разной высоте над землей.

На горизонте появилось темное пятнышко. Оно росло, увеличивалось, и скоро я увидел группу из нескольких человек. В их руках можно было различить комья светлой бесформенной массы.

Приблизившись, они сложили свою ношу на светлую пленку, раскинутую прямо на земле. Эти три куса неизвестного мне материала почему-то приковали к себе всеобщее внимание. Люди возбужденно курсировали вокруг, однако никто не переступал границы голубого четырехугольника.

Я подошел ближе и присмотрелся. Комья напоминали неудачно освежеванную тушу животного. На белорозовой коже повystупали капли крови. Размером эти комья были чуть больше рослого теленка. Они находились в непрерывном движении, однако не могли сдвинуться с места. Странные отростки по бокам, напоминавшие щупальца, беспомощно хлопали по упругому пластику. Один из комьев неожиданно повернулся, и передняя часть его обратилась ко мне. Я ощутил ужас. На меня смотрели большие человеческие глаза. Так это человек? Это люди?! Мне хотелось бежать, но ноги словно приросли к земле, а глаза жадно впитывали каждую деталь страшного зрелища. Огромная голова, занимавшая половину тела, светлые глаза, ушей нет, рот едва намечен, тело омерзительно неопределенной формы, с выродившимися конечностями...

К ним приблизился мой врач и еще один из присутствующих. Они принялись обмывать тела этих обрубков золотистой жидкостью. До меня донесся запах спирта. Обрубки шевелились, издавая звуки, напоминавшие хрюканье. Я с содроганием смотрел на мягкие движения работающих. Мне казалось ужасным даже прикосновение к этим эмбрионам, обладающим

самостоятельным бытием. Люди из ангаров по сравнению с обрубками напоминали греческих богов.

Врач и его помощник стали одевать пришельцев. Они натягивали на тела тонкий чешуйчатый покров. Кровотечение у обрубков прекратилось, и теперь они напоминали туго спеленатых младенцев-переростков. Их поставили стоймя, и они больше не падали беспомощно вниз. Очевидно, чешуя обладала антигравитационными свойствами.

Затем вся толпа, доселе безмолвно наблюдавшая за происходящим, с улыбками подплыла к обручам. В ответ слышалось неразборчивое ворчание. Дикая гримаса исказила лица этих калек. Возможно, это была ответная улыбка.

Через некоторое время в полном молчании комки были препровождены в ангар. Я остался один.

Я пытался постигнуть происходящее. Откуда прибыли несчастные? Что заставляло людей из ангаров относиться к ним с такой заботливой нежностью? Неужели вся цивилизация будущего сосредоточилась здесь, в этих шести помещениях из полупрозрачного материала? Наверное, это было не так. Где-то далеко отсюда шла неизвестная мне борьба, и сюда долетали ее слабые отголоски. Но я решил до конца использовать ситуацию. Я вернулся в ангар и попробовал наладить логический контакт с его улыбчивыми обитателями. Это оказалось трудным делом.

Улыбающиеся внимательно наблюдали за моими потугами, но никак не реагировали. Мои экскурсии в элементарные аксиомы математики и биологии не вызвали никакого отклика. Я был страшно далек от них. Самому себе я напоминал щенка, который повизгиванием пытается передать свои чувства хозяину. Снисходительные улыбки не исчезали с лиц моих слушателей. Я устал говорить, показывать на пальцах и замолчал.

Я крепко спал, когда меня разбудили самыми недвусмысленными толчками. Рядом стояло несколько человек. На них поблескивали темные маски, закрывавшие лицо и голову. С меня сняли мои потрепанные

одежды и обернули в чешуйчатое покрывало. Пластик сам мгновенно прилип к телу.

Потом мне показали на выход. Я оттолкнулся от пола и взлетел, но двигаться так, как мои спутники, я не мог. Я кувыркался под потолком ангара, цеплялся за скользкие стенки — и оставался на том же месте. Ко мне подвязали длинную бечевку из желтого металла, и мы поплыли к выходу.

По-прежнему был день, но теперь я увидел солнце. Оно сияло на безоблачном небе, и мне был приятен его ровный рассеянный свет. Солнце оставалось таким, каким я знал его давным-давно, миллионы лет назад.

Мы вылетели из ложбинки и взяли курс на север. С той небольшой высоты, на которой мы летели, земля казалась гигантской вогнутой сверкающей чашей. Ядовито зеленая трава, слегка опалесцирующее небо — и больше ничего. Зрелище было очень утомительным и однообразным. Мне казалось, что за время полета мы ни на шаг не сдвинулись с места. Только проплывавшие внизу спутанные холмы трав подтверждали факт нашего продвижения вперед.

Мы летели очень долго. Исчезло солнце, мой единственный друг в этом мире, и мы теперь плыли под сводами светящегося неба. Периодически один из спутников спускался на землю, что-то делал и, поднимаясь к нам, передавал сосуд, наполненный серебристой влагой. Я пил ее, и это были моя еда и питье. Чем питались другие, я не знаю. Может быть, они нуждались в пище меньше меня. Кто их знает! Они были добры ко мне, эти улыбающиеся боги, но я их не понимал.

Я летел и думал. Так вот какая ты, сверхцивилизованная Земля! Человек очень хорошо приспособил тебя для своего существования. Срыл горы и засыпал океаны... И вдруг я подумал, что трава внизу является попросту неизвестной породой водоросли, а что там, под ней, почва, вода ли, можно только гадать. Человек смахнул с небес облака и заставил светиться атмосферу. Он выровнял сушу, как футбольное

поле, сделал климат всего шара одинаковым. Наверное, и влажность воздуха здесь строго отрегулирована в соответствии с потребностями человеческого тела...

В своем неукротимом стремлении к однородности, порядку, управляемости люди превратили планету в большую квартиру с одним строго выдержанным стилем. Однообразие стиля навело меня на мысль, что и хозяин в этой квартире должен быть один. Кто же? Неужели мои улыбающиеся? Я посмотрел на них и заметил перемену в выражении их лиц.

Улыбки исчезли. Маленькие рты сжались в короткие риски. Глаза горели от возбуждения. На масках прыгали огромные красные искры. Улыбающиеся набирали скорость, и мой буксир туго натянулся.

Откуда-то слева и справа подлетали новые группы улыбающихся и подсоединялись к нам. Я понял, что они, ожидая нашего прибытия, лежали внизу на траве. Они были похожи на моих, но отличались либо цветом чешуи, либо масками. Среди вновь прибывших я заметил несколько женщин. Все были взволнованы и напряжены. Полет убыстрялся, и я чувствовал, что мне становится жарко...

Вдали послышался гул. Он напоминал раскаты грома. Я подумал, что мы приближаемся к вулкану. И сразу же одернул себя: какой вулкан на столь благоустроенной планете?!

Мои спутники постепенно уплотняли ряды. Расстояние между членами отряда становилось все меньше. Мы летели теперь густой тучей.

И вот я увидел на горизонте легкое розоватое марево. В нем что-то блеснуло. В зеленое поле внизу вдавались длинные языки бело-розовой массы. Дальше к северу они сливались в сплошное клубящееся поле. Оно дымилось и рокотало.

Мы спустились ниже. Океан шевелящейся бело-розовой материи состоял из комков. Каждый комок был плотно прижат к соседнему, меж ними намечались еле заметные разделительные линии. Мы летели, как мне казалось, на предельно допустимой скорости. Зеленые мыски и острова травы скрылись из виду, под нами осталась только ворчащая живая ткань.

Я был уверен, что она живая, еще не имея для этого убедительных доказательств.

На моих спутников было страшно смотреть. Окаменевшие лица, сведенные судорогой скулы, напряженный, взволнованный взгляд. Тесно сбившись в кучу, мы неслись вперед.

По-моему, прошло много времени. Я очень устал и еле держался. С меня сняли буксир, и я летел, сдавленный с четырех сторон крепкими телами улыбающихся (сейчас им меньше всего подходило такое название). Внизу тянулись все те же пенистые красноватые волны. Кое-кто из летевших ниже меня переместился вверх, и мне открылось более широкое поле обозрения. Я мог видеть то, что находилось непосредственно подо мной.

Комья, из которых состояла масса, приобрели более четкие очертания. У них появились кое-какие дополнительные черточки, что-то в них встревожило меня... Мне показалось, что...

Медленно холодея, я впился взглядом в волнистое море, мелькавшее внизу. Но мои спутники резко взмыли вверх, и мы долго летели на такой высоте, откуда ничего уже нельзя было различить. Я начал толкать своих попутчиков, показывая вниз. Один из них осторожно провел рукой по моему лбу и щекам. Мое волнение улеглось. Но стоило нам спуститься вниз, как оно вспыхнуло с новой силой. По моей спине побежали мурашки величиной с кулак.

Комья, из которых состоял живой океан, были людьми! Подо мной находились сотни тысяч, миллионы людей, плотно припрессованных друг к другу. Теперь я уже явственно различал очертания голов, глазные впадины, слабо развитые ушные раковины. Некоторые из них шевелили отростками, заменявшими у них руки. Некоторые ленивым поворотом головы провожали наш стремительный полет.

Миллиардоголовый зверь, или существо, или сверхсущество... Я летел над человеческим морем, над обществом-организмом, обладавшим единым телом, и каждый был в нем всего лишь клеткой. Страшный вскрик застрял в моем горле.

События развернулись резко и неожиданно. Наш полет круто замедлился. Улыбающиеся, а вместе с ними и я описали дугу в воздухе, мы прибыли. Посмотрев вниз, я, кажется, понял, почему мы прилетели сюда. Наверное, отсюда было недалеко до центральной части, Хозяина планеты. Я рассматривал человечьи головы внизу, бесформенные, рыхлые, неопределенные, почти без глаз, и меня мутило от гадливого чувства.

Внезапно двое улыбающихся ринулись вниз. Они упали на человеческое море и начали возиться над одной из голов. Сначала я не мог догадаться, что они там делают. Когда через несколько минут они взмыли в воздух, в их руках бился и визжал кровоточащий комок. Комок был немедленно подхвачен, и двое помчались с ним на юг. Улыбающиеся снова ринулись вниз и повторили свою операцию. Внизу, в шевелящейся плазме, образовался темный проем, где виднелась зеленая трава. Отряд наш редел. Один за другим, по двое, по трое, улыбающиеся отправлялись в обратный путь, унося в своих объятиях трепещущие тела людей, оторванных от человеческого океана. Оставшимся приходилось туго. По искаженным лицам под масками струились крупные капли пота. Движения улыбающихся становились все более нервными и суетливыми. Маски и шлемы были объаты пламенем. Потоки искр стекали с них на чешуйчатые тела улыбающихся.

Внезапно один из участников этой странной охоты подлетел ко мне и указал вниз. Я понял, что мне предлагают заняться отрыванием жалких человеческих обрубков от бурлившей под нами массы. Я повиновался и, сделав несколько неловких движений, опустил в образовавшуюся внизу темную воронку. Когда я коснулся упругих стеблей зеленой водоросли, обнажившейся из-под вырванных отсюда тел, я почувствовал странную слабость. Сначала ясно было только одно — полное отсутствие желаний. Мне захотелось вытянуться, лечь, забыться сладким сном. Затем сквозь дремотное чувство стали пробиваться неожиданные и непонятные в таких обстоятельствах

ощущения гордости и счастья. Я знал, что это не мои ощущения. Они принадлежали тому океану жизни, куда я попал. Они были наведены единым полем мирового разума, который спаял миллиарды людей в один организм. Я совсем забыл о цели своего спуска. Я забыл об улыбающихся. Я забыл обо всем. Новые, захватывающие дух чувства и мысли волновали меня. Они были неясными, размытыми, но очень сильными. Океан мысли медленно погребал меня...

Я осторожно двинулся вперед, навстречу трепещущим обнаженным телам, которые уже не казались мне ни противными, ни враждебными. В это время вверху что-то произошло. Я посмотрел и увидел улыбающегося. Раскинув вялые руки, он падал вниз. Приблизившись к земле, он медленно сдернул с себя маску и шлем.

Я ринулся к нему. Несколько толчков вознесли меня над рокочущими головами. Я подлетел к улыбающемуся, но было поздно. Его уже засосало. Напрасно я дергал его за руки, тряс за плечи. Он все глубже опускался в человеческое месиво. Он уже сам не хотел оттуда уходить. Море голов довольно рокотало.

Я огляделся и увидел удалявшиеся фигуры улыбающихся. Они уносили на себе несколько новых жалко повизгивающих комочков. Я полетел за ними...

Наше возвращение было еще более тяжелым и длительным, чем полет к Хозяину. Утомление пронизывало каждую пору, каждую клетку тела. Какая-то невидимая сила все время задерживала нас, мешала движениям, ослабляла внимание.

Лица улыбающихся из бронзовых стали пепельно-серыми. словно автоматы, производили они те мелкие сложные движения, которые обеспечивали им уверенный полет. У меня дело обстояло хуже, я с трудом осваивал технику полета: покачивания головы, движения губ, улыбки. От этих гримас зависело положение тела и его скорость...

К тому моменту, когда мы увидели ложбинку, где к земле прижимались шесть сверкающих на солнце ангаров, я уже овладел незамысловатым управлением полета.

Нас встречало все население городка, и вновь состоялось омовение привезенных человеческих тел. Теперь я постеснялся бы назвать их обрубками.

Затем мы спали. По-моему, наш сон длился год, таким крепким он мне показался.

Когда я вышел из ангара, то первыми, кого я увидел, были люди из тела Хозяина. Их учили ходить. Мне бросилась в глаза резкая перемена в их внешности. У них появилась четкость, конкретность в очертаниях, определенность форм. Круглая голова поднялась над плечами, прикрытые глаза распахнулись, словно маленькие голубые окна. Розово-белая кожа стала темнеть. Ее покрыл бронзовый налет мягкого загара. Они стали походить на улыбающихся. Даже их маленькие рты кривились в гримасе, похожей на усмешку. И я подумал, не из этих ли осколков, оторванных от человеческого океана, образованы летучие отряды улыбающихся? Но кто такие улыбающиеся? Почему они ведут жестокую непрерывную борьбу с организмом-обществом, населяющим нашу Землю? Тысячи вопросов хлынули и затопили меня. Я не мог ответить ни на один, но знал я одно:

Развитие человеческого общества привело к созданию организма, в котором люди объединились на каких-то сложных, непонятных мне началах. Планета наша была так изучена, освоена и оборудована, что больше не осталось каких-либо материальных задач, подлежащих разрешению. Давно прошел век неорганической материи, металла, аппаратуры. Земля стала биопланетой. Здесь все решалось с помощью молекулярно-биохимических отношений. Общество-организм, населившее Землю, обладало свойствами, которых я никак не мог понять. Я присутствовал при борьбе улыбающихся с этим океаном человеческого сознания, и мне были непонятны ни цели, ни способы этой войны.

Возможно, на моих глазах схлестнулись две ветви эволюции, отличающиеся тенденциями своего развития? Возможно... Но ведь я находился на таком уровне, где задачи этих совершенных организмов не могли быть даже как-то более или менее четко сформули-

рованы. Ведь сражения между человеком, обществом и улыбающимися происходили в совершенно неизвестных мне сферах мышления. А что эти сражения происходили, я знал достоверно. Недаром на стенках ангаров непрерывно прыгали искры. Может, они сражались мыслями, как мы когда-то бились кулаками? Я вспомнил улыбающегося, поглощенного Океаном жизни. Странное дело, но я теперь не испытывал отворачивания к этим волнам колеблющихся человеческих голов. Побывав среди них, я понял, что это совсем другая жизнь, к ней с нашей ограниченной меркой подходить нельзя. Может быть, они обрели легендарное общечеловеческое счастье? Но тогда почему же улыбающиеся не с ними? Или антагонизм и противоречие должны так же неумолимо сопровождать самые высшие формы сознания, как они сопутствовали низшим?..

— Только теперь понимаешь, какая страшная штука эта биотоза, — сказал Ермолов, выключив магнитофон и вынув из гнезда ролик с записью.

Тяжелое, гнетущее молчание нарушил Эрик.

— Мы далеко не первый раз прослушиваем эту запись. Поэтому смогли кое-что обдумать... Мне... Лучше пусть вам расскажет Олег.

Заозерский провел ладонью по заросшей щеке. Прошелся по комнате. Потом сел на кровать.

— Дело не только в том, что эта запись позволила нам заглянуть в нутро биотозы... Душа Мира дала в наши руки мощное оружие.

— Как вы думаете, — перебил его Карабичев, — что представляет собой вся эта фантазмагория? Эйфорические видения Арефьева или результат воздействия биотозы?

— Трудно сказать. Наверное, и то и другое. Участок биотозы, замкнутый сам на себя, обрушил на Сергея лучевой ливень, несущий информацию о будущем. Биотоза — это циклопическая счетная машина, не обладающая собственной психикой, сознанием. Информация о будущем создана чисто логической, а потому и неверной, экстраполяцией настоящего. Соз-

данное биотозой людское море, в котором растворилась всякая индивидуальность отдельной личности, противоречит природе человека. Такое, с позволения сказать, будущее не только вызывает в нас отвращение, оно бессмысленно и поэтому невозможно. Об этом можно и не говорить. Тут все более или менее ясно. Важно другое. Почему биотоза выдала в ответ на раздражение именно такую информацию?!

Если бы она обладала сознанием, разумом, ответить на этот вопрос было бы трудно. Ответ был бы многовариантен. Но Душа Мира — это машина, живая логическая машина, связанная обратной связью с нашим сознанием. И нарисованная ею картина «будущего» — это не более чем ее примитивная защитная реакция на физиологическое раздражение. Она показала, каким должно быть человеческое общество, наилучшее для нее, биотозы. Хозяином планеты в таком обществе-организме выступала бы она сама. Люди должны были бы лишиться всякой индивидуальности. И только тогда они создали бы единый, спокойный фон излучения, наиболее благоприятный для развития биотозы. Ей нужно и разъединить людей, как она это сделала с нами, биологами, и объединить их, покорных и пассивных, в единую субстанцию, дающую равномерный лучевой поток. Только тогда ей не будут угрожать покушения на целостность ее массы. И все это она проделала автоматически, на уровне кибернетики, а не на уровне индуктивного и дедуктивного анализа.

После такого разбора уже не трудно было прийти к идее борьбы с биотозой. Мы должны противопоставить разъединению объединение, объединение людей, поставивших своей задачей борьбу с биотозой. И чем больше нас будет, тем хуже придется Душе Мира. Она была создана за счет мозговой энергии людей всего мира. Это были люди различных убеждений, стремлений, желаний. Это они создали некий средний нивелировочный фон, который оказался таким благоприятным для роста биотозы. А если людей объединить? Если направить все их мысли на борьбу с биотозой? Что тогда?

— Тогда она погибнет, — сказал Эрик. — Разъединенное человечество ее создало, объединенное ее уничтожит.

— Да, объединенное человечество ее уничтожит, — Заозерский поднялся и вновь прошелся по комнате. — Объединенное человечество! Не физически спаянное между собой в аморфное людское море, а охваченное единой благородной идеей.

— Сегодня такой объединяющей идеей должна стать идея борьбы с биотозой, — сказал Эрик.

Ермолов рассмеялся. Эрик и Заозерский с удивлением посмотрели на него.

— Не обращайтесь внимания, это я так... своим мыслям, — сказал Ермолов. — Замечательные вы ребята, вот что. Жалею, что сразу вам не сказал. По всему миру ширится и крепнет движение против воздействия биотозы. Ракеты на суточном спутнике — это на самый крайний случай. Все мы верим, что сумеем справиться с биотозой и без них. Если бы вы знали, сколько заблокированных биотозой людей научились управлять своей волей! Наша задача — направлять и организовывать это еще не до конца осознанное движение. Вести людей в бой за будущее. За наше будущее!

* * *

Я — всего лишь голос, навечно отлитый в звуках этой записи. Из столетия в столетие, от поколения к поколению я несу людям рассказ о событиях, непосредственным участником которых был сам. Душа Мира ошиблась. Она не могла не ошибиться, механически тасуя людскую память.

Люди слушают меня внимательно и настороженно. И они правы. Людям нужно знать не только то, что было или будет, но и то, чего быть не должно. Я оживаю, когда ко мне приходят люди, мои далекие потомки. Они приходят вместе с солнцем, которое желтым расплывчатым зайчиком скользит вдоль стен. Жаркое, счастливое солнце. Солнце счастливого мира, построенного руками моих современников...

СОДЕРЖАНИЕ

Уравнение с Бледного Нептуна . .	5
Душа Мира	53

*Емцев Михаил Тихонович и
Парнов Еремей Иудович*

УРАВНЕНИЕ С БЛЕДНОГО НЕПТУНА.
Фантастич. повести. М., «Молодая гвардия»,
1964.

256 с. (Фантастика. Приключения. Путешествия).

P2

Редактор *Б. Клюева*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Г. Обуховская*

A109201. Подп. к печати 3/VIII 1964 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8(13,12). Уч.-изд. л. 12,5.
Заказ 662. Тираж 100 000 экз. Цена 53 коп.
Т. П. 1964 г., № 238.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21,

53 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ